

ЭДМУНД МАТЕР

*Meiner Frau Raisa für ihre Unterstützung und Geduld während
Der langjährigen Arbeit an diesem Werk gewidmet
Моей жене Раисе за её помощь и терпение во время
долголетней работы над этим трудом посвящается*

автор

ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА

РОМАН-ЭССЕ

Обновлено: 01.05.2024

Рисунки Курта Гейна и др.

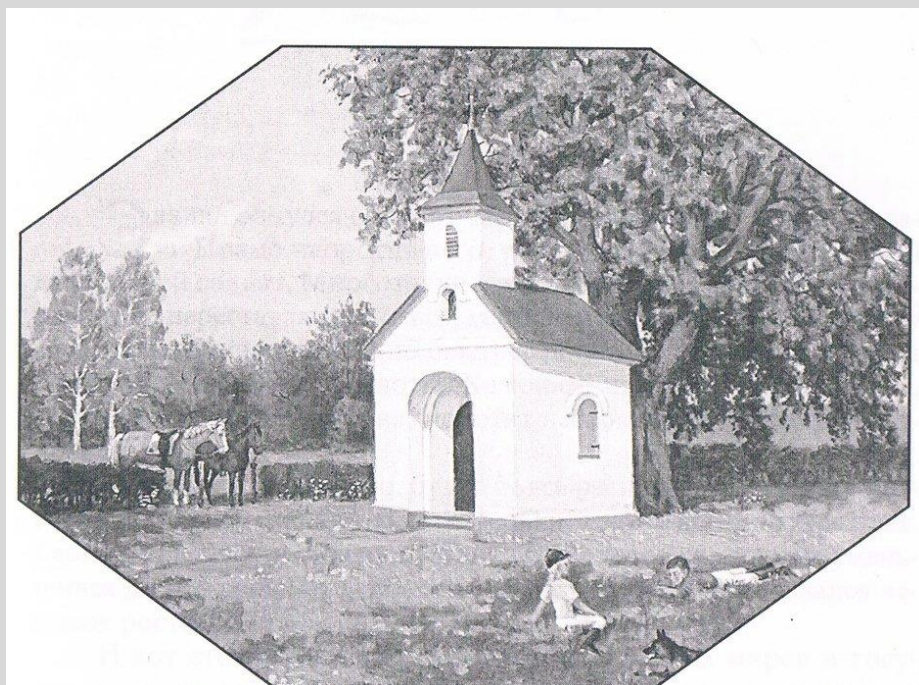
© Все права у автора

Расставания и встречи

часть вторая

9 глава. Эвальд

Эвальд очнулся от жесточайшего пинка в бок. Поднял глаза. Прямо напротив него, ухмыляясь, стоял вооружённый германский солдат. Многозначительно вильнув стволом «шмайсера»*, и не переставая скалиться, германец дал советскому солдату понять, чтобы он как можно быстрее поднимался с земли. Голова болела до одури, до тошноты. Казалось, что изнутри по черепу, попеременно, не переставая, молотят несколько здоровенных кузнечных кувалд.

Медленно, осторожно, будто боясь расплескать гудящие мозги, приподнялся сначала на четвереньки, а затем встал во весь рост. Германский солдат, казавшийся до этого огромным, сразу же уменьшился до нормальных человеческих размеров и даже оказался невысок ростом.

И вот стояли два солдата, два воина разных миров и государств, один против другого. В обоих текла кровь одного и того же народа, но они были непримиримыми врагами. Два брата по крови стояли по разные стороны баррикады, и каждый из них был глубоко убеждён в том, что именно он дерётся за правое дело и будущее всего человечества. И ещё одно обстоятельство разделяло двух мужчин, далёкие корни которых тянулись от одних и тех же предков. Одного из них во всём мире называли германцем, а второго, предки которого уже давно покинули Германию, окрестили навечно немцем. Нет на карте мира такого государства, как Немечия, и никогда не было, а национальность имеется. Именно такая запись стоит во многих официальных документах, как подтверждение несуразности.

Успел Эвальд при хаотическом отступлении сорвать со своей одежды, как и многие командиры, свои офицерские знаки отличия, и это спасло ему на первое время жизнь. Ни для кого уже не было большой тайной, что коммунисты, командиры и немцы, воюющие на советской стороне, расстреливались фашистами в первую очередь, а вероятность окружённых попасть в плен была велика. Германцы, в прямом смысле этого слова, сидели на спине у убегающих

без оглядки, разломанных артиллерийскими и воздушными налётами, обескровленных советских воинских частей. Фронт летом 1941 года напоминал рождественский пирог со многими прослойками. Германские мотоциклисты нападали иногда даже с той стороны, откуда их уж ни в коем случае никогда бы не ждали.

По всем приметам выходило, что крышка котла, в котором находилась не одна тысяча советских солдат и офицеров, была захлопнута германскими моторизованными частями намертво. Прорваться на восток уже не было никаких шансов. Уходили поодиночке и небольшими разрозненными группами по лесным глухим дебрям в обход едва слышанной стрельбе, но иногда отступающим приходилось выходить и на чистое, хорошо просматриваемое место. Здесь их ждали жестокие сюрпризы.

Уже возле кромки следующего тёмного лесного массива настиг всё же самолёт-охотник и группу, в которой бежал Эвальд. Он не услышал ни звука падающей бомбы, ни взрыва, а, может, и услышал, но в памяти это не сохранилось. Всё, о чём он позже мог вспомнить, это вставшая перед ним дыбом земля.

Не просто счастье улыбнулось воину. Можно сказать, что с ним случилось настоящее чудо. Гимнастёрка, брюки и даже сапоги были во многих местах прорублены осколками, а на теле не осталось ни одной царапины. Лишь левое ухо насквозь пробил небольшой кусок горячего металла, а второй осколок оставил широкий рваный след на голове. Металл сорвал кожу почти до кости и нанёс тяжёлую контузию. Но, несмотря на полубессознательное состояние, успел он всё же сообразить, что нельзя ему называть свою настоящую фамилию. Не станут германцы долго разбираться, кто он есть – немец или еврей. И те, и другие стояли в списках, уничтожаемых в самом начале. Фашисты в таких случаях компромисса не признавали и расстреливали всех неудобных им военнопленных подряд без долгого разбирательства. При первой регистрации военнопленных, которая проходила в колхозной конюшне, куда со всей округи сгоняли выживших солдат, назвал пленённый советский немец фамилию своей жены, урождённой украинки Марии Смоляр, а имя – её старшего брата Анатолия.

Германии нужна была дармовая рабочая сила, а использовать её с полной отдачей хозяйственные германцы умели, этого у них было не отнять. Фашисты не просто использовали пленных как дармовой рабочий скот, а выкачивали из них остатки сил интенсивными и эффективными методами.

На постройку новых дорог и для ремонта старых Германии нужно было немало строительного камня, а где его взять, как не в каменоломнях, потому забивались пленными солдатами все карьеры до отказа.

Помогла, видно, Эвальду крестьянская закваска, которая передалась ему от отца. Выдержал он все мытарства нескольких пересыльных пунктов. В каменоломне работал кайлом, кувалдой и ломом, как заправский каменотес. Огрубели руки. Его и прежде нельзя было назвать белоручкой, но теперь пальцы больше походили на кузнечные клещи, чем на руки нормального рабочего человека. Дни тянулись сплошной, мучительной, нескончаемой серой лентой. Немногие из пленных выживали в этом аду даже неделю, а пленный немец всё ещё был на ногах, несмотря на то, что находился в плену уже несколько месяцев.

Как-то в один из обыкновенных будничных дней охрана спешным порядком согнала всех на одну сторону карьера. Суетились при этом германские

солдатики так, будто сам фюрер должен был с минуту на минуту посетить этот адский уголок на земле.

И, действительно, немного погодя по подъездному пути спустилось вниз, блестя натёртым лаком, несколько лимузинов. Из автомобилей, громко переговариваясь, выбралась группа офицеров. К толпе военнопленных, плотно окружённой охраной, подошёл один из приехавших молодчиков. Коротко переговорив с начальником охраны, он, молча, указал пальцем на нескольких пленных. В число избранных попал и Эвальд.

Два автоматчика из охраны, выстроив пленных гуськом, бегом повели их к группе новоприбывших.

– Наверное, отжил своё, – думал мужчина, машинально перебирая непослушными ногами. Но всё оказалось совсем не так, как он предполагал. Не как живые мишени на этот раз использовались люди, а только для установки фанерных макетов-мишеней.

Не рядовые палачи приехали развлекаться, а, скорее всего, элитное дворянское офицерское сословие. Отпрыски высокопоставленных чиновников решили, очевидно, поупражняться в стрельбе, и лучшего места для развлекательной прогулки на природе, чем каменный карьер, штабные офицерики не нашли. Да и показать униженным пленом советским солдатам своё превосходство можно было чванливым отпрыскам без всякого риска для жизни.

Трое пленных по первому взмаху руки офицерики бегали по очереди с новыми мишенями к стенке карьера. Не успевали они толком установить макет, как кое-кто из стрелков, ради всеобщего веселья, начинал палить из пистолета.

Любили пошутить германские ребята, ничего не скажешь, но пленным при этом было не до смеха. Сломая голову и согнувшись вдвое до земли, бежали они в сторону, чтобы не попасть под пулю. Пошучивали приехавшие офицеры и один над другим, но не так злобно, конечно, и никто из них даже не подозревал о том, что один из их рабов понимает каждое сказанное слово и что бесит до темноты перед глазами, бесит его собственное бессилие.

Из пёстрой толпы офицеров выделялся один. Выглядел он немного постарше остальных. Не новая, но хорошо обмятая по фигуре форма ладно сидела на нём. Чином он тоже был повыше остальных. С первого взгляда можно было понять, что не штабник это, который ещё ни разу в своей жизни не нюхал пороха, а бывалый вояка.

Спокойно поглядывая на резвящихся молодцов, он своим видом как бы говорил: «Поиграйте, ребята, пока есть возможность, а мне в такие игры играть уже не хочется».

И чем дольше длилась эта потеха, тем яснее становилось Эвальду, что все стрелки ему в соперники не годятся. Думая про то, сколько без толку расходуется боеприпасов, которых так не хватало советским солдатам при бегстве-отступлении, он не удержался от горькой усмешки при очередном, особенно позорном промахе германского офицера.

Один из офицеров, заметив кривую улыбку пленного, сказал об этом своим товарищам. Все с интересом повернули головы в его сторону. Кто-то из них обратился к нему на ломаном русском языке: «Ти што рюски зольдат? Карашо может стрелят? Кочет нам показат, как нушно выполнят?»

Вопрос был обращён конкретно к Эвальду, проигнорировать его он не имел права. Приняв стойку «смирно» и повернув голову в сторону спрашивающего, он чётко, как во время рапорта, проговорил: «Советский солдат обязан хорошо стрелять».

Офицеры в ожидании нового развлечения, всё так же улыбаясь и переговариваясь, подошли к нему вплотную.

Любопытный офицерик, с усмешкой глядя на пленного, заговорил снова: «Какой оружи кочет рюски зольдат? Парабелюм? Вальта? Тити? Нагань?»

Эвальд, глядя в глаза спрашивающего, коротко ответил: «Советский солдат умеет пользоваться любым видом оружия».

Какая-то непонятная злость овладела бывшим офицером, инстинкт самосохранения дал сбой. Замкнули накоротко защитные силы человека, которого топтали в прямом смысле этого слова, и притом довольно жестоко, так, что только ссадины и рваные раны оставались на теле. Сорвался пленённый и униженный человек и, как говорят, пошёл ва-банк. Нечего было ему теперь уже терять, кроме жизни, а её он хотел продать подороже.

У спрашивающего офицера от удивления брови поползли на лоб. Не ожидал он такой наглости от пленной рабочей скотины, которая была обязана молчать и работать. Вся группа офицеров настороженно замолчала. В дело сразу же вмешался офицер, который был постарше. Пошучивая и посмеиваясь, он предложил дать возможность показать пленному своё умение. По его команде двое встали за спиной пленного, уперев стволы своих пистолетов ему в спину, а старший протянул свой, вынутый из кобуры изящный Вальтер небольшого калибра, который не был еще заряжен. Не получилось. Эвальд понял, что ему даже не дадут повернуть ствол пистолета в сторону офицеров, как он сзади сразу же будет расстрелян в упор. Старший протянул пленному наполненный наполовину пистолетный магазин.

Поразить мишени, по которым из всех стволов хлопали незадачливые стрелки, было несложной задачей. Огрубели руки, но почувствовав знакомую округлость рукоятки пистолета, пальцы сами по себе мягко обняли привычные части.

Не за красивые глаза получал высшие призы и награды бывший «Ворошиловский стрелок» Эвальд Добрштайн. Непревзойдённым снайпером был он, а его самым любимым оружием был именно пистолет.

Быстро и ловко вбросив магазин в пистолет, и чётко вздёрнув затвор, он развернулся чуть боком к мишени. Два ствола плотно вжались в его спину. Не поворачивая голову назад, приподнял вооружённую руку. Хлётко прозвучали хлопки выстрелов. Лица у офицеров вытянулись. Все четыре пули, которые находились в магазине, точно легли в центр круга. Эвальд, не поворачиваясь, взял левой рукой пистолет за ствол и медленно через плечо подал его назад.

Злость прошла. Пусто как-то стало у него на душе. Ни радости, ни удовлетворения он не ощущал, только какую-то горечь, досаду на себя за то, что не удержался и выдал себя. Все офицеры выжидающе смотрели на старшего, очевидно, принимать какое-либо конкретное решение мог только он. Молчание затянулось.

Нехорошая, гнетущая тишина повисла в воздухе. Но на удивление своих подручных старший офицер не предпринял ничего такого, что привело бы к немедленному наказанию слишком уж обнаглевшего советского солдата. Старший не схватился за пистолет и даже не повысил голос. Он внимательно посмотрел на пленного, а потом спокойно, вполголоса спросил: «Как карашо ти стрелят? Мошно покасят? Какой кочеш оруши? Револфа? Пистоле?»

Эвальд показал рукой на кобуру одного из офицеров, в которой находился уже давно знакомый ему пистолет внушительных размеров. Старший офицер молча кивнул молодому. Тот неспешно вставил полный магазин в пистолет и протянул пленному заряженное, но не взведённое оружие рукоятью вперед.

Парабеллум не был обыкновенным табельным оружием германских офицеров во время Второй мировой войны. Крупноват он был и не современен, но по бою и надёжности этому оружию не так-то просто было найти равных. Бывший офицер знал это не понаслышке. Нравился ему парабеллум не только за его изящные формы, но ещё и потому, что особенно хорошо лежала рукоять в руке. Прямо, как влитая. Приходилось ему пользоваться этим механизмом полуавтоматического действия девятого калибра. Хорошо знал он особенности и достоинства этого не только красивого, изящного, но и очень надёжного пистолета.

Была у древних римлян в ходу интересная поговорка: «Si vis pacem, para bellum». Что в переводе на русский язык означает: «Если хочешь мира, будь готов к войне».

Судя по замыслу конструктора, который изобрёл этот пистолет и дал ему название, то парабеллум должен был бы служить оружием защиты. Но оружие никогда не служит только для защиты. Оно всегда, сколько существует человечество, служит для уничтожения самого человека.

Два вооружённых офицера всё так же неподвижно стояли за спиной Эвальда с оружием наизготовку. Он ловко и быстро передёрнул затвор и сделал несколько шагов вперёд, в направлении стенки карьера. Два конвоира неотступно следовали за ним. В десятке метров перед бывшим советским воином, а теперь военнопленным, почти возле самых камней стены, стояло разломанное бетонное сооружение. Куски тонкой арматурной проволоки торчали вверх наподобие игл ежа, примерно на длину спичечного коробка один от другого. Стрелок-снайпер стал чуть боком. Напряг руку. Примерился глазами. Всё остальное случилось настолько быстро, что ошарашенные офицеры даже не поняли, как это произошло.

Сухо, громко и часто простучал парабеллум, безукоризненно выполняя свои функции. Пули с визгом срезали огрызки арматуры возле самого основания бетона.

Ни одного из пяти, торчавших до этого дыбом из бетона концов арматуры не было больше видно. Их, казалось, сдуло одним порывом ветра.

Широко раскрыли глаза все офицеры, и даже солдаты охраны с уважением глянули на советского рядового солдата, который с таким мастерством управлял германским оружием. Откуда было им знать, что не рядовой солдат и даже не сержант или старшина стоит перед ними, а гвардейский капитан, советский пехотный офицер, который успел понюхать порох на Дальнем Востоке и в Европе ещё до начала Большой Катастрофы. И что за стрельбу из любого вида оружия он был награждён самыми мыслимыми и немыслимыми наградами ещё задолго до того, как Германия совершила ошибку и ввязалась в войну.

Старший германский офицер ещё раз, но уже с большим интересом и вниманием, посмотрел на Эвальда. Потом он, очевидно, приняв какое-то решение, тихим голосом подал охране команду.

...Оба поняли друг о друге многое, но решить судьбу Эвальда мог в это мгновение только германец.

Охранники-автоматчики быстро увели военнопленных назад к общей толпе, всё ещё теснящейся в углу карьера. Работа здесь ни на миг не прекращалась, только тесновато было теперь из-за людской скученности, но это не мешало особенно ретивым служакам отпускать для общего порядка время от времени жесточайшие зуботычины.

Вернувшихся пленных тоже не обделили вниманием. Им сразу же был вручен инструмент, то есть ломы и кирки, а щедрый пинок в зад указал каждому направление и место его работы. Надсмотрщики свой хлеб отрабатывали неплохо. Они являлись специалистами высокого класса по оплеухам и зуботычинам, а многие из них были ещё дополнительно вооружены отрезками шлангов и кабелей.

И не обязательно германцами были эти звери, а свои же, бывшие советские люди, очень активно принимали участие в истязании себе подобных за кусок хлеба или дополнительную миску жидкого супа. Отрезки кабелей, шлангов и тросов использовали эти изуверы неспроста: палкой или дубиной можно сломать кости человеку, а вышеуказанные воспитательные инструменты лишь сдирали кожу и мясо, а, значит, воспитываемый оставался работоспособным и после бесчеловечно жестокой процедуры. Огнём ожигал удар таким «гуманным» инструментом. Владели надсмотрщики своим оружием неплохо. Не один, а сразу два подогревающих прикосновения шлангом почувствовал Эвальд на своей спине. Узнала, наверное, шакаля свора о том, как отличился пленный и сразу же, чтобы не задирали слишком нос, решила принять профилактические меры.

Сожалел теперь о своей несдержанности пленный советский офицер, но в то же время был рад, что утёр всё же нос заносчивым противникам. Он прекрасно понимал, что все муки, которые пришлось пройти ему до этого для того, чтобы выжить, оказались напрасными. Пленный враг, который хорошо владеет оружием и при этом не переходит на сторону победителя, уничтожается.

Не так уж глупы германцы, чтобы не понять, что не может быть рядовым солдатом такой хороший стрелок из пистолета, ведь в Советской Армии пистолетами вооружался лишь офицерский состав.

Пленный же советский воин-немец не просто хорошо владел любым видом оружия, но владел мастерски. После демонстрации своего таланта он приготовился к самому худшему.

Узнал он офицера, который, очевидно, командовал группой штабников, и понял по его широко раскрывшимся глазам, что и тот узнал пленного.

Ещё тогда, на учениях, получая подарок от иностранца, увидел он на белке его правого глаза розоватую черточку, похожую на крошечный полумесяц. Такой знак забыть невозможно, и сразу же, как только германец поднял взгляд, Эвальд, чуть вздрогнув от неожиданности, узнал его.

Перед ним стоял в форме старшего германского офицера бывший представитель дружественного государства, и надеяться на его пощаду было бесполезно. Но, к удивлению пленного, тот ни движением, ни звуком не выдал себя. Спокойно, как ни в чём не бывало, отвернувшись от снайпера, он и дальше всё так же шутливо продолжил свой разговор с офицерами.

Целую ночь пролежал пленный в ожидании экзекуции. Мысли непрерывной чередой проносились в голове. Отправился он в другой мир. Только тело, материальная оболочка, осталась лежать в страшном каменном карьере на холодных нарах, а его самого не было здесь. Далекое улетел он в своих воспоминаниях...

Родился он в зажиточной немецкой семье на юге, в богатой фруктами, овощами и хлебом Украине. Рано осиротел. Его родная мать, схватив воспаление легких, не прожила и недели. Сгорела от внутреннего жара, и даже привезённый из далекого города врач уже ничем не смог ей помочь.

Непростые были тогда времена. Прошла по этим местам первая мировая война, выметая людей с обжитых мест своей страшной метлой. Начались различные

мятежи и восстания. Одна банда выбивала другую. Грабежам не было видно конца. У людей, живущих в деревнях и на хуторах, выгребалось всё, что только можно было загрузить на тачанки и телеги.

Различные, то есть разноцветные банды и отряды шастали по округе, как стаи сбесившихся волков. Спрятаться от них было практически негде. В больших городах к тому времени было всё же спокойнее. И отец не нашел другого выхода, как продать за бесценок остатки своего хозяйства и переехать в город. Прекрасный южный город на море встретил новосёлов неприветливо. Цены на всё были бешеные. Приобрести жильё где-нибудь в центре было невозможно. Помогли бедному беженцу дальние родственники, которые уже с давних пор жили в этих краях. С их помощью отыскал отец на окраине скромную избушку, которую и приобрёл.

По соседству с домиком Добрштайнов в маленькой избушке жила учительница, вдова русского офицера, погибшего где-то на чужбине. Так уж случилось, что в один прекрасный день Эвальд узнал о том, что у него есть меньшая сестрёнка и новая мама, которые вскоре и переселились к ним. Заговорили после этого в новой многонациональной семье на разных языках, но жили, хорошо понимая друг друга.

Поначалу мальчик общался с отцом на своём родном, то есть немецком, языке. Новая мать разговаривала со своей маленькой дочерью на певучем местном наречии, в котором смешались вместе русский, украинский, немецкий и польский языки. А между собой родители разговаривали на русском языке. Отца почти никогда не было в доме, поэтому мальчишка очень быстро заговорил на местном наречии. Нужно отдать должное и мачехе: она старательно учила немецкий язык. При всякой возможности, не стесняясь своего ужасного акцента, она говорила со своим пасынком по-немецки, и, возможно, именно поэтому, а, может быть, и потому, что она душевно отнеслась к своему вновь приобретённому сыну, он быстро привык к тому, что в доме есть новая хозяйка. Как-то само собою получилось, что он без какого-либо нажима называл по сути совсем чужую для него женщину мамой. Немного прошло времени, как вся семья заговорила на одном языке, то есть по-русски, но с местным диалектом.

Мир и лад царил в доме. Следующее поколение заставило себя ждать довольно долго. Но, наконец, появились на свет сначала две темноголовые сестренки-двойняшки, а потом и светлый, словно солнышко, меньший братик Оскар. Старшим детям-подросткам, Эвальду и Стефании, хватало теперь хлопот по дому. Мать всё так же продолжала работать в школе учительницей украинского языка, а отца не видели иногда дома по целым неделям. Пятерых детей накормить, обути и одеть не так-то просто. Вот и приходилось ему вертеться, зарабатывая на хлеб насущный.

Время бежало. Дети росли. При получении своего первого паспорта Эвальд записался немцем и взял себе фамилию отца. Его сводная сестра Стефания записалась русской и фамилию взяла своего родного отца Максима Дундича.

Каждый из них выбрал национальность и фамилию по своему желанию, несмотря на то, что выросли они в одном доме и в одной семье.

Многовековая история планеты Земля породила и погубила много народов и национальностей. По правде сказать, в огромной Восточной империи в конце второго тысячелетия родился совершенно новый народ, с отличительным менталитетом. Сыграла история шутку и загадала последующим поколениям человечества очередную загадку. Как такое могло случиться?

Повзрослевшего Эвальда воинский эшелон увезёт в далекую Сибирь на службу, а его сводная сестра будет учиться в городе, который помогал строить далёкий предок её отчима. Не пожалеет их судьба. Так и не удастся им больше увидеться. Меньшим детям этой семьи Елене (Elene), Ирине (Irene), Оскару (Остапу) уже совсем не придется добровольно делать выбор национальности. Разметёт их следующая война в разные стороны и по разным государствам. Лишь через много лет после страшной войны, будучи уже пожилыми людьми, встретятся они и разговаривать будут поначалу друг с другом при помощи переводчика...

Призвали парня в Красную Армию. Не признаком наказания было это в те времена, а показателем того, что здоровым и сильным человеком является юноша. Призывом в армию оказывается ему высокая честь защищать своё Отечество. И не похоронный вой раздавался в те годы, в отличие от последних лет, а бодрые марши на проводах, справляемых торжественно, празднично.

Обычно, перед отправкой на военную службу всю ночь до утра звучали задравные речи, лилось рекой вино и пелись весёлые, задорные песни.

За прекрасные успехи на стрельбище отличили и отправили молодого и здорового парня Эвальда Добрштайна на курсы Красных командиров, которые он закончил с неплохими результатами. Особенно больших успехов достиг в стрельбе из пистолета.

Награждает иногда природа человека каким-нибудь даром удивительным образом. Очевидно, так случилось и с Эвальдом. Не нужно было ему напрягаться при сложнейших стрельбах. Не везением это можно было назвать, а редкостным талантом. Каким-то внутренним чутьём всегда почти с точностью до сантиметра мог он простым глазом определить расстояние до мишени, а остальное оставалось делом техники. Даже при ближней стрельбе из пистолета он никогда не прицеливался долго. Его рука сама собой, по приказу глазомера, поднималась до нужного угла, а палец завершал всё мягким плавным движением. Молодому командиру, на удивление друзей, не нужно было заниматься долгими изнурительными тренировками. Не стоял он, как многие другие, часами с гирей или огромным чугунным утюгом в руке, тренируя мышцы рук. Легко давалась ему стрельба из любого вида оружия, а из револьвера или пистолета особенно. И никогда не думал мужчина о том, что не только по мишеням придётся ему когда-нибудь стрелять, но и по людям.

Интересный случай произошёл как-то на очередных полевых учениях. Все офицеры имели право носить причёски, в отличие от солдат срочной службы, которых постоянно стригли наголо. Как-то спросил Эвальда его командир, не хочет ли он продать свои волосы. Объяснил подробнее, что, мол, приезжают иностранные гости-наблюдатели, и командованию не хочется при показательных стрельбах ударить в грязь лицом. Высшие командиры решили пойти на обман-подлог и найти среди хорошо стреляющих и молодо выглядевших офицеров несколько добровольцев, согласных постричься наголо, то есть под солдата. Переодеть их в простую форму и выдать за обыкновенных солдат срочной службы. Этим самым хитрое командование страховалось от позорных промахов при стрельбе, которые могли бы случиться у ещё плохо обученных молодых солдат.

Каждому добровольцу-офицеру была обещана приличная денежная премия и внеочередной отпуск домой на полмесяца. Эвальд, долго не размышляя, согласился. Дома его ждала девушка, которую он любил и на которой хотел жениться. Обещанные деньги и отпуск были бы ему как раз кстати. Для офицера Добрштайна всё прошло наилучшим образом, и он даже получил

дополнительный подарок, о котором и мечтать не смел – настоящий швейцарский наручный хронометр, который стоил в то время целое состояние. Стрельба из винтовки на дальнее расстояние прошла хорошо. Все пули, отстрелянные снайпером, поразили еле видимую на зеленом фоне ростовую мишень. Лишь одна пуля из десяти вышла из круга вверх и пронзила горло фанерной фигуры.

Проверяющий, капризный штабной офицер, отдал преимущество другому стрелку, несмотря на то, что все пробоины у того были намного шире разбросаны по мишени, чем у Эвальда.

Один из иностранцев-наблюдателей, официально представленный сотрудником дружественного посольства, но, очевидно, тоже офицер, – уж слишком прямо держал он плечи – не согласился с советским инспектором. Он заявил, что не знает более смертельной раны, чем в горло. В виде протеста иностранец снял со своей руки часы и собственноручно одел их на руку стрелка.

Внимательно посмотрели два офицера, одевшие на себя чужие одежды, в глаза друг другу. Они даже не догадывались о том, что судьба сведёт их в жизни ещё два раза. Каждый раз при совершенно иных обстоятельствах. Причём не просто сведёт судьба мужчин ещё два раза, а как бы в шутку даже породнит их, таких разных, с совершенно разными взглядами на жизнь.

Что-то притянуло одного к другому. Ни один из них не смог бы объяснить своего чувства, но каждый осторожно, так, чтобы не привлечь внимания, всё же исподтишка бросал время от времени на другого быстрый взгляд.

Сразу же по окончании учений, как и было обещано, отличившийся стрелок получил заслуженный внеочередной краткосрочный отпуск: пятнадцать дней без дороги. Денежная премия, которую ему вручили после учений и стрельб, тоже составляла немалый по тем временам капитал.

Будто подсолнух выглядела голова Эвальда до призыва в армию. Золотистые кудри плотной чалмой развевались на голове. Ему надо было бы родиться девочкой, но природа рассудила иначе. Бегал по улице мальчик с кучеряшками, которые и лучшие парикмахеры не в состоянии сотворить. Не один из парней завидовал сверстнику, поглядывая на тугие кольца его буйных кудрей, а он воевал с ними, словно с личным врагом. Мешали они ему. И только по просьбе своей мачехи и сводной сестрёнки Стефании, которым не мог отказать ни в чём, носил он на голове эту неудобную для него лохматую папаху.

Была у парня и сокровенная тайна, которую прятал он от родственников и друзей. Влюбился он в Марию Смоляр, девушку из соседних Выселок, влюбился до безумия, до дрожи в руках и ногах. Даже глаза боялся поднять на неё при встречах, а не то, чтобы заговорить. И не один уже год длились мучения бедного парня. Лишь из-за забора, тайком, поглядывал он на свою любовь. Она же, даже не замечая парня, торопливо проходила мимо дома Добрштайнов, направляясь по своим делам в город.

Много любителей поразвлечься увивалось вокруг этой девушки. Были и ребята, которые всерьёз любили Марию, но ни один из многочисленных поклонников не тронул до поры, до времени девичьего сердца. Спокойно воспринимала она все смелые и безрассудные попытки иных молодцов поухаживать за ней.

Говорят, что любовь зла. Это же самое сказал бы и влюблённый парень Эвальд Добрштайн, но только до одного дня, который едва не закончился для него трагически.

Зная, что Мария часто уходит с братом или отцом в море рыбачить, он решил сначала научиться плавать, в глубине души надеясь на то, что случай сведёт их где-нибудь на берегу, и у него выдастся возможность наедине поговорить с ней.

Раннее детство Эвальда прошло далеко от рек и моря. Плавать он умел не лучше топора. Стал частенько уходить по берегу подальше от города и подолгу бултыхаться в воде. Правда, навык хорошего плавания никак не вырабатывался у него, но настырности парню было не занимать.

Однажды увлёкся он, барахтаясь, как обычно, в прибрежных волнах. Сумело море ухватить его в свои мощные объятия и стремительно потянуло в тёмную глубину.

Совсем уже было распрощался парень с жизнью. Закружили чёрные высокие волны от него солнце, и темно стало у него в глазах, но судьба-шалунья, наигравшись с парнем вдоволь, напоследок ещё один раз зло пошутив, сделала ему, в результате, щедрый подарок. Очнулся он от того, что девичьи губы с силой вдували в него вместе с воздухом и жизнь.

Эвальд остался уверен, что именно во время этих спасающих ему жизнь вдохов-поцелуев, его любовь раздвоилась, но не стала при этом меньше. Наоборот.

Его огромная любовная энергия удвоилась и передалась девушке. Всё изменилось в жизни парня именно с этого несчастного, а, вернее сказать, самого счастливого дня его жизни. Понял он по глазам девушки, что и она сделала свой выбор. Он, Эвальд Добрштайн, тот счастливчик, на которого пал её окончательный выбор. Ничем не примечательный парень-немец, совершенно чужой в этих беспокойных местах, удостоился чести стать любимым Марии Смоляр – непреступной красавицы бандитских Выселок. Черноокая украинка отдала свою руку и сердце парню-немцу, и очень интересная получилась пара. Здоровенный, с огромной копной золотых волос парень и смуглая, черноволосая, похожая на турчанку, девушка. Когда они, взявшись за руки, бежали к морю, не одна пара завистливых глаз поглядывала им вслед. Никто не догадывался, что судьба свела их вместе не где-нибудь, а именно в солёной морской воде.

Немало было у парня стычек из-за возлюбленной с местными соперниками. Как-никак чужаком считался он в этих краях, то есть приезжим, и не всегда было ему легко. Приходилось иногда применять и кулаки, чтобы оказывалось ему достойное уважение.

Одному в таких делах всегда трудно, но в одном особенно остром разговоре с парнем, который хотел предъявить свои права на Марию, влюблённый получил очень серьёзную поддержку. Старший брат девушки встал между молодыми петушками. Он чётко и ясно объяснил всем, что каждый из местных или чужих парней, посмеявшийся поднять руку на его будущего родственника, будет иметь дело лично с ним, Толиком Смоляром, старшим братом Марии.

Смоля, первого драчуна округа, боялись все. Непревзойдённым мастером кулачного боя был он. Среднего роста. Коренастый. Вёрткий, словно вьюн. В драке брал он верх не силой, а умением.

Не очень нравился Смолю пришлый ухажёр, но любимая сестрёнка сумела убедить своего брата в том, что она очень любит чужого в этих краях рыжего парня. Рассказала она брату и о том, что частенько приходится её любимому носить серьёзные синяки, полученные при выяснении отношений. Не смог отказать своей сестре задира и мастер кулака. Именно поэтому громогласно объявил он о своем заступничестве. Признали приезжего парня всё же за

своего на бандитской окраине и даже при попытках чужаков поухаживать за Марией быстренько отбивали у них охоту на развлечения.

В родной дом, вопреки всем порядкам и обычаям, пришёл побритый наголо офицер с невестой. Извинился перед родителями за своеволие. Объяснил тем, что он и Мария давно любят друг друга, а приехать следующий раз удастся не скоро. Свадьбу справили по всем правилам. Обидно было Эвальду, что не смогла приехать на его свадьбу сводная сестра из Ленинграда, но причина у той была, конечно, уважительная: слишком мала была ещё его племянница для такого дальнего путешествия.

Быстро пролетели две недели. Пришло время отпускнику по новой упаковывать свой чемодан. Молодая жена рвалась уехать с ним. Чувствовала, очевидно, своим любящим женским сердцем, что не скоро увидится она с мужем, а он успокаивал: мол, всё наладится, и, как только получит жильё, сразу же вызовет её к себе.

Человек думает, что он может планировать свою жизнь, а судьба прокладывает дороги по своему капризу и очень часто поперёк всем мечтам и планам. Точно так же произошло и у Эвальда. Не увидел он больше свою жену до самой войны, которая грянула, словно гром среди ясного дня. Протопал немало километров, вырыл много окопов. Пролил неисчислимо много пота на фронте и в плену. И теперь на холодных нарах барака в каменном карьере, после того, как пробежал свою жизнь мысленно ещё раз, прочитав все молитвы, которые помнил ещё с тех пор, когда жива была его мать, он готовился к смерти.

Но не суждено было пленному немцу, родившемуся на юге Украины и воюющему против Германии, своей далёкой родины, умереть в фашистском плену. Не пришло ещё его время переступить последний порог. Махнул ангел-хранитель над ним своим крылом, и пошагал дальше по жизни человек, который уже приготовился к самому худшему.

Эвальд Добрштайн переживёт многих своих мучителей. Он испытает не только жестокий, бесчеловечный фашистский плен, но проведёт его судьба и по всем кругам ада советского «Гулага». И не под белы ручки будет вести его судьба, а бить и топтать порою до полусмерти.

Перенести всё это и выжить поможет мужчине самый близкий ему человек - его жена, простая украинская женщина, которой нужно было бы поставить памятник ещё при жизни.

... На утренней перекличке Эвальд был отогнан в сторону из общего строя. Погрузили его вместе с десятком других военнопленных в кузов крытого грузовика и целый день везли куда-то на юг. Уже поздней ночью грузовик, глухо урча мотором, вполз в какие-то тесные каменные ворота. Удивленно крутил пленный головой. Как в каменный мешок попали они. Со всех сторон высоченные стены, и первые окна начинаются лишь где-то с десятиметровой высоты. Не бывал он раньше никогда в крепостях удельных феодалов, иначе сразу же понял бы, что именно в один из таких старинных княжеских замков, словно в мышеловку, завезли пленных солдат.

Специальную школу организовали германцы на юге Европы, вдали от Германии. Представителей многих народов собрали здесь, и не все из них были прежде ярыми врагами коммунизма или фашизма. Много было и таких, для которых главный принцип жизни был – выжить любой ценой. Встречались здесь и фанатики. Встречались и простые бандиты, и головорезы, были и люди, которые умели заглядывать далеко вперёд.

Не только на восток отправлялись отсюда люди, но и на далёкий запад. Не простая это была разведшкола, а кое-что сложнее.

Ещё задолго до конца Великого рейха неглупые люди приготовились к неожиданному финалу. Во многие американские и африканские государства засылались, а вернее сказать, заселялись германские граждане с настоящими и поддельными документами. Самым тщательным образом прятались эти деяния не только от противников, но и от своих. Большие капиталы уже тогда широкой рекой уплывали из Германии. Далеко не обо всем было информировано среднее и даже высшее командование. Не они имели главные козыри в руках, а совершенно другие люди. Люди, которые никогда не афишируют свою силу, точно так же, как и сегодня, стояли тогда за занавесом и, как опытные кукловоды, дёргали нужные ниточки.

Поделили Европу два сумасшедших диктатора – красный и коричневый. Но не одни они были при этом. Большие и хитрые политики стояли за кулисами этих бешеных игр.

Сдвинулись две страшные силы стенка на стенку, а пока подбирались одна к другой, потоптали огромные массы народа. Жаль, что не своими рогами, как в стародавние времена, упёрлись диктаторы друг в друга. Для таких дел имели эти каннибалы уже немало подневольных подчинённых и рабов.

Именно одним из таких подневольных исполнителей западного властителя оказался германский офицер. Одели, не долго спрашивая, на него офицерский мундир. А его любимое занятие – стрельба – сыграло здесь решающую роль. Не ярым сторонником фашистского режима был он. Коммунизм его, конечно, тоже не устраивал. Так и метался человек, интеллигент до мозга костей, между двух огней. Потомственный дворянин. Честный человек, который любил своё Отечество, был вынужден исполнять чужие приказы, а большого выбора ему не дали. Отлаженная машина диктатуры противостояния не терпела.

Очень похожи были в этом две идеологически разные системы: коричневая и красная. Мелочёвку, которая пыталась стать на их пути, размалывали они так, что даже пыли от неё не оставалось. Побывал Альвин Остерманн и на фронте. Был тяжело ранен. Не оставили его в беде подчинённые ему солдаты. Вынесли на своих плечах. Лечился дома, в семье и на домашних харчах, которые, конечно, всегда помогают лучше, чем казённые. Но недолго длилось время лечения. Как непревзойдённого стрелка отправили его в спецшколу для обучения будущих мастеров тайных и не всегда приличных дел.

Не нравилось ему новое назначение. С какой только человеческой гадостью и отбросами общества не приходилось ему сталкиваться в этом укромном, спрятанном от любопытных глаз за каменными стенами учреждении, носящим имя частной спортивной школы.

Несложно было германскому офицеру высокого ранга выполнить задуманное. Отобрали по его приказу пару десятков очередных человеческих единиц для чёрных работ в спецшколе. Эта группа военнопленных должна была заполнить быстро тающие ряды простых исполнителей-рабов, и Эвальд оказался в их числе. Осторожность была не лишней. Не стал Альвин Остерманн сам составлять список выбранных на отправку. Он лишь мимоходом указал на то, чтобы в числе отправляемых были и те, кто работал с мишенями, а дальше администрация концентрационного лагеря выполнила всё сама.

Повели Эвальда в бывшие винные подвалы, оборудованные теперь под стрелковый тир.

Именно здесь, под грохот пистолетных выстрелов, не давая пленному слова, рассказал ему германский офицер Альвин Остерманн, как совершить побег. Коротко объяснил, где он должен забрать приготовленные документы и

гражданскую одежду, необходимые для того, чтобы без помех пересечь несколько границ.

Поверил пленный немец германцу и даже на прощание поблагодарил на родном языке. Тот, приветливо кивнув, сказал в ответ, что он ещё при первой встрече почувствовал родственную душу. Не пожав друг другу руки, попрощавшись лишь взглядами, разошлись опять два офицера.

Судьба распорядится так, что встретятся они ещё один раз и им будет о чём поговорить. Целую ночь, тревожа всех громкими вскриками, будут спорить они о жизни и всех совершенных ими ошибках. И каждый будет считать, что именно он выбрал правильный жизненный путь...

Ни один служащий этого тайного гнезда не знал ещё в лицо вновь прибывшего военнопленного, на что и рассчитывал неглупый германский офицер, устраивая побег. Уважал Альвин Остерманн мужество в человеке и прекрасно понимал, на какой подвиг пошёл советский воин, показавший своё мастерство. Сам отличный стрелок, он и к мастерству Эвальда остался равнодушен. С первого взгляда узнал он изнеможенного пленного. Вспомнил о подаренных часах. Ещё там, в карьере, решил во что бы то ни стало спасти ему жизнь, и не просто спасти, а помочь выбраться из ада войны. Никакой выгоды не имел германец от того, что помогал советскому офицеру совершить побег, но пути души человеческой неисповедимы. Совершает иногда человек поступки, которые не могут понять окружающие его люди. Нелогичными они кажутся, глупыми или даже вредными, но не на одной логике держится жизнь на земле, а в большей степени на человечности. Именно этот случай вспоминал потом всю оставшуюся жизнь германский офицер и радовался тому, что не зря прожил, и, рискуя, спас всё же ещё одну человеческую душу.

Неглуп был германец, но не рассчитал упрямства и идейности советского пленного. Не на запад рванул тот после освобождения. Не в Америку, не в Африку и даже не в Англию направит Анатолий Смоляр (Эвальд Добрштайн) свой путь, а на восток, на свою Родину. Повстречает в одном из нейтральных государств своего шурина...

Ещё раз поможет Эвальду через своих приятелей-контрабандистов настоящий Анатолий Смоляр, тоже живущий теперь под чужим греческим именем.

Попадёт скиталец, наконец, после многих мытарств на Родину. Правда, неприветливо встретят бывшего героя на родном берегу. Ударом приклада в живот поставит его первый же советский пограничник на колени. После повторного удара в затылок уткнётся бывший офицер, военнопленный, беглец, а теперь заключённый, носом в землю. Так и проходит с опущенной головой больше десяти лет этот гордый человек и ни разу не посмеет поднять свои глаза на людей из-за стыда за себя и за своё бедное Отечество. Провезут его без остановки в вагоне для скота на Урал. Через случайного гонца, жителя южного приморского города, отсидевшего свой срок, отправит Эвальд восточку в родные края. И поймёт Мария по рассказу земляка, что не брат подал ей весть, а муж.

Немало мук придётся ещё перенести Эвальду. Не только враги будут бить его, но и свои, родные советские власти приложат немало усилий для того, чтобы искалечить его не только физически, но и духовно. Не один год, а намного больше, проживёт он под чужим именем.

Лишь после очередных политических переворотов объявит Эвальд Добрштайн, что он наказан совсем не за те преступления, которые совершил. На волне всеобщего прощения и ему, так сказать, отпустят его грехи и не поставят к

стенке, что обязательно случилось бы, если бы открыл он своё настоящее имя немного раньше.

Но до полного прощения пройдёт ещё немало времени. Придётся ему теперь уже под своим именем ещё не один год делать знакомую, привычную работу, то есть и дальше валить лес.

На далёком холодном Урале найдёт Мария Смоляр своего мужа, и не просто найдёт, а поселится рядом и силой, и крепостью своей души будет поддерживать его все долгие годы.

Устроится Мария рядом с лагерем, в котором отбывал свой срок её муж. Проработает, как ломовая лошадь, на самых немислимо тяжёлых работах много лет подряд. При каждой возможности будет носить сначала «брату», а потом уже законному мужу скудные передачи в зону. Ни одного упрёка не услышит Эвальд от своей жены. При редких встречах лишь тихая улыбка будет светиться у неё на лице. Неугасимую энергию будет излучать эта мужественная женщина...

Можно смеяться или рассказывать весёлые анекдоты про это, можно над этим и плакать, но после короткой встречи со своей женой, мужчина оживал вновь. Одним своим присутствием заряжала любящая и верная женщина жизненный аккумулятор мужа. Где брала она столько энергии?

На этот вопрос, очевидно, никогда не найти ответа, и можно только строить догадки, но если кто-то спросил бы Эвальда, кого он считает своим спасителем, и кто поддерживал его в страшные времена, он, не задумываясь, ответил бы – моя Марыся!

–
*Шмайсер – автомат, ручное автоматическое огнестрельное оружие, широко применяемое в германской регулярной армии.

10 глава. Мария

Не только бурно клокочущая Азия, но и Европа смешала в своих кипящих котлах войн и революций немало кровей разных народов. Европейское население, как и все народы мира, тоже принимало участие в этом многовековом процессе истории. Ведь даже монголы омочили копыта своих выносливых коней в западных морях. А что уж говорить о ближайших соседях и последних, особенно жестоких переворотах и страшных войнах. Веками, словно к себе домой, наезжали сразу же после того, как набирались сил и нахальства, различные князьки, короли и даже просто мелкие разбойники к своим соседям за добычей. Первыми, конечно, как всегда, страдали женщины. Нередко против своей воли рожали они детей от врагов своего народа. Далеко не каждая признавалась в учинённом над ней насилии. Возможно, именно поэтому и по сей день появляются в семьях одних и тех же родителей совершенно разные по внешнему виду дети.

Станным и необычным человеком слыл в этих южных краях Павел Смоляр, а его жена Франя – и того больше. Павел был родом из далёких западных Карпат. Свою молодую жену он выкрал из аристократической семьи, которая была в списках небедных людей небольшого польского городка. Именно полячка Франя была, очевидно, первопричиной того, что Павел оставил службу священнослужителя и сбежал от рассерженных родителей и церковных правителей подальше на юг, к морю. Но не просто на юг подалась молодая пара. При очередном делении Европы на новые государства даже в другой стране оказались они. Правда, наверное, не только молодая жена, выкраденная у строгих родителей, была виновата в том, что сорвался мужчина с насиженного и спокойного места церковного служителя. Видно, наследственность воинственных горцев тоже сыграло немалую роль и поспособствовало побегу молодых в неизвестность. Свободы захотелось зажатому в тесные рамки порядков и правил человеку. Но судьба сыграла, как всегда, невесёлую шутку. Стали нелюди, захватившие власть на долгие годы, уничтожать всех, кто хоть когда-нибудь имел дело с церковью и церковной службой. Пронюхал кто-то о прошлом Павла, а может, и просто позарился на

молодую красавицу-жену. Пришлось ему удалиться со своей Франей подальше от завистливых и власть имущих. Поселились на дальних Выселках.

Выселки не были ещё городом, но не были уже и деревней. На крутых скалах, которые высокими каменными гребнями спускались прямо к морю, как ласточкины гнезда, лепились жилища людей и ступенями спускались в узкие, тесные долинки и распадки. Не все жители этой окрестности жили в ладу с законом. А где лучше всего селиться незаконопослушным людям? Конечно, подальше от мест, куда можно добраться в любое время и на любом виде транспорта, то есть на так называемой «бандитской» окраине. Ни поездом, ни пароходом нельзя было добраться до поселения. Только навьюченные, шустрые лошадки без телег могли забираться по лабиринтам извилистых, кривых до безобразия улочек, к жилищам людей, больше похожих на пещеры, чем на нормальные дома. С двух сторон можно было добраться до Выселок на лошадях. Узенькая полоска песка, которая открывалась во время отлива, служила тропой. Были и другие возможности достичь Выселок. Ни одно крупное судно не могло причалить к крутому каменному берегу, но для маленьких рыбацких баркасов достаточно было и малой расщелины в скалах. Была и ещё одна дорога из Выселок, но о ней знали немногие. По труднопроходимым местам тянулась ниточка-тропинка и вела она, немало километров пропетляв по горам, прямо в сопредельное государство.

Чужими в этой бандитской стороне оказались Павел и Франя. В кажущемся хаосе Выселок царствовали твёрдые жёсткие обычаи, установленные ещё десятки лет назад. Неуютно было жить здесь пришлым и чужим. И лишь случай помог новой семье стать в Выселках своими.

Схватил как-то один из уважаемых в Выселках граждан шальную пулю. Принесли приятели его, еле живого, домой, и надо же было такому случиться, что именно в это время Павел копался в своём крохотном дворике.

Один из друзей раненого подошел к нему и очень доходчиво объяснил, многозначительно помахав наганом перед носом, что ничего, мол, тот не видел и ничего не слышал. Перенёс обиду бывший священнослужитель, но, выждав некоторое время, зашёл к соседу в дом.

Настороженно встретили его, если не сказать, что неприветливо. Он коротко объяснил растерянной жене раненого, что умеет знахарить и просит у неё разрешения посмотреть рану мужа. Та согласно кивнула головой. Раненый молодой мускулистый мужчина, тяжело дыша, лежал на спине с закрытыми глазами. Покрытое мелким потом лицо выглядело, словно белая маска. Павел, осторожно приподняв своего пациента, осмотрел рану на спине. Очевидно, издали стреляли. Входное пулевое отверстие находилось чуть ниже лопатки с правой стороны груди, а выходного не было вообще.

Посидел на табурете рядом с топчаном, на котором лежал, хрипло дыша, раненый. Потом, решившись, спросил пришедшего в себя соседа, согласен ли он потерпеть боль. Тот, скаля красивые белые зубы, молча кивнул головой. Сказав жене, чтобы она готовила как можно больше кипячёной воды, пошёл к себе домой. Через некоторое время вернулся, держа в руках блестящие, серебряные щипчики с длинными губками, узкий острый нож, кожаную, твёрдую рукавицу и двухлитровую бутылку с крепчайшим самогоном. Налил полную кружку и поднёс к губам мужчины. Тот молча, даже не поморщившись, выпил. Павел протянул раненому рукавицу и показал ему, как нужно прикусить кожу, чтобы не сломать себе зубы. Привязал вынутыми из кармана тонкими ремнями руки и ноги пациента к топчану, предварительно повернув его на бок. Внимательно посмотрели при этом два человека в глаза

друг другу. Жизнь одного была теперь в руках другого. Но в случае смерти одного из них второму, несомненно, тоже недолго осталось бы жить. Связала невидимая ниточка две человеческих судьбы крепким узлом. Оба положились на своё везение, а Павел – ещё и на умение.

Если бы наши современные высокообразованные специалисты-врачи увидели, как проходила операция по извлечению пули, они бы в один голос взвыли: «Варварство!»

Но вопреки научной логике выжил человек, поймавший пулю при исполнении своей хлопотливой работы. И не просто выжил отчаянный контрабандист, но продолжил своё доходное занятие дальше, а Павел получил второе имя – Лекарь. Человека, который по документам писался Павел Янович Смоляр, не называли больше чужим в Выселках. Навечно стал он своим в этом неприветливом краю. А пациент после выздоровления обучил и своего спасителя немудрёному ремеслу. Тем и жила семья. Ночью Лекарь носил по горам на широкой спине нелегальные товары, а днём лечил всё и всех подряд. Принимал роды, правил вывихи, порою даже умственные. Лечил от заговора и поноса. Был мастером на все руки. Приезжали к нему из города и деревень. Несли и везли больных и покалеченных со всех сторон. Лёгкая рука и добрая душа были у Павла Смоляра. Не одну жизнь спас этот самоучка-лекарь, однако не нажил при этом большого капитала. Никогда не назначал он цену за свои услуги. Брал, что приносили люди, и тем был доволен. Очень часто и просто за сердечное спасибо оказывал свои услуги, ещё и радовался при этом, что смог помочь человеку.

Случались иногда у Лекаря и казусы в лечебной практике, но не было случая, чтобы по его вине кто-нибудь умер или остался инвалидом. Только произошёл однажды трагикомический случай, больше похожий на анекдот.

По-хозяйски покутил в тот раз Павел Смоляр на свадьбе у соседей. Показал высший класс. Переплясал всю молодежь и перепил всех самых крепких местных питухов. Дойти домой с гулянки дошёл, но до кровати уже не добрался. Устроился в коридорчике на лавке. Разбудил его рано утром стук в наружные двери. Очередной пациент, пожилой мужчина, пожаловался на сильнейшие боли в задней части тела.

Лекарь, недолго думая и ещё плохо соображая с глубокого похмелья, вытащил из-под лавки глиняную крынку с какой-то тёмной мазью. Взвыл вдруг нечеловеческим голосом стоявший задом к нетрезвому Лекарю пациент. Такого ходу дал со двора, что даже куры разлетелись со страху во все стороны. Нёсся бедняга с такой скоростью, будто пятки ему огнём припекало. Уже в калитке подтянул он приспущенные штаны. Очумело смотрел Павел вслед беглецу и медленно трезвел от предчувствия беды. Раскрыл, наконец, глаза пошире и внимательно посмотрел на мазь, которая находилось в его руках. И не настоящая на травах лекарственная мазь это была, а обыкновенный дёготь, которым обрабатывают раны животных, когда в них заводятся черви.

Именно таким квачем-щёткой с дёгтем заехал полупьяный ещё со вчерашнего дня Лекарь пациенту в очень чувствительное место. Побежал, напуганный до ужаса, спотыкаясь на непослушных ногах, вслед раннему гостю, но того уже и след простыл.

Неспокойно чувствовал себя потом Павел Смоляр. Навечно зарёкся пить спиртное и втайне приготовился к самому худшему. Ни одной живой душе не поведал о происшедшем и даже жене не проронил ни слова.

Немало был удивлён Лекарь, но ещё больше напуган, когда через месяц после случившегося, приехал его горе-пациент снова. Постучался он опять в двери

Смоляров, но войти в дом отказался. Пришлось хозяину выходить во двор. Непросто поблагодарил чудом исцелённый человек Лекаря, а привёз ещё ему в подарок огромного живого козла. Так и назвал Павел на удивление всем Выселкам и своей собственной семье козла Дёгтем.

Человеком совершенно другого склада была жена Павла Смоляра – Франя Ковальчик. Неугомонная хлопотунья, она и своего Павлычка не оставляла в покое, а своей ревностью доводила иногда спокойного мужчину до белого каления. Лишь когда муж, после особенно громкого скандала, молча отправлялся к сарайчику, где находились вёсла и старый потрёпанный парус, Франя понимала, что опять наступила на больную мозоль мужа. Но тогда, как правило, было уже поздно.

Не обращая никакого внимания на погоду, уходил рассерженный мужчина на своём утлом судёнышке на несколько дней в открытое море. Вымученный, похудевший и почерневший, приплывал он назад к берегу.

Прямо у воды, вытирая мокрые глаза и виновато поглядывая на мужа, клялась Франя больше не затевать скандала, и столько любви и преданности излучали её глаза, что Павел, забыв все обиды, брал на руки свою любимую, и на некоторое время в семье воцарялся полнейший мир.

Но и не совсем без причины ревновала Франя своего мужа. Может быть, не по своей воле, но излучал он какую-то неизъяснимую энергию. В годах был уже этот мужчина. Серебристые пряди густо раскрасили его некогда чёрно-смоляную шевелюру. Очевидно, именно поэтому и носили его предки, а теперь и он, имя Смоляр. Стоило Павлу Смоляру внимательно посмотреть на женщину своими по-воловьим большим тёмными глазами, как некоторые из них без всякой видимой причины краснели до корней волос, а у многих и колени делались совсем уж ватными. Никогда не пользовался мужчина своим даром, а мог бы многих женщин свести с ума. Конечно, именно это чувствовала Франя, и вопреки здравому смыслу, каждый раз по-новому закатывала любящему мужу сцены ревности.

Не такими уж плохими были домики в Выселках, как выглядели. Построенные из ракушечного камня, они были тёплыми и сухими в зимнее время и прохладными в летнюю жару.

Не зря испокон веков селились в этих краях отшельники-монахи, а они-то знали толк в делах строительства. В одном из таких меловых домиков и появились на свет в семье Павла и Франи Смоляр сын Анатолий и дочь Мария. Сын Анатолий так и проносил всю свою жизнь короткую кличку Смоль и пошёл по пути всех здешних здоровых мужчин. Умудрился он даже с турецкими и греческими контрабандистами наладить контакты.

Весомо было слово, сказанное Толяном Смолен, несмотря на то, что был он ещё молод для серьёзных дел. Отчаянный до безумия, пускался он иногда на такие авантюры, что даже старые бывалые волки, съевшие, как говорится, зубы на нелегальных делах, только покачивали головами. Но удача была, видно, близкой подругой Смоля и не оставляла его никогда. Несколько раз топили пограничные и таможенные суда его катер, но ему удавалось выплыть. Посмеивался он потом и шутил над государственными служаками: «Не только власть и оружие в руках, но и голову на плечах тоже нужно иметь».

А что называли в те годы, в отличие от сегодняшних дней, контрабандой? Да ничто иное, как товары первой необходимости: спички, мыло, спиртное, мануфактуру и т. д. Всё, что нужно было в доме и для человека лично, стало дефицитом. Если и можно было ещё хоть что-то купить в магазинах, так цены на эти товары раздувались чиновниками до таких размеров, что оплатить их

мог только очень состоятельный человек. А как же быть всем остальным? И кто снабжал их? Ответ был один - всё можно приобрести на рынке. Но откуда что бралось на рынке? Разными путями приходили сюда товары. А власть имущие наживались почти легально, отправляя крупные партии товара перекупщикам.

Маленькие же люди, которым путь к государственным кормушкам был заказан, искали различные пути и помогали им при этом люди такого склада, как Толян Смоль.

Совсем другим человеком была по характеру меньшая дочь Павла и Франи Смоляр – Мария. Не маменькиной дочкой росла она. Ещё с детства, игнорируя запреты матери, лазила по горам, как горная козочка. Куда ни один взрослый человек не мог добраться, добиралась она, извиваясь змейкой-ужом.

Приносила отцу различные лекарственные цветы и травы, в которых, благодаря природному дару, разбиралась не хуже любой бабушки-знахарки. Немало помог ей потом в жизни этот божий дар и эти, так рано приобретённые знания о растительном мире. Море же, в отличие от гор, девушка не любила. Плавать, конечно, умела, потому что часто выходила с братом или отцом на рыбалку. А не умеющему плавать в рыбацком баркасе делать нечего. Работать веслом и управлять парусом тоже научилась не хуже любого местного рыбака, но душа к морю не лежала. Больше привлекала горная местность, где она чувствовала себя уверенно и дома. На воде человек находится как бы всё время на виду у всех, а в горах в любое время можно спрятаться в расщелине или под кусты и деревья. Именно одиночество любила Мария, а не шумные людные места.

Как-то, будучи уже взрослой девушкой, она, как всегда, ушла в горы на заготовку топлива. Высоко стояло солнце, обжигая полуденными лучами, но в тени деревьев тоже было ненамного прохладнее. Духота стояла повсюду невыносимая. Набрав уже целую вязанку хвороста, девушка решила отдохнуть и выбралась на скалу, выдающуюся длинным рогом прямо в море.

Свежий ветерок нёс с моря спасительную прохладу. Усевшись на краешек камня-выступа, стала она с интересом наблюдать за незадачливым пловцом, который неумело боролся с прибрежными волнами. Смешила девушку настойчивость человека, который явно не умел плавать.

Он упрямо лез под очередную волну, и когда она доходила ему до пояса, разворачивался к берегу и начинал энергично молотить ногами и руками. Уткнувшись в песок носом, он сидел и с гордостью оглядывался вокруг, как бы говоря себе: «Ну, и молодец же я. Так хорошо плаваю!.. Даже до берега доплываю».

Ошибся парень в высоте и величине одной из очередных волн. Прокатилась она над ним так быстро, что не успел среагировать. Сбило его с ног. Хватанул сходу водички, а дальше дело пошло уже всерьёз. Потерял он с перепугу всякую ориентацию. Замолотил руками и ногами, да не в ту сторону. Девушка, приподнявшись с камня, закричала, что было силы, но не слышал паренёк её крика. Забился он на глубоком месте, не чуя под собой дна. Запаниковал ещё больше и стал тонуть.

А глубина была под тем камнем, на котором сидела Мария, не малая. Уже не один раз прыгала с него девушка в воду. Показал и научил её этому старший брат, который чувствовал себя в воде, как дома.

Недолго думая, прямо в платье, ласточкой сиганула со скалы. Порядочное расстояние уже протащило море свою очередную жертву, но проглотить не успело. Девушка, рискуя своей жизнью, стала нелюбимому морю поперёк.

Даже не подозревала она, что спасает от жадных и смертельных объятий морских волн не просто чужого паренька, а своего суженого.

Не раз говорил сестре старший брат, что нельзя подплывать к тонущему человеку спереди. Сделав небольшую петлю, она подплыла к месту, где только что виднелось лицо тонущего. Голова опять показалась над водой. Ухватив одной рукой длинные пряди волос и работая ногами и свободной рукой, поплыла не прямо к берегу, а чуть вправо, где, как она знала, была песчаная банка. Через несколько метров девушка почувствовала под своими ногами твёрдый, намытый волнами песок. Бегом, всё ещё по колено в воде, ухватив парня за руку, припустила к берегу.

Неприглядно выглядел голый парень, лежащий бревном на прибрежном песке. Всё своё умение по спасению утопающих применила Мария и, отодвинувшись немного от спасённого, повернула его на бок. Стоя на коленях за спиной незнакомца, лишь придерживала его за плечо. Выворачивало бедного, чуть не утонувшего парня со страшной силой.

Казалось, что даже желудок выпрыгнет сейчас из измученного тела, но спасительница была рада. Не зря прошли все её старания и не зря рисковала собой. Коль рвёт человека – значит будет жить, да какая наука на будущее: не лезь в воду, не зная броду и не умея по-настоящему плавать.

Только теперь стала девушка внимательно разглядывать незнакомца. Совершенно голый. Угластый и длинный, словно заборная жердь. Золотые волосы, чуть подсохнув и свернувшись тугими кольцами, плотно облегли голову спасённого. Не рассмотрела в воде девушка цвет волос. Они тянулись за ним по воде и казались серыми длинными прядями водорослей. Ещё и теперь они были мокрыми, в песке и прибрежном иле, но таким чистым золотом отливали, что Мария залюбовалась ими, забыв всё на свете. Захотелось ей вдруг погладить золотые колечки, поиграть ими, как любимыми игрушками. Даже руку уже протянула было к мокрым и грязным волосам очарованная девушка, но, очнувшись от чар, отдернула её, будто обожгла пальцы о что-то горячее.

Всем сердцем поняла девушка, что это её судьба. Не разойдутся больше их пути, а, если и разойдутся, то она всё равно найдёт, пусть даже на краю света, этого парня, и будет он принадлежать только ей одной.

Если бы в этот миг кто-нибудь сказал ей, что она бредит и что такого не бывает, девушка лишь усмехнулась бы. Она-то знала, была уверена в том, что лежащий почти без памяти перед ней на песке парень чувствует то же самое.

Не ошиблась Мария. Не подвело её девичье чувство. Может быть, именно в тот момент, когда она тронула в солёной, горькой морской воде волосы тонущего парня, между ними пробежала искорка энергии, которая и связала невидимыми нитями два живых существа навек.

Смеётся кое-кто над такими историями. Даже веселятся на людях и рассказывают скабрзные анекдоты, похожие на грязные выжимки жизни. Однако, именно они всё же в глубине души верят, что такое возможно. И даже завидуют тем, которые пережили такие видения.

Часто стали встречаться молодые люди. Вынужденное совместное купание смыло с них какие-то оковы. Не стесняясь друг друга, свободно плавали нагишом в море, словно маленькие дети. Уходили, конечно, подальше от людских завистливых и предосудительных глаз. Описать словами чувства, которые они переживали, невозможно. И дружескими их можно было бы назвать, и братскими, и любовными, но в хорошем смысле этого слова.

Эвальд, так звали парня, спасённого Марией, стал частым гостем в Выселках. Немного прошло времени после случая на море, как объяснились в любви два любящих сердца. Им не надо было говорить много красивых слов и обещаний друг другу. Каждый был уверен в чувствах другого, а что ещё нужно молодым людям для счастья?

Но несладко приходилось Эвальду при частых прогулках к морю. В присутствии девушки никто из местных парней не осмеливался выяснять с ним отношения, а на обратной дороге в город ему не однажды ставили хороший «фонарь» для того, чтобы он быстрее нашёл путь домой и забыл дорогу к этой девушке.

Не раз спрашивала Мария, откуда у него синяки. Гордый парень, конечно, не признавался, что она, девушка из Выселок, и есть причина частых колотушек, которые он получал от местных ревнивых парней. Не глупа была девушка и поняла, кто является причиной частых избиений её любимого. Как-то после очередного купания они зашли, пользуясь отсутствием родителей, в маленький домик семьи Смоляров. Неожиданно для обоих появился дома и Анатолий. Недружелюбно встретились двое парней взглядами. Ревниво поглядывая друг на друга, сидели они, словно истуканы, за столом, который молодая хозяйка быстро накрывала для чая.

Поняла своим чутким сердцем девушка, что именно сейчас, сию же минуту, нужно всё разъяснить и сделать всё возможное для того, чтобы брат и любимый подружились.

Без лишних слов, чётко и ясно рассказала она своему старшему брату, что любит чужого в их краях парня и не мыслит без него жизни, и если брат любит её, свою сестрёнку, то и парня должен принять, как своего будущего родственника.

Полегче стало после этого разговора парню-чужаку. Отступились от него местные ухажёры. Коситься – косились по-прежнему, но всякое рукоприкладство прекратилось, как по волшебству.

Недолго побыли вместе молодые влюблённые. Пришло время, и Эвальда забрали в армию. Проводила любимая его до самого вагона. Впервые поцеловались на виду у всех и увёз поезд-разлучник парня на несколько долгих лет. Приехал он потом неожиданно и на короткое время. Поженились. Всего две недели побыли вместе, а затем судьба опять разбросала их на долгие годы. Кровавым грязным потоком мчалась война по приморскому краю. Не щадила ничего и никого. Отец, которого забрали для рытья противотанковых рвов, больше не вернулся домой. Где и как он погиб, так никто никогда и не узнал. А своего ещё не родившегося первенца потеряла Мария в то время, когда маленькие домишки Выселок и окраины города разносили германцы бомбами и снарядами в пух и прах.

Наверное, принимали лётчики серые дома за военные бетонные укрытия; и именно поэтому так старательно бомбили все строения, которые стояли по лощинам и распадкам. Ютились теперь по этим окраинам и многие жители из центра города. Каждое попадание несло с собой неисчислимые человеческие жертвы.

После первого же массированного налёта побежала Мария на окраину города, над которой особенно ожесточённо и долго ревели огромные, страшные чёрные шмели. Домик Добрштайнов не горел, как многие другие. Его вообще не было больше на прежнем месте. Не смогла она нигде обнаружить дом родителей, сестёр и брата мужа. Огромный котлован, медленно заполняющийся водой из ближайшего родника, находился теперь на этом

месте. Одна полуоглохшая и чудом уцелевшая соседка знаками руки показала, что кто-то из членов семьи ушёл к пруду ещё до бомбежки.

Кинулась обеспокоенная женщина по знакомой тропинке в сторону леса. В нескольких сотнях метров от крайних домов наткнулась на лежащую без памяти Леночку, которая была старшей из сестёр-близняшек. Быстро осмотрела малышку. Девочка дышала, открытых ран и переломов не было видно. Долго просидела в оцепенении возле лежащей ничком на траве Лены, положив её голову себе на колени. Очнулась от громкого плача за спиной. Присмотрелась внимательнее. От радости чуть не закричала. От леса, взявшись за руки, в сторону города шли Ира и Оскар. Вне себя от радости, что все дети живы, вскочила Мария и, не скрывая своих слёз, обхватила их обоими руками. Не позволила детям подойти к разрушенным домам. Не хотела она, взрослая женщина, чтобы маленькие дети видели страшные последствия бомбежки. Пошла, держа Леночку на руках, окружной тропинкой к себе домой, а Ира и Оскар, всё так же держась за руки, следовали за ней, как привязанные. Так, за раз, вместо потерянного первенца, приобрела Мария сразу троих детей.

Дом Смоляров стоял в глубине Выселок около кручи под прикрытием огромных дубов. Не виден он с воздуха, поэтому уцелел во время воздушных налётов.

У животных, наверное, ещё развито чувство, которое уже не ведомо человеку. Ещё задолго до налёта самолётов-бомбовозов козы уже невозможно было удержать в загоне. Воевали поначалу с ними Мария и Франя, а потом всё же сообразили, что неспроста бесится козье стадо, а в особенности козёл Дёготь. Молотил он безостановочно своими мощными рогами по всему заплоту, пока кто-нибудь не открывал задвижку. И как только приоткрывалась калитка, козы, прыгая одна через другую, стремительно уносились в ближайший лес.

Знали женщины, что их козы распознают приближение землетрясения, но и при приближении самолётов точно так же беспокойно вели себя животные. Поняли Франя и Мария, что по неизвестным человеку признакам козы распознают опасность заранее и своим беспокойным поведением спасают свои жизни.

Стали они внимательно следить за козами, и как только видели, что те начинают беспокойно вертеть головами, сразу же неслись вместе с табунком и детьми в лес.

Простой козе нужно было бы выставить в Выселках мемориальную доску. Благодаря им, а, вернее их инстинкту, многие жители спаслись от града бомбовых осколков.

Добрались новые хозяева-германцы и до приморского города. В первую же партию угоняемых на принудительные работы попала ещё крепкая и здоровая Франя Смоляр. Любили германцы наводить кругом новый порядок.

Слово «орднунг» даже местное население быстро переняло у оккупантов, применяя его к месту и не к месту. Германцы в первую очередь навели орднунг на местном рынке. Убили одной облавой сразу несколько зайцев. Набрали большое количество женщин для отправки на принудительные работы. Выловили порядочное количество мужчин, годных для тяжёлых работ по восстановлению мостов, а также автомобильных и железных дорог. Ну и, конечно, немало неугодных новой власти граждан попало в так неожиданно наброшенную сеть облавы. Попалась в поставленную ловушку и Франя, которая пришла поменять на рынке козье молоко и сыр на жизненно необходимую для человека соль. С того дня потерялись следы женщины

навечно. Никто из выживших в страшные годы войны родственников и знакомых больше никогда не получил от неё ни единой весточки.

Со временем добрались новые хозяева, так любящие орднунг, и до далёких Выселок. Немного погодя была схвачена и Мария. Не посмотрели новые хозяева на то, что трое маленьких детишек остаётся без присмотра взрослых. Посадили её в телячий вагон, и запел протяжно и жалобно паровозный гудок, увозя новых рабов в так называемый цивилизованный мир.

Испробует она вкус кормовой свеклы, турнепса, сырого картофеля и все другие «сладости и прелести» принудительных работ в Германии. И даже после окончания войны и полной капитуляции Германии мытарства бедной женщины не закончатся.

Насиловали и убивали не только там, где проходили линии фронтов. Поделили побеждённую страну государства-победители на части. Разъединили на куски-зоны некогда агрессивное государство, и в каждом углу новые власти стали хозяйничать по-своему, а страдал, как всегда и везде, прежде всего – простой народ.

Освобождённая от фашистов часть территории, где временно проживала Мария, ничем особенным не отличалась от всех остальных. Но об одной очень неприятной особенности всё же следует помнить человечеству. Были в составе освободительно-оккупационных войск воинские части, которые формировались в далёких колониях стран-освободительниц, то есть на других континентах и даже островах.

Зверство и насилие может порождать только себе подобное. То, что вытворяли когда-то «цивилизованные» представители человечества в захватываемых землях, отпрыгнулось теперь в Европе на других. Именно «весёлые» ребята из дальних колоний, блестя ослепительно белыми зубами, повеселились на славу на «освобождаемой» территории. Конечно, освободили победители мир от фашистской нечисти, но сами оказались ненамного лучше этих варваров.

Немного найдётся даже сегодня женщин, которые пойдут на такой подвиг и согласятся при свидетелях или перед камерой рассказать о мучениях и пытках, устраиваемых им этими самыми победителями. Не захотят они, чтобы их дети и внуки узнали те жуткие вещи, о которых даже рассказывать страшно, а не то, чтобы пережить.

Изощёнными способами, на которые не способна ни одна скотина, насиловали всех подряд, не спрашивая, на каком языке разговаривает человеческое существо женского рода и сколько ему лет. Под пресс насилия шли все, и не только местное население подвергалось такому «освобождению». Почти все женщины, которые были угнаны в Германию на принудительные работы и были разбросаны по фермерским дворам для сельских работ, испытали на себе все прелести «свободы». Только одного всё же боялись бравые «победители» – это дурных болезней.

Мария, наученная жизнью, умела пользоваться травами и находила их даже в окультуренной Германии. Умеючи, можно было и здесь найти нужную траву и коренья. Несколько приложенных на ночь к лицу листков обезображивали его до неузнаваемости. Огромные волдыри вздували кожу. От некоторых же трав опухала Мария настолько, что походила на прокажённую. Лишь она одна знала противоядие от болезней, которые сама же и вызывала. Только глянув, обходили насильники её далеко стороной, чего нельзя сказать об остальных. Не раз спасало женщину знание трав и прежде, но особенно пригодилось во времена, когда власть была в руках «весёлых» ребят.

Пришли потом власти посерьёзнее. Поняли, что может разразиться большой мировой скандал, и очень оперативно наложили уздечки на разгулявшихся молодцов-жеребчиков. Разогнали их по гарнизонам подальше от гражданского населения. Но неизгладимый, грязный след оставило после себя дикое нашествие победителей-освободителей.

Не коротким и не лёгким окажется путь Марии на родину. Добравшись, наконец, домой, встретит она только голые и холодные стены родного дома. Ни родителей, ни детей семьи Добрштайн она найти не сможет.

Пробудет одинокая женщина некоторое время в местах, где родилась. Чудом избежит обычного тюремного срока после возвращения в советскую зону. Избежать проторенного пути репатрианта, то есть ареста и срока, поможет ей один из бывших пациентов отца. Выправит он Марии настоящие надёжные документы, и уедет она на далекий Урал, откуда придёт к тому времени весточка от мужа.

Принесёт ей привет от мужа и его адрес человек, освобождённый из заключения. Соберёт женщина скромные пожитки и навсегда покинет места, где появилась на свет.

Не с распростертыми объятиями встретит огромный промышленный город, с названием, похожим на тяжёлый глубокий вздох, беженку, женщину, которую угоняли на чужбину для тяжёлых работ. Но ни разу не пожалеет она, по крайней мере, вслух никому не пожалуется о том, что дала согласие в американском лагере для репатриантов вернуться домой на родину.

Мир не без добрых людей. Примут к себе Марию, словно родную, двое одиноких стариков. Немало лет проживёт она у них в крохотной избушке. И даже много лет после войны, уже имея приличную благоустроенную квартиру в новом микрорайоне расстроившегося города, не забудет она эти добрые души. Вместе с освободившимся к тому времени мужем будет она посещать добрых и сердечных людей, которые делились с ней в очень тяжёлое для неё время последним куском хлеба и рваной фуфайкой.

На далёкой окраине города находился лагерь, в котором отсиживал, а вернее сказать – отрабатывал свой срок Эвальд. Заключённые валили лес, который был так необходим для восстановления страны.

Немало безымянных могил разбросано по всему лесному массиву центрального и северного Урала и Приуралья. Не несут к ним венки в День Победы. Только украдкой кладут иногда сердобольные люди живые цветы на могилы замученных заключённых и трудармейцев. А надо бы всем живущим на свете знать о них всё, и об их количестве, в том числе. Не меньше, чем на фронте, полегло по таким местам и настоящих народных героев, которые пролили много крови во славу страны, а затем ещё больше кровавого пота, отбывая немислимые сроки.

Возможно, когда-нибудь через много лет подобьют, в конце концов, честные статистики суммарные итоги всех незаконно навешанных сроков.

Ужаснётся, может быть, этим цифрам весь мир и задумается о своём будущем наше человечество. Начнёт искать мирные пути и не будет больше прокладывать новых военных троп.

Встретятся любящие люди вновь лишь через много лет. Первая встреча после долгой разлуки пройдёт нерадостно.

Через колючую проволоку помашут они друг другу издалека руками. А обняться и поцеловаться смогут ещё не скоро, несмотря на то, что находиться будут недалеко один от другого.

Город на Урале с названием, похожим на тяжёлый усталый вздох, станет Анатолию Смоляру (до германского плена и после реабилитации Эвальду Добрштайну) и Марии Смоляр второй родиной.

После отбытия срока останется эта семья жить здесь навсегда. В этом городе через много лет после войны разыщет Эвальда реабилитация и вернутся к нему все его государственные награды. В этом городе вырастят они и своих поздних детей.

Проклятая война. Не одну судьбу сломала она. Эвальд и Мария тоже не смогли уйти от калечащих, перемалывающих всё живое жерновов войны. Но выжили они, вопреки всем ударам судьбы, не только физически, но и духовно.

Не в обиду писаным красавицам будет сказано, не в красоте счастье. Оказалась Мария Смоляр красива не только внешностью, но и душой. Ждала она своё «Солнышко» несколько лет до свадьбы и ещё много, очень много лет после свадьбы. Что и говорить, неласково обошлась с ней судьба, но, в конце концов, всё же смиростивилась, наградила хорошей дружной семьей и людьми, которые поддержали её в тяжёлые времена.

11 глава. Оскар

Мальчишки во всём мире одинаковые. Играют они в индейцев, пиратов, бандитов и солдат. Воюют на все лады, мастерят себе луки, сабли, мечи, пистолеты и автоматы.

Пятым родился Оскар и рос как бы немного с запозданием. Как у мальчишек всего мира, было и у него своё излюбленное оружие.

Двое старших детей – Эвальд и Стефания – были сводными, не родными по отцу и матери в многонациональной семье Добрштайнов. Привели Мертин Добрштайн и Евдокия Дундич в новую семью каждый по одному ребенку. Мертин – сына Эвальда, Евдокия – дочь Стефанию. Отец и мать Эвальда, Мертин и Марта Добрштайн, были немцами. Отец Стефании, Максим Дундич, был обрусевший серб, а мать Евдокия – русская. Трое меньших, Елена, Ирина, Оскар были уже совместными детьми в большой многодетной семье Добрштайнов.

Эвальд, старший сын семьи Добрштайнов, рано покинул отчий дом. Сразу же, как только стал совершеннолетним, ушёл в армию. Свалился он через несколько лет, будучи уже офицером, как снег на голову домой. Привёл в дом невесту, Марию Смоляр, которая жила в находящих по соседству с городом Выселках. В спешном порядке отпраздновали громкую свадьбу.

Через две недели уехал старший брат опять, теперь уже навсегда, из родного дома. Мария, прожив эти дни вместе с ним у его родителей, вернулась к себе домой. Решили совместно, что так будет лучше. Тесновато всё же было в доме Добрштайнов. Да и ненадолго планировали молодожёны свою разлуку. Должна была Мария уехать после получения Эвальдом жилья к нему, но судьба разыграла всё по-своему. И встретиться снова им пришлось лишь через много лет.

Стефания, вторая в семье Добрштайнов, тоже рано покинула родительский дом. Уехала учиться в большой северный город. Один-единственный раз сумела она ещё вырваться домой. Навезла кучу гостинцев малышам и поставила родителей в известность, что выходит замуж. Показала фотографии своего избранника Ивана Фотова и так же, как и старший сводный брат, навечно покинула стены родного дома.

Оскар, меньший в семье, был по складу характера диковат и любил, в отличие от своих сверстников, одиночество. Родители, сёстры и старший брат – почти все, звали маленького не полным именем, а Осик. Причиной тому, что он

получил такое странное прозвище, послужило то, что малыш, желая чего-нибудь, сразу же показывал на вещь своим маленьким пальчиком, требовательно и шепеляво приговаривая при этом: «Оси... Оси... Оси...» Лишь одна сестрёнка Ира переделала имя по-своему и иначе, как Ося, своего братика не называла. Мастерил Оскар себе обычно что-нибудь в сторонке от всех, и отец не имел ничего против того, что мальчишка пользовался его столярным и слесарным инструментом. Несмотря на необщительность, всё же мирно ладил мальчик со всей соседской детворой. Может, причиной было то, что был он большим специалистом по арбалетам. Где он понабрался таких знаний об этом старинном оружии, непонятно, но мальчишки со всей округи ходили к нему за советами и помощью. Самый лучший арбалет был, как ни старались его приятели, всё равно у него. Стрелы тоже мастерил сам, притом из различных подручных материалов. Наконечники для стрел вырезал из старых консервных банок и другой жести. Грозой всех ворон-воровок, любителей полакомиться маленькими цыплятами, был мастер арбалета. Не одну из серых бандиток подбил Оскар при их попытке добыть себе жёлтого пискуна во дворе Добрштайнов.

Но без постоянных тренировок не достигнешь больших успехов в стрельбе из такого сложного оружия, как арбалет. Пристроил стрелок на один из росших на улице возле дома тополей крышку старой дубовой бочки, сделанную из цельной доски. Тренировался до упаду, удивляя приятелей и взрослых своим упрямством и мастерством.

Как-то его старшая сестрёнка Ира, решив подразнить брата, спряталась незаметно за дерево, служившее опорой для мишени. Не рассчитала проказница того, что не только уши, но и ноги тоже нельзя выставлять из-за ствола тополя. Оскар не знал о том, что сестра стоит за деревом. Как назло, не обыкновенные стрелы испытывал в тот злополучный день стрелок, а цельнометаллические.

Арбалет – оружие серьёзное. Немало перепробовал различных пружин мастер-оружейник и остановился, наконец, на пружине от старого одноосного шарабана. Валялась эта полусгнившая, никому не нужная телега на задворках. Видно, разъезжали на ней прежде с комфортом щеголи на свидания к своим барышням.

Хорошие пластинчатые, кованые ещё настоящими мастерами стальные пружины были пристроены на ось. Одну из этих пружин и примастерил мальчуган на свой новый арбалет.

Немалую силу таила в себе вновь поставленная движущая часть арбалета. Ещё при запуске стали расщепляться камышовые стрелы от пускового удара. Пришлось мастеру-арбалетчику для нового мощнейшего арбалета и стрелы мастерить соответствующие, то есть более крепкие. Нашёл он где-то моток жёсткой стальной проволоки. Не простые получились из неё стрелы, а крепкие стальные иглы.

На спину ежа стала похожа толстая дубовая крышка от натканных в неё недавно изготовленных стрел. Только кучности боя никак не мог достичь стрелок. Улетали иные металлические стержни в дорожную пыль или втыкались в ствол дерева рядом с доской.

И надо же было такому случиться: очень неудачно закончилась шутка, задуманная сестрёнкой Ирой, не сообразившей, что стрела из арбалета может поразить и её, и при этом серьёзно поранить или даже убить.

Покрикивала она, сложив ладошки рупором и подразнивая братика, но искажённый звук отдавался эхом среди домов и деревьев, и невозможно было

установить, где спряталась озорная девчушка. Ни сном, ни духом не ведал стрелок, что его сестра пойдёт на такое сумасбродство и спрячется в столь опасном месте, то есть непосредственно за его самодельной мишенью. Как ни в чём не бывало и не обращая никакого внимания на дразнилки сестры, продолжал он свои занятия по стрельбе. Но очень злой сюрприз преподнесла невинная игра.

Прошла одна из маленьких, но очень опасных стрел мимо мишени и угодила в неосторожно, словно по недоброму заказу именно в этот момент выставленную из-за дерева, девчоночью ногу.

Насквозь пробило ржавое стальное жало икру девочки. Брат подбежал, обнял сестрёнку, скорчившуюся в дорожной пыли от боли. Завыли вдвоём, словно пароходные сирены. Родителей, как всегда, не было днём дома, и некому было оказать элементарную первую помощь.

На ужасный крик сбежались соседи. Никто из них не отважился помочь серьёзно раненной девочке, но не суждено было ещё Ире умереть или остаться одноногой. На счастье, именно в этот день шёл из Выселок в город мимо домика Добрштайнов местный лекарь-самоучка Павел Смоляр. Подхватил он кричащую девочку на руки. Зажал платком рану, но перед тем, как отнести её к себе домой, спросил Оскара, чем именно нанесена рана. Широко раскрыл он глаза, увидев ржавый кусок железа. Жутко ему стало. Знал он, какие страшные последствия бывают, когда рана наносится ржавым железом. Гангрена или что-либо похожее почти всегда являются нежелательными спутниками таких ранений.

Так играет судьба. Не будь Павла в этот злополучный день на месте происшествия, скорее всего погибла бы девчушка или в лучшем случае осталась бы на всю жизнь инвалидом. И не потому взялся он за лечение девочки, что породнились они с семьёй Добрштайнов. Нет. Он точно так же помог бы и совершенно чужим людям. Такой уж был по натуре Лекарь из Выселок. Помогал он всегда и всем. Бегом преодолел он немалое расстояние, которое отделяло окраину города от Выселок, а меньший брат раненной девочки, словно привязанная собачонка, не отставал от него ни на шаг.

Спас жизнь и ногу девочки врач-самоучка, который не заканчивал никаких университетов, кроме народных. Не обращая внимания на крики, а позднее на беспомощность своей маленькой пациентки, обработал он рану только ему одному известными настоями. Немало дней и ночей, не отходя от постели, провёл Павел возле девчушки. Спал рядом на лавке. Каждый день менял повязки. Со скандалом прогнал со двора родителей девочки. Соседи уговорили Мертина и Евдокию не поднимать шума и довериться Лекарю. Вышёл он как-то из дома, неся девочку на руках. Неважно выглядели оба – бледные и исхудавшие, но жизнь, жажда жизни засветилась, наконец, в совсем уже было потухших глазах ребёнка. Во весь свой щербатый рот заулыбалась девочка лучам солнца, а Лекарь был рад долгожданному исцелению не меньше своей маленькой пациентки. Именно в эти минуты радовался он своему дару и чувствовал себя на седьмом небе от счастья, что смог помочь ещё одной душе. Много добавилось у него за этот месяц седины, но он только пошутил по этому поводу, поглядывая с улыбкой на свою жену, что, мол, седина лишь меняет внешний вид, но не делает слабым.

Оскар, виновник случившегося, дежурил всё свободное время во дворе Смоляров. Приходил каждый день рано утром. Приносил гостинцы, которые готовила мать. Жалобно поглядывал в окошко на сестрёнку, которая металась в жару на постели.

Клял себя, на чём свет стоит за случившееся. Но ничем не мог помочь мальчик пострадавшей и это мучило его. Если кто-нибудь из взрослых спросил бы его, согласен ли он поменяться местами с сестрой, он, не задумываясь, ответил бы утвердительно.

Вина терзала его гораздо больше, чем все нравоучения родителей вместе взятые. Только высказать, выговорить эти муки он не мог. Не умел он толково объяснить, что страдает за сестру не меньше других. Взрослые же считали его чуть ли не бесчувственным чурбаком, и только за то, что всегда отмалчивался он при разговоре о случившемся, что не каялся вслух и не извинялся.

Не скоро взял мастеровитый мальчик свои опасные поделки снова в руки. Злополучное оружие, которым была ранена девочка, отец, не задумываясь, отправил в большую печь, стоящую во дворе. Дерево, конечно, сгорело, а стальная пружина осталась целой, но потеряла она от нагрева свои свойства. Непригодна стала больше для арбалета. Не пропадать же хорошему материалу. Смастерил мастер-оружейник из неё позднее себе средневековый меч. Умудрился даже закалить лезвие. Рубил он своим новым оружием ветви и сучья. Даже отцу понравился этот оригинальный инструмент. Очень даже сподручно было им рубить лозу и тальник, которые он заготавливал иногда для различных корзин, так необходимых по хозяйству. Нагибаться не надо. Лезвие обоюдоострое: затупится одна сторона – руби дальше другой.

Младшему сынишке была, конечно, прочитана соответствующая воспитательная лекция с действенными приложениями. Не знали родители о страданиях мальчишки, иначе не укоряли бы они его при каждом удобном случае, вновь и вновь вина в случившемся.

Запрыгала через некоторое время опять девочка через скакалку не хуже подружек. Однако два синевато-глянцевых шрама размером с добрый пятак были ещё несколько лет чётко видны на ноге, но на прыткости они не отражались. С годами синие кругляши превратились в едва заметные белые пятна. Нужно было хорошо присмотреться для того, чтобы найти шрамы от ран. И только тот, кто точно знал, где их искать, смог бы ещё обнаружить с обеих сторон, на икре левой ноги Ирины, небольшие белесоватые отметины, на которых не росло ни одного волоска.

Через много лет после происшедшего поднимет Оскар (к тому времени уже Остап Добраш) штанину у шикарно одетой иностранки и найдёт у той на ноге следы своих деяний. И лишь после этого он полностью убедится, что эта, с виду совершенно чужая для него дама, не кто иная, как его родная старшая сестрёнка Ирочка. Но много придётся им всем ещё пережить до этой встречи... Война грянула неожиданно для всех и очень быстро внесла свой жестокий расклад в семью Добрштайнов.

Старшие дети семьи – Эвальд и Стефания – уже давно вылетели из родного гнезда. Создали свои семьи и навсегда покинули отчий дом.

Последнее письмо от старшего брата получили незадолго до начала войны. Было оно отправлено с западной границы государства. Выжил он или же погиб в первых боях, не знал никто.

Мария, жена Эвальда, часто приходила в гости к Добрштайнам. Приносила малышам гостинцы. Зажиточнее жили Смоляры, чем Добрштайны, но не были они скупыми, что часто случается с людьми, которые живут побогаче. Помогала Мария семье Добрштайнов молочными продуктами и различными соленьями, и вареньями.

От Стефании получили после начала войны несколько нерадостных весточек, а потом письма и вовсе перестали приходить. Её дальнейшая судьба также надолго осталась скрытой от остальных членов семьи.

Голодно стало у Добрштайнов с началом войны. Рынки и магазины пустели на глазах, а цены поднимались постоянно. Ходил Оскар под охраной старших сестрёнок с удочкой на рыбалку, но удача не очень-то сопутствовала ему. Подсмотрел он как-то у соседа-браконьера, чем тот добывает рыбу на ближней речке и в прудах.

Хоть и мал был ещё мальчуган, но мастером слыл на все руки. Смастерил такие же, как у соседа, мордушки-самоловы, если не получше.

В дело у него пошло всё: ивовые прутья, обрывки различной проволоки. Сёстры тоже не отставали. Тащили мастеру отовсюду всё, что было нужно и не нужно. Особенно активной была, конечно, Ирочка.

Она даже сумела незаметно снять с соседского забора хороший кусок алюминиевой проволоки, которая была в те годы ещё очень большой редкостью. Но, несмотря на то, что и легкий алюминий применён был при изготовлении браконьерских снастей, получились они всё же довольно тяжёлыми. В руках эти оригинальные ажурные корзины нести было неудобно. Приспособили смышлённые горе-рыбаки для транспортировки мордушек длинный тонкий шест. Нанизали на него корзины и, меняясь по очереди, потащили свои рыболовные снасти к пруду. Больше всех груза досталось опять же самому маленькому. Не хотели мордушки держаться на шесте во время ходьбы. Всё время съезжали они туда, где пониже, а самым маленьким из детей по росту был Оскар. Когда он шёл первым, то корзинки мордушек наезжали ему на спину. Когда шёл вторым, приходилось ему не только придерживать одной рукой шест, но второй ещё и отталкивать снасти от себя вперёд, иначе били они его постоянно по ногам и мешали идти. Намучились ребята, но снасти, в конце концов, были всё же доставлены к дальнему пруду.

Лезть в воду для установки рыболовных снастей пришлось Ирине и Оскару. Елена отказалась в самой категорической форме. Ухватил её как-то при купании рак за пятку, и после этого она панически боялась даже близко подходить к воде, не то чтобы шарить ещё руками и ногами по дну. Снасти же как-то надо укрепить, иначе могут уплыть. Если крепить её длинными палками, видимыми с берега, то они сразу же станут добычей воров, которых всегда хватает. Вдвоём, помогая друг другу, справились и с этой задачей.

На следующий день рано утром ушли дети проверить выставленные накануне мордушки. Пока шли по протоптанной тропинке через поле, всё было ещё в порядке, но как только ступили в лес, сразу же вымокли по пояс от обильной росы. Лена, самая пугливая из детей, наотрез отказалась идти дальше. Поспорили, покричали друг на друга, но пришлось боевитой Ире и зачинщику всего мероприятия Оскару самим пробираться к рыболовным снастям. Не успели они добраться до пруда, как остановились от страшного рёва и шума.

Почему именно юго-западную окраину города выбрали германцы для первого массивного воздушного налёта, было загадкой. Может, чистили на всякий случай себе дорогу, а, может, и разведка подвела.

Бомбили, конечно, в этот злополучный день и морской порт, но от западной окраины города германцы камня на камне не оставили. Ярким пламенем, почти без дыма, горели сухие, словно порох, камышовые крыши уцелевших от бомб домов.

В один мах добежали Ира и Оскар до леса. А когда выбрались, наконец, на опушку, то остановились в немом оцепенении. Огромная чёрная карусель

кружилась над окраиной города. Красиво, как в кино, опрокидывались носом к земле большие чёрные самолёты, с хорошо видимыми белыми крестами на крыльях. Детям казалось, что страшный вой и грохот разламывает при этом всё небо и весь мир на куски. Им ещё не видно было, что творится там, где находился их родной дом, но невыносимый ужас охватил несчастных детей, и присели они, словно испуганные птенцы только что разорённого недобрыми людьми гнезда, под кустиками, сжавшись в комочки и прижавшись друг к другу.

Немало прошло времени, пока самолёты, отбесившись, убрались опять в сторону моря. Пугливо поглядывая по сторонам, взявшись за руки, отправились домой.

Есть очень известная картина знаменитого на весь мир художника «Дети, бегущие от грозы». Оскар и Ира очень походили на тех детей, только бежали они сейчас не от грозы, а на грозу. И гроза эта, временами и беззвучная, но от этого не менее страшная, гремела потом безостановочно над ни в чём не повинными детьми немало лет.

Шли они домой, а дома к тому времени у них уже не было. Не было уже в живых и родителей. Одной бомбой был сметён маленький домик Добрштайнов с лица земли. Только глубокая воронка осталась на том месте, где когда-то провели счастливое детство дети этой дружной семьи.

Даже хоронить нечего было, а может и было, но не допустили малышей до развалин. Остановили их поодаль.

Мария, жена старшего брата Эвальда, которая всё ещё жила в доме своих родителей в соседствующих с окраиной города Выселках, примчалась на помощь. Чувствовало её чуткое сердце, что с семьёй мужа случилось что-то неладное. Побежала она на выручку, но некому уже было помогать. Ничего не осталось от дома Добрштайнов.

Молча, показала одна глухая от контузии женщина рукой в сторону леса, мол, ищи там. Не зная, кого искать, медленно побрела Мария в лес, внимательно поглядывая при этом по сторонам.

Первой нашлась Леночка. Не успела, очевидно, дойти до своего дома. Отшвырнуло её встречной взрывной волной. Лежала без чувств рядом с тропинкой, подтянув от боли ноги под живот. Прислушалась Мария к дыханию девочки. Жива была Леночка. Множество ушибов получила она, но серьёзных ран всё же не было.

Чуть позже увидела Мария и Иру с Оскаром. Шли дети-сироты со стороны леса. Обняла она их одним порывистым движением, не удержав при этом радостных слёз.

Так закончилось навсегда счастливое детство меньших детей семьи Добрштайнов Лены, Иры и Оскара. Мария, ставшая им старшей сестрой, взяла их, как беззащитных цыплят, под свою опеку. Приютила у себя дома и заменила им на недолгое время мать, отца, старшего брата и сестру. Рассказали ей дети, почему так рано ушли они из дома в этот трагический день и каким чудом остались в живых.

Надо было как-то жить дальше. Поделили домашние дела по личному выбору. Лена больше ухаживала за огородом и копошилась по домашнему хозяйству, а Мария, Ира и Оскар промышляли вне дома. По очереди пасли коз, собирали различные ягоды и грибы. Умела Мария хозяйничать. Всё горело у неё в руках. Сходила она с Оскаром и к поставленным на пруду мордушкам. Улов превзошел все ожидания. Еле дотащили рыбу до дома, помогло то, что хозяйственная и запасливая Мария всегда брала с собой заплечный мешок.

Что не поместилось в мешке, нанизали на прутья тальника, и, таким образом, в четыре руки и на спине сумели доставить улов домой. Стали солить, вялить и даже коптить рыбу. Очень пригодилась теперь соль, которую загодя запасла мама Франя.

Вместе убрали огород. Урожай выдался на удивление. Даже не поместилось всё в небольшом погребе. Вырыли прямо в огороде ямы и ссыпали в них остатки моркови, свеклы и картофеля. Накрыли потом слоем чернозёма, а сверху для верности набросали травы и ботвы.

Именно эти запасы и спасли детей от голодной смерти, ведь кроме них ни одна живая душа не знала, что в огороде под жухлой ботвой спрятаны в земле запасы овощей.

Повычистили сначала свои, а потом чужие паразиты почти все съестные запасы Смоляров. Толпами шествовали разношёрстные военные и полувоенные группы, и все хотели мяса, молока, хлеба. Первым при этой экспроприации пострадал вожак козьего стада. Мужественно стал он защищать свой двор от мародёров, но сила солону ломит. Оборвалась жизнь козла Дёгтя не совсем обычным для коз образом. Кинулся он на первого мародёра, который осмелился ступить в его, Дёгтя, владения. Не успел среагировать на столь неожиданную атаку уставший воин. Сверкнул подкованными подмётками сапог и проехал задом по свежему навозу, как по льду. Но зато не оплошал вояка, идущий следом. Насквозь продырявил штык боевитого козла, который каждого чужого человека на своём дворе принимал за личного врага.

Быстро уменьшилось козьё стадо Смоляров и не от снарядов и бомб, а от пистолетных и автоматных выстрелов. Стреляли, правда, только в тех коз, которых не могли достать ножом или штыком. Некогда было, как отступающим, так и наступающим, бегать за шустрыми козами по двору.

Знала Мария по многочисленным рассказам, что ей, как женщине, нужно всерьёз остерегаться шастающих по округе нечистоплотных людей.

Не только за продуктами охотились «человеки» и не только желудок урчал у них, а кое-что ещё. Описать всё, что вытворяли иные «мстители», невозможно. Просто не хватит нормальных человеческих слов, чтобы описать зверства иных человекоподобных.

Дети, конечно, не знали, почему им запрещают бегать без присмотра по улицам. Не понимали они и того, почему Мария, такая хорошенькая, одевается всё время, словно древняя старуха, и даже ходит так, будто у неё большой горб на спине.

Недоумевали детишки по поводу её чрезмерной осторожности и были порою даже очень недовольны ограничениями, установленными Марией. Попробуй, объясни десятилетнему ребёнку, что есть люди, для которых нет ничего святого и что даже они, малыши, не защищены от этих варваров.

Лишь много позже поймут Лена, Ира и Оскар, от каких бед и обид сумела укрыть их на время названная старшая сестра.

Говорят, голод не тётка, и он заставляет думать и действовать. Вспомнила Мария о построенном в горах небольшом схроне, о котором знали лишь она, старший брат Анатолий и отец с матерью. Хранили там Смоляры свои не совсем законные товары и продукты.

Жгли в схроне и самодельную водочку. Гоняли в городе и Выселках власти за это дело нещадно, а спиртное стоило таких бешеных денег, что купить его было невозможно. А как без водочки? Ни день рождения справить, ни свадьбу отгулять. И прятал каждый, где мог, свой самодельный заводик. Смоляры тоже не были исключением. Только умнее многих других были они. Ни разу не

попались на нелегальном изготовлении крепчайшего напитка. Далеко в горах устроили они себе схрон. Именно в этом убежище и была изготовлена вся самогонка, которой упились почти все жители Выселок, когда Мария Смоляр выходила замуж за Эвальда Добрштайна.

Во время опять же не совсем легальной охоты переживали здесь Смоляры иногда и непогоду, а порой даже злую погоню или облаву. Солили здесь и дикую кабанинку, и другую дичь. Много лет служило это тайное прибежище семье Смоляров верой и правдой. Послужило и ещё раз, теперь уже семье Добрштайнов.

Очень помогли теперь запасы съестного, которые были в схроне. Даже своего рода загончик соорудила предприимчивая женщина с детьми из подсобного материала неподалёку от схрона для пары оставшихся коз. Здесь и переживали все смутные времена. Никто, кроме неё и детей, не знал дороги к этому потайному временному жилищу.

В один из дней, когда опекунша детей пошла домой за спрятанной там солью, в Выселки аллюром залетел отряд всадников. Случилось это настолько быстро, что не успела она скрыться. Плотно окружили толпу выбранных женщин, в число которых попала и Мария, вооружённые люди. Погнали они несчастных в город, не обращая никакого внимания на страшные крики. Ждал их там уже наполовину набитый товарный вагон. Загрузили вновь пригнанных в передвижную тюрьму. Застучали однообразно колёса, унося на чужбину очередную партию обречённых на лишения и мучения женщин.

Так и осталась жена Эвальда в детской памяти Лены, Иры и Оскара доброй старшей сестрой, исчезнувшей неизвестно куда.

Остались дети одни в этом неприветливом мире. С наступлением холодов вернулись в дом Смоляров, ведя на поводу единственную козу, которая осталась от некогда большого стада. Вместе пережили страшную зиму. В печи сожгли всё, что могло гореть. Выломали полы и от забора тоже ничего не осталось. Выжить им помогла коза, которую звали Дамой. Поселили дети её вместе с собой в доме. Так было теплее и надёжнее. Очень умная была коза. Заслышав чужой голос, пряталась она в щели между стеной и печью и не подавала голоса до тех пор, пока чужак не покидал дом.

Говорят, что козы глупы и злы. По козе Даме этого нельзя было сказать. Служила она детям дворовой собакой, печкой и кормилицей одновременно. Именно благодаря этой козе не умерли Лена, Ира и Оскар Добрштайны. До конца своих дней будут они помнить о своей спасительнице, которую подкармливали остатками сена и запасами свеклы. Она же отдавала детям свой долг теплом, молоком и сторожевым бодрствованием. Стоило лишь чужому человеку подойти к дому, как Дама стремглав неслась в своё убежище. Будила она, конечно, этим детей, и они уже были всегда настороже.

Всех бед, которые пришлось пережить бедным детям-сиротам, не описать, но все трое переживут страшные годы войны. Разбросает их судьба по разным странам. Заговорят они на разных языках. А встретившись через много лет, благодаря добрым людям, не узнают друг друга.

Лишь после того, как артисты начнут рассказывать со сцены жизненный путь каждого из них по отдельности, всё шире и шире будут открываться глаза у Лены (Elene Russmann), Иры (Irene Ostermann), Оскара (Остапа Добраша), Эвальда и Марии Добрштайнов...

Не будет исключением и Оскар. Он поступит по-своему, по-простому и по-мужички. Не заплачет при людях, но очень подозрительно заблестят и у него глаза, когда не одну, а сразу двух сестёр и старшего брата обнимет он на виду у

сотен людей. Немногие из присутствующих, даже и не родственников, смогут удержать слёзы при встрече родных, которые не виделись более полувека.

Заберёт далёкий родственник отца детей-сирот на свою телегу. Покатят они в неизвестность. Унесёт их очень далеко судьба от родного дома. Разбросает, как осколки, по всей Европе. И соберётся снова семья Добрштайнов, правда уже не в полном составе, лишь через много лет.

Не повезло Оскару при бомбёжке моста с самого начала. Выпал он из телеги, когда старик-возничий круто развернул лошадей и покатился кубарем по насыпи. Вскочил на ноги, а прямо перед глазами оказалась упряжка следующей телеги. Ухватился, словно шустрая обезьянка, двумя руками за дышло. Подтянулся чуть вверх, и это спасло ему жизнь. Не достали его копыта лошадей. Сбоку, совсем рядом, поднялся очередной высоченный земляной гриб. Круп лошади, которая была запряжена с правой стороны, принял на себя весь град осколков. Мелко задрожала она всем телом, медленно опускаясь на колени.

Левая лошадь протащила ещё с разгона немного всю упряжь, вторую лошадь и телегу на себе. Потом тоже забилась, словно в припадке.

Наотмашь получил мальчик тяжёлым копытом удар по голове и кубарем полетел на дно боковой канавы. Приземлился в кустах. Погасили ветви энергию полёта, приняли мальчишку на себя, словно ласковые руки, и плавно опустили на землю. Долго пролежал он без памяти. А когда очнулся, не узнал окружающий его мир. Что-то изменилось вокруг него, а что – не мог понять. Не знал Оскар, что от удара копытом по голове, он почти полностью оглох.

Выполз на четвереньках на насыпь. Подкинул его какой-то дедок на телегу и повёз мальчишку в невменяемом состоянии дальше на запад.

На первом же пересыльном пункте сбежал полуоглохший мальчуган. Долго скитался он в поисках сестрёнок по дорогам. Но попробуй, найди иглу в стоге сена. Едва живой от голода, забрёл в небольшую деревеньку. Приютила его одинокая бабуля, живущая в пустом, старом колхозном телятнике. Там он задержался надолго.

Весь остаток войны прожил Оскар в телятнике вместе с бабушкой-бобылкой. Нашли они себе небольшую комнату, которая раньше служила водогрейкой. Стояли здесь печи с замурованными в них большими чугунными котлами. Грели здесь раньше телятам воду и поило. Рядом с котлами были и своего рода лежанки, на которых и спали двое бездомных людей. В холодное время спали не рядом с котлами, а прямо в них, предварительно набив их соломой. Топлива тоже немного надо было им тогда для того, чтобы согреться. Охапки соломы, выдернутой с крыши, хватало, чтобы чугунные стенки котлов нагрелись. Одна была беда: как быстро котлы нагревались, так же быстро и остывали. И здесь нашли выход бездомный мальчик и бабуля. Залезали в котел и накрывались сверху деревянной крышкой. Свернувшись комочком, спали до тех пор, пока окончательно не замерзали. Первой обычно не выдерживала старушка: наверное, старые кости стынют всё же быстрее.

Ворча вполголоса, поднималась она из котла и, накинув своё дряхлое верхнее тряпье на мальчика, шла искать дрова. Добыв немного топлива, подкладывала чуточку в печь, на которой стоял котёл с Оскаром. Небольшую плиту, пристроенную рядом с котлами, кочегарила серьёзнее. Кипяток получался очень быстро. Иногда и жиденький супчик готовила бабуля в этом же котле.

Мальчишка смастерил себе небольшой, но надёжный лук и частенько выходил на охоту. Серьёзную дичь добыть, конечно, не удавалось, но диких и

одичавших голубей и другую мелкую живность добывал нередко. Тем и жили. Ходили иногда попрошайничать. Что плохо лежало – воровали.

Снова прокатился фронт по этим многострадальным местам. На счастье бездомных, обошли их на этот раз стороной все несчастья. Даже повезло как-то раз. Заблудились пару автомобилей с красными крестами на боках и заехали прямо на скотный двор. Вышли бабуля и Оскар на незнакомый шум. Внимательно поглядела из кабины головной машины женщина на мальчишку. Вышла она из автомобиля, постучала рукой в боковую стенку будки. Курносая круглая мордочка сразу же высунулась в окошечко. «Поддай-ка пару шоколадок мальцу», – приказала женщина, которая первой вышла из кабины.

Немного погодя, открылась задняя дверь будки, и невысокая девушка в зелёной юбке и такой же гимнастёрке выпрыгнула на покрытую сухим навозом землю. Протянула она несколько блестящих вещичек Оскару, а он отошёл за спину старухи. Совсем одичал, отвык от человеческого обращения мальчик. Девушка насильно всунула ему в руки шоколадные плитки, приговаривая при этом, что мальцу не мешало бы умыться. Посмотрев на его рваную одежду, бегом кинулась снова в будку автомобиля. Также быстро вернулась назад, неся в руках зелёный ватник, штаны и рубашку.

Не только шоколад попробовали в тот день бабка и мальчик, но даже и приодели их обоих немного. Ещё пару одеял в придачу к одежде велела выдать бездомным женщина-командир после того, как осмотрела их жильё. Быстро собрали медсестрички ещё и хороший подарок, который состоял из консервов и сухарей, одичавшим и изголодавшимся бабуле и мальчугану.

В памяти Оскара это событие осталось как самый большой праздник. Отмерять стал позднее время на «до того, как наши пришли» и «после того, как наши пришли».

Жизнь стала понемногу меняться. Деревня оживала. Не в один день, конечно. Дни пробегали, месяцы и годы. Приходили домой угнанные на чужбину. Возвращались раненые, контуженные и бывшие заключённые. А Оскар так и остался жить в телятнике на долгие годы.

Бабуля ушла дальше на запад, где когда-то находился её родной дом, а повзрослевший парень не захотел покидать уже обжитые места. Устроил он себе в одном из пустых помещений телятника, где раньше находился кабинет заведующего фермой, жилую комнату. Построил при помощи инвалида-печника печь с лежанкой. Так и зажил в одиночестве. Правда, довольно часто навещал его одноногий местный печник. Приходил он выплакать своё горе и не просто выплакать, а напиться до потери памяти. Хорошо ему было с Оскаром. Полуглухой парень никогда не перечил и не огрызался, как это делала дома непослушная и ужасно сварливая жена.

Той всё было не так. Только брань да ругань можно было услышать от неё. Не понимала она мужскую душу. Не знала, что мужику, хоть и одноногую, хочется иногда побыть командиром, а она же не давала ему права голоса и не просто не давала права голоса, а вообще порой не давала говорить. Куда деться от такого домашнего деспота, как не уйти к малолетнему приятелю, который живёт один, словно крот.

Зря шумела глупая женщина, не думая о последствиях своих крикливых действий. Мужчины, пусть и с недостатками, после войны были особенно большим дефицитом. Телятник постепенно наполнялся снова телятами и телятницами.

Стала одна из шустрых бобылок всё чаще прибегать в бывший кабинет заведующего фермой, как бы мимоходом, но именно в то время, когда

деревенский печник был в гостях у Оскара. Знала она, наверное, туда дорогу ещё с прежних времен.

Так и случилось, что ушёл с фермы как-то одноногий мужик, не домой, а напрямиком к бобылке, и остался у неё навсегда.

И даже к своему глухому приятелю стал он реже приходить попьанствовать и поговорить, очевидно, хорошего слушателя заимел он в своём новом доме, а, может, и на пару сидели они теперь за бутылочкой вдвоём с одинокой женщиной, тоже соскучившейся по человеческому голосу и ласке.

Побежали годы, словно звенья нескончаемой цепи. Сумела одна из молодых телятниц разбудить в парне мужчину. Ещё и семнадцати не исполнилось Оскару Добрштайну, которого с легкой руки бабули перекрестили в Остапа Добраша, как и сам стал отцом. Построили с молодой женой сообща небольшую избушку недалеко от фермы и зажили спокойно и дружно. Следом и другие дети посыпались, словно из рога изобилия.

Только успевали поворачиваться молодые папаша с мамашей. Выручали их огороды и ближние леса. Домовитой и хозяйственной оказалась жена Оскара. Не чаяла она души в своём муже. Любила и поговорить, но в меру, в отличие от многих женщин, которых хлебом не корми, а дай лишь пострекотать. Глух был Оскар, но не душевно. Во всём знал меру. Мог и выпить по-хозяйски, но ум никогда не пропивал. Уважали его в селе, несмотря на глухоту, и прислушивались к его совету. Был безотказен. Приходили к нему люди за помощью, и он никогда не отмахивался. Да и силён был он на удивление. Невысок ростом, даже жена была чуток повыше его, но в руках имел силу необыкновенную.

Говорят, что раньше были молодцы, которые гнули пальцами пятаки. Не пробовал Оскар ломать монеты, но на спор с мужиками поднимал колёсный трактор за переднюю ось. Не раз попользовались этим скотники, которые работали вместе с ним на ферме. Особенно любили они разыгрывать новеньких. Начиналось, обычно, всё вроде бы шутя. Раззадоривали шутники непосвящённых. Пробовали сами оторвать колёса трактора от земли, но, конечно, это никому не удавалось. Люди, не посвященные в тайну силы скотника, попадались в расставленную ловушку. Лишь после того, как на кон ставилось не менее литра водки, звали силача, который копошился, как всегда, где-нибудь в сарае.

Водку, конечно, распивали сообща, а проигравший уже больше никогда не спорил и с большим уважением и почтением обращался потом к местному силачу.

Навезли после войны в колхоз с Запада всякого скота. Работы на ферме прибавлялось с каждым днём. Особенно хлопотно было с быками. Привезли неизвестно откуда две звероподобные громадины. Оба с кольцами в носу и по две цепи на каждом кольце. Так, на растяжку, и привязывали их в специально построенном для племенных быков сарае. Приставили к этим зверищам мужичка, да, видно, не того. Сорвался у него как-то один бык с привязи. Почувствовал свободу и сразу же ею воспользовался. Хорошо, что не острием рога достал бык мужичка, а только лбом и мордой. Длинный, стремительный полёт совершил нерасторопный скотник и очень удачно приземлился прямо между стеной сарая и кормушкой. Не смог его достать громадина-бык в этой узкой щели. Маловато места оказалось там для рогатой махины. Серdito пофыркав, отправился бык на прогулку по деревне. Словно ветром посдувало всех с улицы. Попрятались все, кто куда. Зачесалась, видно, шея у застоявшегося молодца. Подошёл к маленькому домику-избушке, срубленному

из круглых бревнышек, который построили себе Оскар с молодой женой. Потёрся бык шеей об угол, но мало показалось ему этого. Поддел рогом угол избы так, что только стёкла брызнули из перекошенной оконной рамы.

Такого позора Оскар вытерпеть не мог. Прямо на его глазах бык разносит с таким трудом и любовью сложенную избушку. Выбежал он из дома. Встал напротив быка. Интересная получилась картина. Бык размером с хорошую цистерну и маленький человечек напротив него. Но не в одной силе дело. Пока бык, зло поводя глазами, прицеливался, с какого боку поддеть противника, мужчина уже вцепился своей железной рукой за стальное кольцо, которое было вдето в ноздри шалуна. Так и прошествовал герой дня на скотный двор, гордо ведя за собой сразу же присмирившего быка.

С этого дня не разрешили больше молодому мужчине работать в телятнике. Стал Оскар ухаживать только за быками. Может быть, никогда и не наказывал глуховатый скотник быков, но слушались они его на удивление всем жителям деревни очень хорошо. Не раз шутки ради демонстрировал он друзьям свою необъяснимую власть над ними.

Ставил он перед только что пришедшим с водопоя быком полное ведро с водой. Подавал короткую команду: «Пить». И послушный бык мигом опорожнял посудину.

Не могли люди поверить в такую власть человека над животным. Многие в деревне считали это за сказки и басни, придуманные шутниками, но не выдумывали это друзья-свидетели. Действительно, необъяснимой властью над быками владел Оскар, и не сразу это пришло, а выработалось с годами. Очевидно, знал он язык, на котором говорили животные. Только людям, попробуй, объясни это. Ведь засмеют. Кто же поверит в то, что человек умеет разговаривать с животным? Глух был скотник, но, наверное, голос животных слышал он всё же лучше, чем человеческий, и поэтому так беспрекословно и безропотно подчинялись они каждой его команде.

В деревне выросло одно поколение детей за другим, и все слышали рассказы о чудесах, которые может творить глухой с быками. Правда, мало кому демонстрировал он свои возможности. А с годами всё больше и больше привиралось людьми. Так и стал со временем Оскар в деревне живой легендой, но то, что мог и делал он, не сумел впоследствии сделать ни один из её жителей.

12 глава. Анатолий Смоляр

Любит народ, когда есть о ком поговорить. Всегда найдётся человек, о котором слухи распространяются сами по себе, словно ветер их людям на ухо нашёптывает. Как правило, такие герои не признаны официальной властью, но именно они служат, обычно, материалом для сказок, легенд и интересных историй.

Награды таким людям тоже никогда не вручают и не чествуют их громко и с музыкой, но от этого не меньше уважает народ своих героев, а, наоборот, намного больше. Даже после того, как умирают они или исчезают бесследно и навсегда, разговоры о них не прекращаются десятилетиями. Впоследствии эти персоны обрастают такими таинственными, героическими ореолами, что с годами уже очень трудно разобраться, где действительно правда, а где вымысел. Именно таким человеком остался навечно в памяти народа в беспокойном приморском крае Анатолий Смоляр.

Любителем весёлых приключений и авантур был парень, которого все знали под кличкой Смоль. Неплохим человеком был Анатолий. Вырос в небогатой семье. Помогал всем, кто нуждался в его помощи. Мог отдать последний грош нищему или сироте. С малолетства был послушным и спокойным ребёнком. Правда, свой твёрдый характер показывал уже в детстве.

Обидели как-то его маленькую сестрёнку Машеньку ребята постарше. Недолго думая, схватил Толя здоровенный гвоздь, который он хотел пристроить на свою тележку вместо оси и ткнул обидчику прямо в лицо. Чуть ниже глаза угодило, на счастье, острие гвоздя, но щеку пропоролó всё же насквозь. На крик прибежали взрослые. Каждый заступился, конечно, за своих детей. Долго разбирались, кто зачинщик. Но кто же признается в том, что он первый начал?

О детских, как и обо всех взрослых драках, всегда столько мнений, сколько народу принимало участие в этой драке. Попало на орехи маленькому драчуну, но не смогли его заставить, сколько ни бились с ним взрослые, покаяться в своём поступке и извиниться перед пострадавшим.

Зауважала с тех пор вся выселковская детвора Анатолия. Конечно, нельзя сказать, что парень только тем и занимался, что дрался со всеми подряд или раздавал подаяния. Нет. Совсем наоборот. Себя он тоже не забывал. Первым щеголем слыл он в Выселках и по праву. И насчёт его драк слухи тоже были преувеличены. Если бы кто-нибудь задался целью и подсчитал, кто и сколько раз принимал участие в драках, то на удивление всех у Анатолия вышло бы самое малое число. Слава о нём пошла не потому, что было у него много драк, всё дело было в том, какие это были драки.

В Выселках, где родился Анатолий Смоляр, все знали друг друга и между своими парнями конфликты возникали редко. Обычно, стычки происходили с чужими, а особенно с городскими ребятами. Выходила как-то одна девушка из Выселок замуж за парня, который приехал из соседнего большого поселения. Приезжие ухари-ребята в подпитии, конечно, поставили одному из местных парней пару приличных «фонарей» за неуважительное отношение к гостям.

Так уж получилось, что на свадьбе было намного больше чужих, чем гостей из Выселок, и Анатолия тоже не было дома. Ушёл он в очередной поход за товаром, и что-то задержало его в пути, ведь контрабандистские тропы – это не асфальтные дороги. Вернулся домой поздно. По-быстрому умывшись и переодевшись, направился к дому, где праздновали свадьбу, на которую и он был приглашён. Чтобы сократить путь, пошёл задворками и через огороды. Уже подходя к усадьбе, где во дворе шумела свадьба, услышал очень даже знакомые ему матерки и крики. Попробовал было Анатолий разнять дерущихся парней, но не тут-то было. Вынужден был Смоль принять участие в разборке не в шутку, а всерьёз.

Конечно, не гордился этой дракой впоследствии Анатолий Смоляр. Не желая, но и не имея права остаться в стороне, пришлось и ему принять участие в разгоне свадьбы. Разбегались не только приезжие парни, но и чужим мужикам пришлось дать ходу, а всё только потому, что один из приезжих дуроломов взял в руки нож. Такого в бандитских Выселках никто не терпел. Драка есть драка. Если нужно выяснить парням отношения, пожалуйста, но резать ни своих, ни чужих в своём же доме не разрешалось никому.

Этот случай имел продолжение, которое впоследствии обросло такими небывицами, что в это трудно было поверить. И каждый рассказчик уверял, что он своими глазами видел всё происшедшее.

А дело в действительности было так. Поехал как-то Анатолий с приятелем верхом на лошадях в ближайшее селение за папиросами. Попросил его один из соседей занести попутно гостинец, пару больших вяленых рыб, своему свояку, который жил в том же посёлке. Неохотно взялся парень за выполнение просьбы, помня о том, что ребят и мужиков именно из этой злополучной деревни гнали они со свадьбы, словно стадо испуганных коз, но отказать своему земляку не смог.

Решили парни сначала избавиться от неудобного мешка с подарком, а затем уже зайти в магазинчик. Без всякой опаски спрыгнул Анатолий с лошади. Взял мешок и пошёл во двор. Толкнул узенькую входную дверь. Прошёл тёмный коридорчик. Мешком, который держал в руках перед собой, толкнул уже внутреннюю дверь. За длинным столом сидела целая ватага мужиков и парней. Пара пустых бутылей уже стояла возле порога, а пара, наполовину опорожненных, ещё была на столе. Так же ни о чём не подозревая, прошёл непрошенный гость дальше в комнату. Поставил на скамью мешок с рыбинами. Пошутил ещё насчёт того, что, мол, хорошую закуску привёз и как раз вовремя. Налил хозяин и вновь пришедшему стакан. Поднёс незванный

гость уже было стандартную граненую посуду ко рту, но боковым зрением заметил, что как-то уж больно кучно и дружно стало подниматься несколько парней из-за стола.

Дело происходило весной, и во дворе было тепло. Не топят уже в такое время печи. Всё рассчитал кулачный боец от природы. Понял и то, что двумя кулаками дюжину парней и мужиков не остановить. Какой-нибудь кулак пусть и нечаянно, да достанет давнего обидчика. Поэтому не к двери кинулся бежать Анатолий Смоляр, а быстро шагнул вперёд к печке. Печная плита с двумя дырами, которые были сейчас плотно закрыты кованными, чугунными кольцами, бросилась ему в глаза ещё когда он вошёл в избу. По одному кольцу мигом оказалось в каждой руке парня. Повернулся он лицом к своим противникам и с весёлым оскалом громко спросил: «Ну! Кто первый?»

Вежливо отступили пьяненькие ребята перед таким напором. Держа кольца в полусогнутых руках, вышел Анатолий во двор. Его приятель всё ещё сидел верхом на лошади, придерживая за повод вторую.

Только копыта застучали по улице, унося смелого до бесшабашности парня и его приятеля. Никто из парней и мужиков, которые сидели и пьянствовали в доме, не пожелали испробовать на себе крепость чугуна. Не нашлось ни одного слишком пьяного или смелого, который бы кинулся на вооружённого таким необычным оружием чужака. Правда, если бы знали ребята, которые не рискнули напасть на дерзкого парня, каким позором будет поливать их народная молва ещё много лет после случившегося, то, наверняка, хотя бы один из них решился на отчаянный поступок.

Конечно, не смог бы Анатолий выйти победителем из свалки, случись таковая в доме, но он ещё раз убедился в том, что толпу нужно шокировать. Бить по мозгам настолько быстро, чтобы не было ни у кого возможности среагировать. Победил в этом случае драчун не физически, а психологически.

Сам он никому никогда о случившемся не рассказывал. Но женщина, хозяйка дома, которая стала невольной свидетельницей происшедшего, рассказала всё своей сестре, живущей в Выселках, а дальше понесли люди эту историю, словно семена тополя, по миру. И каждый нет, нет, а добавлял от себя малость. Много времени прошло с тех пор, как исчез без вести из приморских беспокойных мест Анатолий Смоляр, носящий кличку Толян Смоль, но память и молва людская вновь и вновь вспоминала о нём добрым словом. Настоящим, непобедимым народным героем сделали его жители, несмотря на все его недостатки и пороки, а было их у него немало. Не один из мужиков, носящий по вине бесшабашного парня на своей голове невидимые рога, обещал подстеречь его на тихой тропинке, но судьба до поры до времени была благосклонна к отчаянному парню.

Ещё задолго до того, как по всей Европе полыхнуло пламя Второй мировой войны, на юге гремели выстрелы и даже грохотали пушки. Немало перевёз в те края оружия на своём судёнышке Анатолий. Помогал своим братьям-контрабандистам, чем мог, порой даже в ущерб себе.

Но после того, как пожар войны со всей силой перебрался на южную сторону континента, худо пришлось и Смолю. Намного быстрее его утлого судёнышка были современные военные суда, и шутить с ними было опасно. Расстреливали и топили всё подряд, что не подчинялось их приказу. Последнее доброе дело, которое удалось ещё совершить Анатолию Смоляру в беспокойном приморском краю, – это переправить своего шурина на родину. Свела их судьба в морском порту. Прямо на глазах у него схватила местная полиция Эвальда. Неприглядно выглядел шурин. Оброс рыжей бородой и

шевелюрой, но Анатолий узнал его с первого взгляда, несмотря на рваную одежду и ужасную худобу.

Почти всё накопленное золотишко пришлось выложить бродяге Смолю для того, чтобы выкупить Эвальда из застенка. Долго уговаривал он своего родственника отправиться с беженцами куда-нибудь на юг Турции или даже дальше, в Среднюю Азию, но все уговоры были напрасны. Не смог Анатолий Смоляр убедить своего родственника в том, что его возвращение на родину смерти подобно. Так и разошлись навсегда двое мужчин и никогда больше не перекрещивались их жизненные пути.

Не случайно достались бродяге Смолю греческие имя и фамилия Толий Смоляриди, а, так сказать, по наследству. (Но мы и дальше будем называть Анатолия Смоляра тем именем, которым окрестили его родители). Помогли Анатолию друзья-греки. Достали настоящие греческие документы и даже имя и фамилия оказались немного похожи, что облегчило подделку. Правда, сделали мужчину по новым документам на десяток лет старше и инвалидом от рождения, но всё подошло как нельзя лучше.

Перебили ему как-то пулемётной очередью левую ногу. Подлечился, но туго стала гнуться нога в повреждённом колене. Тяжеловато стало ему бродяжничать на море, да и условия для этого были уже не те.

Времена больших сражений и побоищ пришли в эти прекрасные южные места, и мелким судёнышкам контрабандистов не осталось больше места на морских просторах. Их, как бы между прочим, били и правые, и левые, то есть коричневые и красные. Пришлось Анатолию задуматься о своём будущем, и решил он убраться подальше из этих мест, пока ещё была возможность.

Никто не знал и даже не догадывался о том, что не погиб Смоль во время войны, а забросила его судьба в далёкую от Европы Среднюю Азию.

Не только имя и фамилия изменились у Анатолия Смоляра, но и внешность. Широкая лысина украсила со временем некогда кучерявую голову. Вовремя стал он политическим беженцем и убрался из мест, где вскоре разыгрались трагедии, которые унесли тысячи человеческих жизней.

Принимал Советский Союз политических беженцев под свою защиту, но, конечно, как всегда свои обещания по отношению к таковым не выполнял, да и не собирался выполнять. Пополнили и греки ряды безропотных рабов огромной империи, несмотря на то, что до конца своей жизни остались подданными другой страны. Лишь после смерти находили у многих из них иностранные паспорта, которые были спрятаны в укромных уголках.

Целыми толпами загоняли греков-беженцев по отдалённым местам. Попал и Анатолий Смоляр в один из таких «райских» уголков, где питьевая вода была на вес золота и ездить за ней приходилось не один километр. Одинокое поселение Кайрат, в котором насчитывалось лишь несколько десятков подслеповатых землянок, надолго стало для бывшего морского бродяги родным.

Жизнь берёт своё. Женился беженец вскоре на местной уйгурке. Приютила его бобылка, всех родственников которой отправили на тот свет голод, болезни и проклятая война. Завели они своих детей, но не мог спокойно жить человек, привыкший к беспокойной жизни. Каким образом такие люди находят друг друга – неизвестно, но оспаривать этот факт невозможно, потому что жизнь доказывает обратное. Завелись и в этом полупустынном краю у Анатолия надёжные друзья. Особенно сдружился он со стариком-немцем, который ухаживал за лошадьми на центральной усадьбе колхоза. Нельзя было в этих,

далёких от государственных границ, местах заниматься контрабандой, но зато можно было браконьерствовать.

В сущности говоря, и браконьерством нельзя называть деятельность, которой занялся беженец со своими новыми товарищами. Били и ловили они всевозможную живность для пропитания, а не для обогащения. Тем и кормились.

Прихватывали, правда, иногда и немного чужого, но опять же в меру – лишь столько, чтобы не умереть с голоду. При каждом посещении центральной усадьбы не забывал Анатолий Смоляр заходить на колхозную конюшню. Выбрав момент, когда здесь не было посторонних, вытаскивал из-за пазухи подвяленного мяса или рыбину и, молча, протягивал старику. Старик-конюх, которого все звали дядя Фаст, тоже не оставался в долгу. Именно он снабжал пришлого охотничьим оружием и боеприпасами. Так и жили, и выживали, помогая друг другу, совершенно чужие люди в голодное и страшное военное и послевоенное время.

Одинокая вдова-уйгурка, привыкшая к полуголодной жизни, души не чаяла в своём новом очень хозяйственном муже и ни в чём ему не перечила, несмотря на то, что не она пришла к нему в дом, а он к ней.

Прожила эта семья много лет и никогда, ни одним словом не обмолвился беженец Смоляр даже своей собственной жене или детям о своём прошлом и о том, что совсем по-другому звучало прежде его настоящее имя.

Победа? Победа? Победа? Звонкий крик и бешеный стук копыт звучали как песня. Три раза успел промчаться, словно ветер, по аулу Кайрат жеребец, на спине которого гордо восседал кричащий во всё горло наездник. Лишь потом в тесную улицу въехал автомобиль. Со всех сторон к тому месту, где остановилась «Эмка», сходились люди. Радовались они долгожданной, радостной новости, и никто из них не знал, что только что, прямо на их глазах был выигран ещё один поединок.

Самым близким другом наездника был Анатолий, но и он не знал о секрете старика-конюха дяди Фаста.

От центральной усадьбы колхоза до отдалённого аула Кайрат было около пяти километров. Прямо от колхозной конторы, которая находилась в центре села Безводное, в направлении Кайрата, одновременно тронулись всадник и машина, но, несмотря на все усилия, которые прилагал водитель автомобиля, победителем в гонке всё же оказался всадник.

Не такого результата ожидал человек, согласившийся на необычную байгу. Недоволен он остался, но спор есть спор, и пришлось ему смириться с поражением. По-дружески успокаивая, похлопал его по плечу старший попутчик.

А началось всё ранним тёплым майским утром. Поблескивая чёрным лаком, к колхозной конторе подкатила представительская «Эмка». На таких автомашинах в те времена ездило только очень большое начальство или же важные чиновники из органов. Бригадир со способными ещё работать людьми был уже в поле. Поэтому никто не вышел встречать высокое начальство. Первым из автомобиля выскочил молодой военный. Быстро обойдя автомобиль, приоткрыл заднюю правую дверку. Второй пассажир долго выбирался из машины. Совершенно не гнулась у него одна нога. Выставил он наружу сперва стоящую колом правую ногу, а потом, уже держась руками за машину, выбрался сам. Молодой попробовал помочь старшему, но тот отказался. Постояли военные возле автомобиля, с большим интересом оглядывая тихую деревню. Молча подождали.

Не шёл к ним народ. Не приносили такие визиты ничего хорошего рядовым колхозникам. Одни неприятности можно было ожидать от столь ранних гостей, именно поэтому никто и не торопился к ним навстречу.

Военный, который выглядел моложе, очевидно, не выдержав давящей тишины, приложил пальцы к губам. Разливи́стый, разбойни́чий свист понёсся по деревне, пугая ворон, скворцов и воробьёв. Даже куры шарахнулись по кустам и сараям. Наверное, в деревне вырос мастер такого художественного свиста и, может быть, даже зарабатывал в детстве на хлеб пастушеством. Уж больно красивые звуки умел он издавать. Давно не слышала небольшая деревенька такого залихватского свиста. А свист летел и звенел так долго и дразняще, что стали всё же открываться окна и двери. Радовался своему ответственному и почётному заданию молодой военный, и поэтому так красиво, торжественно и радостно звучал его свист. Старший несколько осуждающе глянул на своего молодого попутчика. Наверное, не был он большим любителем эффектных зрелищ, но запрещать не стал, и нёсся разбойни́чий свист по деревне, будоража всех и вся.

Первой, как всегда и везде, на улицу высыпала ребятня. От колхозной конюшни на своих кривых ногах приковылял к военным старый конюх.

Не было ещё в то время в деревне ни электричества, ни радио, иначе знал бы народ, что война закончилась уже днём раньше.

Документы о безоговорочной капитуляции подписали на дальнем западе, где солнце садится, а не всходит. В тот момент, когда на бумагу ставились подписи, подтверждающие полную капитуляцию Германии, в этих далёких восточных краях был уже поздний вечер, а местами уже и ночь. Лишь на следующий день по деревням, сёлам, хуторам и заимкам поехали и помчались гонцы с радостной вестью. «Эмка» с военными, не останавливаясь в пригородных сёлах, напрямик, преодолев сотню километров, примчалась в колхоз, который находился на окраине области.

Проснулась, наконец, деревня. Побежали во все стороны мальчишки и девчонки, и громкие крики: «Победа!.. Победа!.. Победа!..» – неслись по селу, обгоняя даже самых быстроногих.

Прибежали и приехали, вызванные быстрой детворой с полей и огородов, из садов и виноградников, остальные колхозники. Коротко и торжественно прошло собрание жителей. Впервые за много лет их поздравили и объявили День Победы всенародным праздником. Победе радовались все, от мала до велика, и стало видно, что люди ещё не совсем разучились улыбаться. У многих в глазах стояли слёзы. Слёзы радости, а не горя. И откуда вдруг слова взялись у людей! Заговорили все, зажестичулировали, и даже дети хлопали друг друга по плечу и поддавали шаловливо под бок нерасторопным. Одним словом, радость вылилась наружу. Это горе прятал каждый, как мог, а счастье и радость спрятать оказалось не так-то просто.

Пожилой колхозный конюх подошёл после официальной части к военным и попросил у них разрешения отправиться верхом с радостной вестью в аул Кайрат, который находился ещё дальше от центральной усадьбы, то есть уже на границе с пустыней. Посоветовавшись, военные согласно кивнули головами, но молодой предложил при этом, что пусть, мол, это будет маленьким развлечением для народа. Всадник и автомобиль одновременно тронутся, а кто победит, тот и объявит о победе.

Из старой колхозной конюшни, которая напоминала развалину, пригнувшись к гриве коня, вылетел всадник. Военные широко раскрыли глаза. Не колхозную клячу, как ожидалось, увидели они, а красавца четырёхлетку-жеребца. Кривые

до безобразия ноги старого конюха плотно обнимали бока коня. Ни седла, ни сбруи не было видно. Лишь простая ременная уздечка была одета на жеребца. Гордо подняв голову и кося лиловыми глазами, прошёл он, пританцовывая и выгибаясь боком, мимо толпы.

Как сумел этот старый, больной человек спрятать от всех в тяжёлые, страшные годы войны жеребца и этим самым спасти его, навсегда останется тайной. Очень повезло конюху, который из любви к лошадям пошёл на государственное преступление. Не отправили его за совершённый проступок в места отдалённые только потому, что большим любителем и знатоком лошадей был военный, который выглядел постарше. Да и чин, очевидно, тоже имел он немалый. Только это случайное совпадение и спасло старого конюха от тюрьмы.

Молодому, видно, не понравился такой непредусмотренный расклад дела. Он был уверен в том, что на автомобиле они в любом случае обгонят дряхлую колхозную клячу, а теперь удача могла выбрать себе и другого фаворита. Уж больно крепко рвался жеребчик из поводьев. Молодой военный тронул водителя за плечо, давая понять, чтобы тот не трогал автомобиль с места и собрался приоткрыть боковую дверку.

Молчавший до сих пор старший военный властно остановил молодого. Затем он тяжело выбрался из автомобиля. Подошёл, сильно хромя, к всаднику. Посвежели выглядевшие до сих пор очень грустными глаза пожилого человека. Ожили так, будто судьба только что вручила ему драгоценный подарок. Обошёл он жеребца вкруговую и тихо покачивал при этом головой, не веря своим собственным глазам. Великолепный экземпляр орловских рысаков стоял перед ним, и где – в отдалённой глухой азиатской деревне! Немногословен, очевидно, был этот человек. Молча подошёл он и ласково сжав пальцами колено старика-немца, тихо проговорил: «Спасибо». Затем сделал одобряюще-разрешающий жест.

Жеребец рвал тяжёлыми, мощными копытами придорожную траву спорыш. Чётко видимый след вырванной земли, которая была ещё рыхлой и чёрной после недавно прошедшего дождя, тянулась ему вслед. Далеко позади остался автомобиль с военными.

Приехал через некоторое время пожилой военный снова в далёкий колхоз. Ни с кем не разговаривая, прошёл в старую колхозную конюшню. О чём так долго говорили два любителя лошадей, конечно, никто так и не узнал, но, очевидно, что поняли они друг друга.

Через пару месяцев после повторного приезда высокого гостя в деревню дядя Фаст сам лично отвёл жеребца до ближайшей железнодорожной станции. Вместе вошли в вагон, и поезд увёз их обоих далеко на запад. Немало прошло времени, пока старый конюх снова вернулся в свою деревню. На все расспросы он отвечал односложно, но одно всё же выяснили односельчане: Вольту неплохо живётся на новом месте. В надёжные руки попал жеребец, и будет давать хорошее потомство.

Лишь пожилому военному полностью исповедовался старик-конюх, и не потому, что боялся его. Нет. Просто родственную душу узнал он в нём и понял, что для жеребца, действительно, будет лучше, если он попадёт на родину своих предков.

Несложной оказалась история жеребца Вольта. Недалеко от центральной усадьбы колхоза, примерно в десяти километрах, случилась авария на железной дороге. Обломалась ось на одном из крытых вагонов, в которых везли племенных высокопородистых лошадей. Один из приехавших оттуда

пареньков рассказал о происшедшем. На вечерней разрядке, которая проходила в колхозной конюшне, все стали расспрашивать паренька о подробностях. Он сказал, что увидеть ему ничего не удалось, но он слышал с места катастрофы громкое конское ржание. Словно пружиной, подняло конюха. Какой-то непреодолимый зов почувствовал человек, который всю свою жизнь только тем и занимался, что работал с лошадьми. Недолго думая, оседлал он первую попавшуюся колхозную лошадь и помчался к железной дороге.

Вокруг изломанных вагонов ещё не было выставлено оцепление. Но несколько военных, очевидно, охрана эшелона, с револьверами в руках выполняли не очень приятную работу. Они достреливали покалеченных лошадей. Умоляюще протянул старый конюх свои мозолистые руки к человеку, уже поднесшему было дуло револьвера к уху кобылы, у которой были сломаны обе передние ноги. Молча кивнув головой и обойдя кобылу стороной, военный продолжил свою неблагодарную миссию. Не увидел военный того, что увидел опытный лошадиник. Несла она прямо среди обломков вагонов и трупов лошадей на свет новое живое существо, которое назвал потом конюх за его неудержимую энергию Вольтом. Не разобрался старый человек в электрической энергии, но для него слово «вольт» было знаком высшей похвалы.

Где на руках, а где и на поводу протащил старик жеребёнка до своей деревни. Лошадь, на которой он приехал, напуганная выстрелами, оборвала путы и умчалась напрямик домой, оставив своего седока у железнодорожной насыпи.

Не зря был спасён жеребёнок. Потомки жеребца Вольта много лет после войны брали лучшие призы во всём мире. Не одну награду получили люди, даже не подозревавшие о существовании старого конюха, который, рискуя своей собственной жизнью, спас такое сокровище. Выкормил дядя Фаст Вольта, как родного ребёнка, а награды за этот подвиг получили, как всегда, другие.

Ради простой, человеческой справедливости в родословной жеребца Вольта нужно было бы сделать запись: «Спасён простым, но настоящим Человеком и большим любителем лошадей».

Даже своему новому приятелю не раскрыл своего секрета дядя Фаст. Когда обиженный Анатолий попробовал было выговорить старику за его недоверие, тот, глядя другу в глаза и улыбаясь при этом, сказал: «Ты, мой любезный, тоже не все свои тайны доверяешь мне, так почему я должен тебе исповедоваться? Пожалуй, для нас обоих будет лучше, если мы не будем знать слишком много». Затем, по-дружески похлопав приятеля по негнущемуся колену, многозначительно добавил: «Меньше будем знать и спрашивать – лучше будем спать».

Понял новоиспеченный грек намёк старика с полуслова и больше на такие щекотливые темы разговоров не заводил. Причём дружба после такой странной беседы стала только крепче. Много лет помогали они друг другу, поддерживая и в беде, и в радости.

Мало было пастбищ в тех полупустынных местах. Угоняли на лето колхозный скот повыше в горы на джайляу. Так уж получилось, что попал опять Анатолий в родную стихию, в горы, и остался здесь до самой смерти.

Дети выросли в горах здоровыми и сильными. В школе, начиная с первого класса, обучались в городском интернате, который находился в нескольких десятках километров от заимки. Все каникулы проводили сын и дочь у родителей, помогая им в уходе за скотом. А став взрослыми, устроили свою жизнь уже по-своему. Не захотели они жить отшельниками в горах. Остались в городе. Старший сын, женатый на гречанке, собрался в один прекрасный день

и укатил вместе с многочисленной роднёй жены в Грецию. Немного погодя, собралась в путь и уехала в Германию меньшая любимая дочь, которая была замужем за немцем. Одни остались Анатолий со своей женой. Не поддался упрямый человек на уговоры детей, которые хотели забрать его с собой, в далёкую за границу. Уверен он был в своей обеспеченной старости. Немалый денежный вклад собрали они с женой за многие годы на своём счету, который был открыт на имя жены в городской сберегательной кассе.

Но неласково обошлась судьба на этот раз с Анатолием Смоляром. Поползли по округе слухи о возможной новой денежной реформе. Переговорил с женой и решили они купить небольшой автомобиль-вездеход. Денег должно было хватить с лихвой и даже ещё остаться на чёрный день.

Как у разбитого корыта стояли два враз постаревших человека у окошечка сберегательной кассы, когда кассирша громогласно объявила им, что даже и на запасное колесо не хватит у них денег, не то что на автомобиль.

Не интересовался Анатолий политикой. Занимался своим привычным делом и считал все слухи лишь пустым брехом. А здесь, прямо у кассового окошка, ударила его и жену современная действительность настолько злобно и неожиданно, что не выдержало бедное сердечко старушки.

Хоронить жену пришлось на городском кладбище. На похороны ушли все сбережения без остатка, даже призанять ещё пришлось денег, чтобы похоронить можно было по-человечески.

Съездил убитый горем мужчина на свою дальнюю заимку. Распродал почти весь скот. Лишь собаку да корову отвёл на соседнюю заимку, предварительно договорившись с чабаном о том, что тот позаботится некоторое время о животных. Затем спустился с гор, чтобы осмотреться и решить вопрос, как и где жить дальше.

Целый месяц провёл вдовец в городе, удивляясь многочисленным изменениям, происшедшим в последнее время в жизни народа. Побывал у многих своих друзей и приятелей. Везде встречал одно и то же: безнадежность и разочарование, недовольство и злобу.

Множество вопросов задавал себе Анатолий Смоляр, гуляя по улицам города и присматриваясь к незнакомой теперь для него жизни.

Как могло такое случиться, что в стране, где все уже имели свой угол и кусок хлеба, вдруг большинство народу стало жить впроголодь?

Как могло такое случиться, что империя, в которой уже много лет не было войны, вдруг распалась на многочисленные княжества, где каждый стал, как говорят в народе, по-своему сходить с ума?

Как могло такое случиться, что вдруг опять тысячи и даже миллионы людей снялись с уже неплохо обжитых мест и полетели снова по миру, словно бездомные перелётные птицы?

Как могло такое случиться, что рядом с многоцветным жестяным потоком дорогих иностранных автомобилей на обочинах дорог встали мальчики и девочки, торгующие собой за кусок хлеба?

Не находил ответа на свои вопросы далёкий от политики простой человек Анатолий Смоляр, и от этого мучился невыносимо, и не было ему покоя ни днём, ни ночью. Последний, решающий удар по нервам и душе приготовила судьба одинокому мужчине в доме давнего приятеля.

Приехала из далёкой северной провинции навестить своего престарелого отца молодая женщина. Случайно оказался именно в это время и Анатолий в доме. Пришёл он навестить друга, с которым был знаком с давних пор.

Окончательно добила его история простого деревенского мальчика, которую рассказала дочь друга. Этой трагической человеческой истории не вынесла душа старика.

Схватился он во время рассказа обеими руками за столешницу, а скупые слёзы капали прямо с его носа на выдавшие виды поношенные штаны...

Потерял во время войны всех своих родственников и родину Анатолий Смоляр, но спокойно, мужественно и без видимых слёз принял этот удар судьбы мужчина.

Потерял Анатолий Смоляр детей, уехали они в дальние страны, но спокойно, мужественно и без видимых слёз принял этот удар судьбы мужчина.

Потерял в один миг весь, накопленный за всю жизнь, капитал Анатолий Смоляр – спокойно, мужественно и без видимых слёз принял этот удар судьбы мужчина.

Скоропостижно, прямо на глазах у Анатолия Смоляра умерла его жена, с которой он прожил почти полвека – спокойно, мужественно и без видимых слёз принял этот удар судьбы мужчина.

А рассказ об умирающем от голода мальчике не смог он принять без слёз...

Вот он, этот рассказ женщины:

«Поехала я как-то проведать свою подружку-учительницу, которая была мне не только подругой, но и родственницей – сестрой моего мужа. Жила она в сотне километров от города. Та попросила нас свозить её в соседнюю деревушку к ученику, который уже пару недель не показывался в школе. По дороге моя подруга рассказала нам с мужем очень грустную историю из школьной жизни:

«Как-то одна из девочек беспокойно вела себя на уроке. Всё время вертелась и вообще была беспокойной. Поминутно запускала руку в карман платица и отвлекала меня от темы. Я потребовала у девочки, чтобы та высыпала содержимое своего кармана мне на стол, думая, что она балуется семечками. Я была потом сама не рада своей затее. У меня на столе оказалась маленькая пригоршня жареной пшеницы. Понимаешь... жареной... на плите жареной пшеницы. Это был, очевидно, весь завтрак бедняги, а я, её учительница, ещё и выставила девчушку на смех. Ты можешь понять мое состояние в этот момент? Я готова была провалиться сквозь землю, и не за девочку, конечно, у которой нечего было есть, мне было стыдно, а за нас, взрослых людей, которые допустили такое»...

Немного успокоившись, моя подруга-учительница поведала нам о том, что жизнь в селе очень сильно изменилась и, к сожалению, не в лучшую сторону.

Почти все живут теперь не только не в роскоши, а скорее – нищенски. Большинство предприятий закрылось. Заработков не стало. Каждый перебивается, чем может. Даже учителям их мизерную зарплату задерживают месяцами, а что уж говорить об остальных жителях отдалённой от всех центров деревни. Почту привозят два раза в неделю, а кино вообще никогда не бывает...

Не смогла мне конкретно объяснить свою тревогу за мальчишку моя подруга сельская – учительница и в расстроенных чувствах перевела разговор на другую тему. Но не ошиблась она в своих подозрениях. То, что мы увидели в доме, выбило меня из нормального состояния надолго.

Двор удивил своим запустением и дикостью. Мой муж остался в автомобиле, а мы с подругой зашли в дом. То, что мы увидели, нужно бы во всём цивилизованном мире показывать по телевизору и трубить об этом во всевозможные трубы и громкоговорители.

Совершенно пусто было в доме. Даже занавески с окон были, очевидно, проданы за кусок хлеба. На постели лежала бледная исхудавшая женщина.

Мальчик, с тревогой глядя на свою учительницу, поднялся нам навстречу с пристенной лавки, на которой он, наверно, лежал до нашего прихода.

Моя подруга подошла к лежащей женщине и взяла её за руку, та медленно открыла глаза и молча посмотрела на нас.

Не нужно было быть большим знатоком для того, чтобы определить, что женщина умирает от истощения. Моя подруга кинулась к двери. Вдвоём с моим мужем они унесли совершенно ослабевшую женщину в автомашину.

Вернувшись назад со свёртком, в котором была кое-какая еда, моя подруга попросила меня присмотреть за мальчишкой, а сама с моим мужем повезла женщину в ближайшую больницу.

Пока они отсутствовали, я попыталась угостить мальчика, но он как-то не очень охотно принял нехитрое угощение.

«Совсем одичал мальчишка», – подумала я про себя, а причина была в другом. Понемногу я всё же разговорила его, и вот что он мне рассказал:

– Ваня, ты покушал? – этот вопрос мама задавала мне каждый день. Я, как всегда, отвечал утвердительно.

– Не обманывай меня, я же вижу, что ты говоришь неправду.

Слабый голос мамы каждый раз дрожал от волнения. Мне приходилось, чтобы она не волновалась, съесть ватрушку, которую она мне клала на тарелочку.

Я спрашивал у неё, ела ли она что-нибудь. Она, улыбаясь, отвечала: «Конечно. Разве можно приготовить еду, не попробовав? Я пробую всегда так много, что наедаюсь досыта».

И я верил ей. Кушать я хотел всегда. Одной ватрушки мне, конечно, было мало. В последнее время, чтобы не пугать маму, я готовил себе иногда глиняные шарики, обмакивал их в муку и подпекал на плите. На виду у мамы я этого не делал никогда, а только тогда, когда она лежала в постели. При ней я только съедал такой шарик, предварительно объяснив ей, что наскрёб муки и сухарей в кладовке...»

Во время рассказа мальчика я с трудом удержалась от слёз, но самое страшное ещё ждало меня впереди.

Вскоре приехали муж с подругой. Подруга, коротко переговорив с мальчиком и обняв его за плечи, сказала, что она отвезёт своего ученика к себе домой и покормит чем-нибудь горячим. Я сказала, что лучше побуду ещё в этом доме и немного приберусь. Что меня натолкнуло на такую мысль, я по сегодняшний день не знаю, но какой-то внутренний зов приказал мне остаться одной в доме, где тихо, без крика и истерики умирали с голоду люди. Когда стихли шаги подруги и мальчика, я присела к столику, на котором в беспорядке лежали ученические тетради и учебники. Полистала тетради. Чистый аккуратный почерк. Немного отдельно от общей кучки тетрадей лежала своеобразная самодельная книжица. Я взяла её в руки. Открыла, и у меня перехватило дыхание. Строки, которые открылись моему взору, до сегодняшнего дня стоят перед моими глазами...»

Женщина замолчала, уставившись в пол, а затем осевшим голосом продолжила своё повествование:

«Дневником, и не дневником даже, а страшным, обличающим документом оказалась книжонка, которая безмолвно лежала на столе.

«Вчера мама очень поздно пришла с работы. Объяснила это тем, что было много работы. Принесла целую булку свежего хлеба. Пировали до ночи. Мама рассказала очень смешную историю про своего начальника. Смеялись до упаду.

Сегодня мама пришла раньше. Сказала, что очень устала. Сразу легла. Полбатона, который мама принесла, я смолол за раз. Мама кушать отказалась. Только попросила принести ей горячей, кипячёной воды.

Мама пришла очень сердитая. Выговорила мне за плохие оценки. Подогретую картошку есть отказалась. Сказала, что её мутит от одного запаха.

Сегодня мама на работу не пошла, сказала, что приболела. Она целый день пролежала в постели. Вечером ничего не ели, потому что нечего было.

Сегодня...

Вчера...

Сегодня...

Вчера...

И так на многих страницах подряд ровным ученическим почерком...»

Слёзы катились из глаз женщины, а она даже не замечала этого.

«Я не могла поверить в то, что прямо на глазах у сотен людей можно в наш век умереть с голоду. Что есть такие люди, которые не идут с протянутой рукой на улицу; что есть люди, которые не идут воровать, предпочитая голодную смерть человеческому унижению. Я часто задавала себе вопрос: не умнее ли нас с вами, земные люди, наша кормилица-земля? Ведь вопреки науке и всем нашим понятиям, мальчик не умер с голоду, как его мать, именно потому, что он ел кусочки нашей родной земли, пусть и подогретой на сковородке...»

Не выдержали нервы у Анатолия Смоляра. Плакал он, сидя за столом, и непонятно было, отчего. Добил ли его рассказ женщины о глиняных шариках, которые ел умирающий с голода мальчишка, или же все удары судьбы в один раз обрушились на его оголённую душу?

Уехал он вскоре на свою горную заимку и поклялся больше никогда не спускаться в этот сумасшедший человеческий мир. Он решил жить отшельником, как когда-то это делали люди, которые не были согласны с бесчинством, творимым на нашей многострадальной земле.

Свою клятву Анатолий Смоляр, человек, который прожил сложную жизнь, сдержал. Он ни разу больше не спустился с гор к людям. Так и умер в одиночестве и забвении, не приняв новой жизни.

13 глава. Елена и Ирина

Как в народе говорят про детей, которые порядком старше меньших? Таких – зовут няньками. Меньшеньких же – ляльками.

В семье Добрштайнов после долгого перерыва один за другим появилось трое ребятишек-лялек: сначала домоседка Елена и боевитая Ирина, а потом молчун Оскар. Елена и Ирина были близнецами, и разница в возрасте составляла считанные минуты. Разница между девочками и Оскаром составляла чуть более года. Дети росли здоровыми, и больших забот родители с ними не знали. Няньками были Эвальд и Стефания. Старшим из детей был Эвальд, на его плечах лежала забота о дворе и огороде. Стефания же, которая была немного моложе своего сводного брата, занималась, в основном, домашним хозяйством и меньшими детьми.

Леночка росла спокойной и покладистой. Любила играть в куклы и такие игры, где не нужно было много бегать и двигаться. В отличие от непоседливой сестрѐнки-двойняшки её редко можно было увидеть на улице среди ребят. Если и играла она где-нибудь во дворе, то только в стайке таких же, как и она, девчушек. Могла и сама проиграть целый день, не выходя из дома, со своими любимыми игрушками. Бормотала себе что-нибудь под нос, играя с куклами, или напевала вполголоса какую-нибудь песенку, мастера для них из старого тряпья пелѐнки и распашонки. Чем-то очень походила она на свою мать. Такая же уравновешенная и расчѐтливая. Любила учить и поучать своих менее догадливых подружек. Леночка рано научилась читать и писать, и никто не принуждал её к этому. Поглядывая на маму, которая часто длинными вечерами готовилась к новым занятиям в школе, садилась рядышком на табурет и засыпала ту вопросами. Так, как бы между прочим, без всякой натуги, обучилась Лена грамоте ещё задолго до школы. И с тех пор, как стала читать, не давала она уже больше покою маме. Приходилось той чуть ли не каждый день приносить из школы домой детские книжки. И не просто книжки требовала маленькая читательница, а обязательно с картинками. Леночка могла часами сидеть неподвижно над раскрытой книжкой с широко раскрытыми глазами, но не в книгу смотрела она зачастую, а в стену. Прочитав, очевидно, что-то интересное, продолжение придумывала уже сама. Рассказывала она потом своим подружкам истории, которых не было ни в одной книжке. Только головой покачивала иногда мама, прислушиваясь к разговору детишек и удивляясь богатой фантазии своей дочки. Ведь наизусть знала учительница все книги, которые приносила домой. Ни в одной из них не было историй, которые с мельчайшими подробностями рассказывала своей сестрѐнке и брату маленькая выдумщица.

Ира же никогда не была спокойным ребёнком. Лишь до года с ней не знали горя, а после того, как встала на ноги, доставляла она хлопот всем, а особенно присматривающим за ней Эвальду и Стефании. Те, когда родителей не было дома, а им нужно было сбегать куда-нибудь по своим делам, даже умудрялись привязывать свою не в меру живую меньшую сестрѐнку на верѐвочку, словно собачку, к ножке стола или кровати. Не было с ней иначе никакого сладу.

В один день родились сестрѐнки, но разными по характеру были они, несмотря на общепринятое мнение о том, что близнецы всегда схожи. Внешнее сходство, конечно, у них было, но и только. Два разных полюса были они во всѐм, вплоть до мелочей. Однако закон физики гласит: плюс и минус притягиваются. Точно

так же было и у сестёр. Несмотря на разность характеров, они мирно уживались друг с другом. Леночка, которая родилась первой, вроде бы во всем уступала своей более боевой сестрёнке Ире, но в конечном итоге всё всегда выходило именно так, как хотела она. Характером настоящего хитрого политика или умного дипломата обладала Лена и, что самое главное, умела этой своей особенностью хорошо пользоваться. Причём, даже будучи уже взрослой женщиной, не потеряла она своего дара. Могла очень увлекательно и много говорить и при этом не сказать ничего конкретного или важного. Необычный дар был у Лены увлекать за собой людей и убеждать в том, во что верила сама.

Росли дети в семье Добрштайнов, как и все дети на земле. Радовали, но и огорчали иногда своих родителей. И больше всего хлопот было с Ирочкой.

Непоседа по натуре, она и уличную кличку получила соответствующую. Иначе, как Пиратка, её никто из всей местной ребятни и не называл. Даже головной платочек, который по велению мамы обязана была носить, она вязала со лба на затылок, а не как все нормальные девочки под подбородок. Может, по этой причине и получила столь странное для девчонки прозвище, но оправдывала она его полностью. Рубилась на деревянных саблях не хуже задиристых мальчишек, а в беге ей вообще не было равных на всей городской окраине. Поцарапанные колени, синяк под глазом, обломанный под корень ноготь и многое другое было для Иры в порядке вещей. Конечно, всех шкодливых проделок этой боевой девчонки не перечислить. Но некоторые из них как бы выходили за рамки простеньких шуток. Их просто нельзя не рассказать, чтобы представить себе Иру в жизни.

Не было ещё в то время стиральных машин. Женщинам приходилось стирать в руках, и тот, кто хотя бы один раз в жизни выстирал своими руками замазученные и закопчённые штаны или что-либо подобное, очень хорошо знает, что это такое. В семье Добрштайнов стирки хватало всегда. Как-никак в доме пятеро детей и двое взрослых. В дни стирки работы по дому хватало всем. Эвальд возил воду из дальнего родника. Меньшие поддерживали огонь в печи, на которую ставился огромный чугунный котёл. Стефания с матерью по очереди стирали и полоскали.

Как-то в один из таких дней генеральной стирки, когда чистое бельё уже было развешено во дворе на верёвках, мать с двумя старшими детьми отправилась в город за покупками. Малышам было строго-настрого наказано следить за домом и особенно за подсыхающим бельём. В случае непогоды они должны были собрать всё с верёвок и занести в дом.

Но дети есть дети. Увлеклись игрой в прятки на соседней улице и не заметили беды. И как назло именно в это время запустил сосед свой «паровоз». Во всей округе, все без исключения, паровозом называли баню соседей, живущих рядом с Добрштайнами. Где-то на железной дороге работал мастеровитый и вороватый сосед. Добывал он себе, без всякой оплаты, естественно, мазут в огромном количестве. Топил свою баню этим отвратительнейшим материалом. Летали в банные дни по воздуху хлопья сажи размером с большого шмеля. Не живыми были эти шмели и не жужжали, но были гораздо хуже настоящих крылатых бандитов.

Шлейф таких беззвучных шмелей, подхваченный ветерком, потянулся через двор Добрштайнов, и всё развешенное бельё мгновенно приняло оригинальную крапчатую окраску.

Переругалась в тот день мать с соседями в пух и прах, но перестирывать всё бельё пришлось самим. Детям, конечно, тоже влетело за недосмотр. Глубокую

обиду затаила проказница Ира на соседа и очень умно и оригинально свела с ним счёты. Выждала хитрая девчонка, пока всё успокоится и забудется, а когда сердитые разговоры прекратились, совершила свой акт возмездия.

Выбрала день, когда сосед опять запустил свой «паровоз». Дождалась, когда он со своей женой и дубовым веником отправился погреть косточки в баню. Не надо было далеко бежать девчонке. Глухая стена соседской бани вплотную соприкасалась с задней стеной сарайчика, в котором Добрштайны хранили топку и различный инвентарь. Лёгкими деревянными вилами прямо с крыши своего сарайчика забросила она мёртвую ворону прямо в печную трубу.

Всё предусмотрела маленькая мстительница. Даже ворону, которую днём раньше убил из своего арбалета Оскар, спрятала за сараем. Никто не заметил её короткого отсутствия в доме, но зато все слышали страшные крики, несущиеся с соседского двора.

Эту картину надо было видеть. Голый, весь в саже, чёрный, как негр, и злой, как дракон, носился сосед, матерясь на чём свет стоит, по своему двору с ведром. Бочка с дождевой водой стояла у угла дома. Оттуда и носил он воду, пытаясь укротить свою сбесившуюся банную печь. Но попробуй погаси горящий нефтяной продукт простой водой! Дверь баньки была настежь открыта и из неё, словно из кратера вулкана, неслись дым, сажа и искры вперемешку.

На шум сбежались все соседи. Помогли затушить пожар. И не пожар это был, а так, ложная тревога. Ничего не сгорело в бане, кроме одной деревянной лавки, которая стояла в предбаннике. Но все внутренние стены бани покрылись толстым слоем жирной сажи.

Самое же интересное было то, что никто и не заподозрил здесь диверсии. Все решили, что глупая ворона решила погреться на трубе, но не рассчитала своих движений. Потом, уже упав в трубу, не смогла выпрямить крылья и своим телом полностью перекрыла дымоход. А что ворона была уже мертва в тот момент, когда попала в такую чёрную переделку, конечно, никто не узнал. Не проводить же лабораторное обследование для выяснения истины.

Лишь меньший брат Оскар на следующий день многозначительно подмигнул своей шкодливой сестрёнке. Собирался он из серой «охотницы» за маленькими цыплятами сделать чучело, чтобы отпугивать от подсолнухов настырных воробьёв и скворцов, но не нашёл свой трофей там, где оставил. Сообразил смыслённый малец, откуда вдруг поздно вечером прилетела на соседский двор ворона, и кто помог ей так точно приземлиться в трубу «паровоза». Так и осталось это тайной двух детей. Лишь много лет спустя, когда один из них упомянул в разговоре об этом спонтанно проведённом воспитательном мероприятии, громко рассмеялись оба.

Был и ещё один не менее интересный случай, когда Ира по-своему свела счёты со своим обидчиком. Только закончилось здесь всё совсем иначе. Не догадалась она выбросить улики из своего кармана. Нашла мать злополучный железный штырь от тележной оси в кармане Иры, и пришлось ей на виду у всех каяться в своих грехах.

Приехал как-то в гости к Добрштайнам дальний родственник отца. Поставил он повозку во дворе, а лошадь завёл под навес. За ужином пошутил приехавший гость над Ирочкиными синяками, мол, кто же возьмёт замуж такую замарашку и забияку? Не понравился гость девчонке, а особенно его высказывания насчёт её внешнего вида и замужества. Беззлобно пошутил старый мужчина, но ребёнок принял все всерьёз и сразу же подумал о конкретных контрмерах. Сходив до ветру, вынула Ира из задней оси телеги

штырь, который крепит колесо, но выбрасывать такое добро не стала. Сунула, недолго думая, в свой карман. На этом и попалась.

Неудачно для Ирочки закончилась на этот раз её проказа. Рассчитывала она на то, что повозка потеряет колесо где-нибудь далеко от дома, а не во дворе Добрштайнов. Но всё случилось иначе. Повозка, стоявшая на заднем дворе, тронулась с места, а потом, на виду у всей семьи, сразу же началась большая комедия. Колесо разворачивающейся телеги соскользнуло с оси и сходу налетело на большое железное корыто, прислонённое к забору. Грохот раздался такой, будто гром загремел. Перепуганная шумом лошадь закусила удила и попёрла, словно трактор, прямо на летнюю свиную клетку. Огромную телегу понесло боком на сложенную во дворе печь и разворотило её до фундамента.

Смех и грех. Досталось бы опять на орехи маленькой мстительнице, но неожиданно для всех присутствующих приехавший из далёкой деревни гость заступился за Иру. Сказал, что Добрштайнам печь и так уже давно нужно было бы переложить. Хозяйка, которую, действительно, печь доводила иногда до белого каления, даже обрадовалась. Хорошего печника найти не так-то просто, а хлеб печь для семьи нужно каждую неделю. Распряг приезжий свою лошадь по новой. Завёл её, перепуганную, от греха подальше под навес. Хором, все вместе, загнали и свиней в наспех отремонтированную клетку.

Старик-немец, дальний родственник Мертина Добрштайна, был прекрасным печником. Сложил он во дворе новую печь, которая оказалась намного лучше старой. Причём настолько дружеские отношения сложились у Ирочки с чужим пожилым мужчиной за несколько дней, которые провёл он в доме Добрштайнов, что она даже вслух расплакалась при прощании. Удивлённо смотрели на плачущую девочку все родные. Что-что, а слёзы были для неё большой редкостью. Почувствовала, наверное, какая добрая душа у этого старика, и потянулась к нему всем детским сердцем.

Никто из них не знал и, конечно, знать не мог, что спасёт вскоре этот мужчина жизнь девчушек-близняшек. Накроет он их обоих в страшную минуту своим большим телом. Многочисленные жала осколков превратят его спину в кровавое месиво, но зато девочек не коснётся ни один из разлетающихся во все стороны ошмётков горячего металла...

Так и жила семья Добрштайнов, как и многие другие семьи. Большого достатка не было, но и голода тоже не знали.

Война изломала всё в короткое время. Родителей, а вместе с ними и родной дом, в один миг превратила в пыль и грязь германская бомба.

Но мир не без добрых людей. Забрала Лену, Иру и Оскара, так страшно и неожиданно ставших сиротами и бездомными, Мария Смоляр, жена старшего брата Эвальда, к себе домой.

Недолго удалось им прожить вместе. Не вернулась Мария в один из несчастных дней обратно в горное убежище, где они прятались от недобрых людей. Схватили её злые нелюди. Потерялась она надолго. Остались дети опять одни.

Пережили четыре живых существа, три ребёнка – Елена, Ирина, Оскар Добрштайны – и коза Дама страшную, голодную и холодную зиму. Весной стало всё же полегче. Не нужно было больше добывать топливо и долбить мёрзлую землю, промышляя съестное. Зато пришла новая беда. Снова стал погромыхивать всё ближе и ближе фронт. Появились как-то во дворе Смоляров чужие люди с повязками на руках. Попрятались перепуганные дети, кто

куда. Но узнала Ира голос давнего гостя немца-печника. Выбралась из своего укрытия и сестру с братом позвала к себе.

Быстро связал старик в узелочки, что придётся, а двое пожилых мужчин, приехавших вместе с ним, торопливо помогли ему. Каждый из верховых взял к себе на лошадь по одному ребёнку, и началась длинная детская одиссея, которая для некоторых из них длилась больше года. Осталась коза Дама во дворе одна. Невозможно было взять одичавшее животное на верёвку или забрать на лошадь.

Судьба... Странная игра судьбы. Попал в один из организованных германцами обозов для беженцев-немцев и родственник-печник. Недалеко от окраины города, где жила семья Добрштайнов, пролегал путь откочёвывающих. Упросил начальника обоза старик. Разрешили ему и ещё двоим быстренько смотаться верхом к городу и узнать о судьбе родственников. На счастье, попалась навстречу верховым пережившая ту страшную бомбёжку женщина, которая и дальше продолжала жить в развалинах. Объяснила она, где найти чудом выживших детей.

Поначалу даже интересно было детям ехать в повозке. Жена родственника, добрая сердечная бабушка, угощала детей из своих скромных запасов и ухаживала за ними, словно за родными. Вывела как-то петлявшая по посёлочкам и полям дорога на высокий берег реки. Чудесная панорама открылась глазам детей. Как на ладони, лежало перед ними огромное открытое пространство. Вдали, словно в тумане, от одного берега реки до другого, горбатой выгнутой дугой виднелся мост. Старик, показав прутиком, которым он подгонял уставших лошадей, на гигантское сооружение, виднеющееся вдали, сказал, что там они пересекут большую многоводную реку.

Повезло вначале обозу. Без долгих проволочек пропустила его военная охрана через длиннющий и высоченный мост. Также без больших помех, организованно, по две повозки в ряд, быстро переехали большую реку. Для детей это событие оказалось незабываемым. С такой огромной высоты они ещё никогда не смотрели на воду. С большим интересом поглядывали с телеги по сторонам, и им казалось при этом, что летят они над водой, парят в воздухе, словно чайки над водой, так быстро неслись под ними речные волны.

Ровной струйкой, телега к телеге, катились обозы на запад. Какой только народ не ехал здесь. Вперемешку с военными было много и гражданского населения. Кто-то где-то что-то придумал и издал приказ. Неслись теперь в неизвестность, а зачастую и прямо в объятия смерти, сорванные с насиженных мест люди. Проезжали им навстречу иногда юркие автомобили. Или, пугая всех встречных страшным рёвом и грохотом, позли огромные танки. Дрожал под ними бедный мост, и непонятно было от чего: от страха ли перед этими чудовищами или от бессильной ярости, что не может он сбросить с себя эти звероподобные машины, предназначенные для уничтожения людей.

Но всё же не удалось обозу, в котором ехала и телега с детьми-сиротами семьи Добрштайн, ускользнуть без тяжёлых потерь с этого опасного места. Не проехали ещё телеги обоза высокую насыпь, которой заканчивался мост, до конца, как в воздухе появились самолёты. Завыли сирены. Захлопали со всех сторон пушки. Беда повисла над сотнями людей. Очевидно, основной целью был всё же мост, но бомбы достали и берег. Весь порядок был нарушен в одно мгновение. Вскачь неслись лошади и люди вперемешку.

Старик, видя, что впереди дорогу перегородило огромным шаром из земли и камня высотой с многоэтажный дом, рванул лошадей с насыпи. Кубарем покатались вниз. Удержались лошади вначале на ногах, но не выдержала

телега. Разъехалась на части. Передняя ось с упряжью и лошадьми покатила дальше, а задняя часть телеги стала юзом сползать по наклону. Уже почти на дне боковой канавы остатки телеги опрокинулись набок, разбрасывая своих пассажиров во все стороны, словно горох. Подполз старик к девчушкам на руках. Переломаны были, видно, у него ноги или, может быть, даже спина. Сдвинул старик обеих в одну кучку и прикрыл своим телом, словно щитом.

Неподалеку от них вырос очередной земляной шар и накрыл спину старика песком, землёй и гравием, но металл был быстрее. Местами почти насквозь прошли ещё горячие металлические куски очередной взорвавшейся бомбы тело старика.

Пережили девочки страшную бомбёжку, но надолго потеряли меньшего брата Оскара. Погиб возле проклятого моста и старик-родственник. Нашла их через некоторое время бабушка. И понесла судьба дальше двух сестрёнок по кочкам и рытвинам, по несладкой сиротской жизни. Снова увидеться с Оскаром удастся им лишь через много лет...

Недалеко ушли от этих страшных мест чудом уцелевшие девочки и бабушка. Стала старушка всё чаще хвататься за бок и садиться в придорожную траву для отдыха. А в очередной раз не смогла больше подняться с земли. Долго просидели девочки возле застывшей с открытыми глазами бабули.

Заметили их с обоза несколько женщин с белыми повязками, на которых были хорошо видны красные кресты. Молча подхватили женщины девчушек на руки и подбросили на первую попавшую телегу. Понесла судьба детей на тележных деревянных колесах дальше в неизвестность. Сколько ни вертели девочки головами, поглядывая с высокой телеги по сторонам, но своего братика Осика так и не пришлось им больше увидеть. А совсем рядом был он в это время. Всего в десятке телег перед ними сидел он в куче таких же детей.

Разделили поток беженцев в одном из следующих посёлков на две части. Попал Оскар со своими попутчиками в один распределительный пункт, а его сёстры – в другой, и понесло их в разные стороны. Сбежал мальчишка, привыкший к самостоятельности и самодеятельности из детского распределителя, но домой, конечно, не добрался. Приютила его, уже окончательно одичавшего, сердобольная старушка, которая жила одна в старом заброшенном колхозном телятнике. Так и прожили они вместе всю войну, питаясь, чем придётся.

А девочек повезли дальше на запад, не спросив их желания. Некогда было в те времена взрослым людям много разговаривать с детьми-беженцами и тем более уговаривать их. Мчался обоз всё дальше от надвигающегося фронта, и это было главное.

Сдали сердобольные, но уставшие до невозможности женщины, девочек таким же женщинам с повязками на рукавах на одном из следующих пересыльных пунктов. Загрузили их, не медля ни часа, в поезд.

Вагон, в который попали Лена и Ира, был битком набит такой же детворой, как и они. Получше, правда, стало в поезде, чем на телеге. Еду стали давать несколько раз в день и даже чирьи, которыми покрылась Леночка от пяток до самой шеи, обработала какая-то женщина ужасно воняющей мазью. В основном все женщины в поезде говорили по-немецки. Лишь одна из них говорила по-русски. Эта полноватая женщина больше всех заботилась о Леночке и Ирочке. Часто поправляя на ходу белую повязку, на которой красивыми шёлковыми нитками был вышит большой красный крест, неутомимо хлопотала она всё время по вагону, и непонятно было, когда она

вообще отдыхала. Когда бы девочки ни открывали глаза, эта женщина всё время была на ногах.

Не знали дети, что всего несколько недель назад, прямо на глазах этой бедной женщины, погибла вся её семья. Одной слепой бомбы хватило на всех. Из большой многодетной семьи выжила она одна, и то только потому, что пошла на поле с коровой-кормилицей. Оглянулась назад на страшный грохот, а на месте своей усадьбы увидела высокий столб из земли и дыма.

И умерла у этой женщины душа вместе с её семьёй. Ничего уже не нужно было ей лично, и, как своего собственного ребёнка, принимала она каждую сироту. И не только ради детей делала она это. Нет. Ей и самой, как воздух, необходима была эта нечеловеческая физическая нагрузка для того, чтобы забыться, чтобы не стояли перед глазами всё время ужасные видения, которые мучили её и наяву, и во сне. Стоило женщине лишь на минуту прикрыть глаза, как сразу же перед ней возникала страшная многоцветная картина, которую она застала у себя во дворе после обстрела.

...Не знали девочки, куда их везут. Рады были, что о них заботятся и что не летят в них больше страшные воюющие, словно волки, бомбы. Те бомбы, которые уже убили дедушку и бабушку, которые, наверное, убили и их братика Осю.

Большинство детей в вагоне, где ехали Лена с Ирой, говорили по-немецки. Видно, выросли они в семьях немцев, которые целыми колониями жили по южным областям России и Украины, и поэтому хорошо говорили на двух языках. Всех их собрали на дорогах из разбитых авиацией обозов. И везли теперь в неизвестность подальше от грозного беспощадного фронта, где бесилось смертоносное оружие и взрослое население планеты. Детей везли в вагоне, специально оборудованном для транспортировки больных и раненых. И кого-то из благоразумных людей нужно благодарить за выдержку и терпение и за то, что сумел добыть транспорт для незащищенных детей.

Неизвестны их имена, но были, есть и, очевидно, будут и в дальнейшем на нашей земле люди, которые не ради себя, а ради других идут, вопреки дурному закону, на нарушение. Спасают они детей, рискуя своей жизнью, не выкрикивая громко свои имена.

Всерьёз разболелась Леночка. Стала сгорать на глазах. Губы её обметало белым налётом, и она уже не могла открыть воспалённые глаза. Сняли её в каком-то большом городе с поезда. Ирочка, уцепившись двумя руками за платице сестры, не хотела с ней расставаться. Полноватая женщина, которая хорошо говорила по-русски, попыталась убедить появившуюся в вагоне строгую женщину в белом халате и очках, что, мол, эти две девочки – сёстры и что не следует их разлучать. Но женщина-врач осталась неумолимой. Что-то быстро и громко говоря, и махая во все стороны руками, она всё же вынудила двух сопровождающих её пожилых мужчин забрать Леночку. Накинув на больную одеяло и схватив её в охапку, мужчина быстро пошёл к выходу, а второй попридержал в это время Иру, которая рвалась следом.

Не только Леночку забрали из вагона. Эта же участь постигла ещё нескольких детей. Права была женщина-врач, отправившая в ближайшую больницу охваченных жаром детей. Не окажи вовремя медицинскую помощь тяжело больным детям, они бы умерли в дороге. Всё же больше было у больных шансов выжить в больнице под присмотром медицинского персонала и при наличии необходимых лекарств.

Надолго разлучила неумолимая женщина-врач двух сестёр-сироток. И осталось с тех пор в душе у Ирины на всю жизнь чувство неприязни ко всем, кто ходил в

белых халатах. Только в крайнем случае, уже будучи взрослой женщиной, обращалась она за помощью к врачам. Прекрасно понимала, что не права она в своих обвинениях, но пересилить себя не могла.

Поиграла ещё раз судьба с детьми-сиротами в злые игры. Леночка осталась в большом городе Берлине, а Ирочку увёз поезд дальше, вглубь чужой для девочки Германии. Сдали девчущку, словно номерную вещь, женщинам, уже без нарукавных повязок, одетых в чёрные одежды. Провезли на уже знакомой ей конной телеге и поселили на долгое время в детский приют-интернат, основанный при женском монастыре. Постригли её наголо и избавили от всех насекомых, которых немало развелось за время длительного путешествия. Не стало у Иры здесь такой свободы, какая была когда-то прежде дома. Порядок и распорядок приходилось соблюдать девочке, привыкшей к неограниченной свободе и воле. Не раз приходилось ей отбывать и наказания. Мыть полы и выполнять различные штрафные работы без всякой очереди стало обычным делом для юной воспитанницы. Но нет худа без добра: научилась она делать всё сама, притом быстро и качественно.

Девичий приют, в котором жила Ира, находился в сельской местности. И не приют это был, а предварительная школа-интернат для девушек, которые желали стать монахинями. Разница между местными девушками и эвакуированными была лишь в том, что местные девчата находились здесь добровольно, а эвакуированные – по необходимости.

Куда можно в чужой стране отправить девочек-подростков, не знающих ни языка, ни обычаев, как не в места, где воспитывается и местное молодое поколение.

Не только учёбой загружали девочек в этом интернате. Большое подсобное хозяйство имелось при нём, где хватало работы всем. Выращивали здесь всё – от овощей и фруктов до домашних животных включительно. Даже несколько лошадей имелось при хозяйстве. Одним словом, воспитанницы школы-интерната не были дармоедами. Они снабжали себя почти всеми продуктами, и даже в женский монастырь, в подчинении которого они находились, отправляли осенью целыми телегами различные овощи, ягоды, фрукты и различные травы для приправ с полей и огородов.

Пришлось и Ире как-то проехать возничим в монастырь, который находился почти в центре небольшого города, удобно расположившегося у небольшой реки. Она была поражена монументальными строениями церкви и соборов, которые были возведены более пятисот лет назад. А когда вошла в церковь, то у бедной девочки захватило дух от величия открывшейся картины. Много раз пришлось ей потом бывать во время богослужений в этой церкви, но таких ощущений, как в первый раз, она уже никогда больше не испытывала.

Воспитывали в приюте непослушных немного иначе, чем дома. Не хлопали здесь по тощему заднику девочки свёрнутым валиком полотенцем, как это делала дома мама. Нет. Отхаживала иногда одна из особенно строгих воспитательниц непослушную Иру специальной мягкой плёткой. Конечно, ни увечий, ни повреждений не получала трудновоспитуемая девочка, но сама процедура унижения доводила её до обморочного состояния. Не могла вынести душа прилюдного насилия. Не однажды пробовала она убежать из этой, своего рода тюрьмы для малолетних. Но куда убежишь в чужом краю? И приводили маленькую беглянку, словно преступницу, назад, и всё начиналось сначала.

Бежали годы. Время в девичьем интернате тянулось однообразно. Ушла в прошлое проклятая война. Из маленького угловатого серенького мышонка постепенно выросла красивая, с большими выразительными глазами и

упрямыми, как сама хозяйка, пышными тёмно-каштановыми волосами, девушка.

Церковь, к которой относилась школа, во время войны не пострадала. Порядки в школе тоже ни в чём не изменились после войны. Вновь пришедшие власти не вмешивались во внутренние церковные дела. Страна лежала в руинах и развалинах. Работы хватало всем, и послушницы из школы-интерната тоже не оставались в стороне. Помогали в городе при восстановительных работах. Помогали в поле. Помогали в строительстве и ремонте дорог. В общем, работали, как и всё население, но при этом ещё и учились, сдавали различные экзамены - от математики до шитья включительно. Втянулась с годами Ира в ритм порядка и распорядка, и стала даже во многом образцом для других.

Рядом с приютом находилось большое дворянское поместье. По договору с церковной властью девушки-послушницы иногда работали за небольшую плату на полях и в конюшнях, которые принадлежали этому поместью. Ира тоже не была исключением. Со временем ей так понравилось ухаживать за лошадьми, что она уже добровольно стала напрашиваться на эту работу. По её живому характеру пришлось это занятие. Быстро научилась ездить верхом.

Хорошим лошадям просто необходима каждодневная выездка для того, чтобы не потерять форму. И скакала отчаянная девушка, словно настоящий ковбой или мустангер, по окружающим поместью лугам и пастбищам, распугивая зверюшек и птиц. Особенно любила скакать по дубовой роще, которая большим полумесяцем охватывала весь дальний конюшенный двор и саму конюшню. Мчалась, низко пригнувшись к гриве, словно сливаясь с лошадьёю в одно целое.

Понаблюдал некоторое время старый барон, хозяин поместья, исподтишка за бравой наездницей, а потом пригласил её как-то на разговор к себе в имение.

Долго расспрашивал старик молоденькую девушку. Немало неожиданных вопросов задал он ей. Конечно, не на все сумела вразумительно ответить Ира, понявшая, что не простой экзамен она сдаёт, а жизненно важный. К этому времени она уже прекрасно говорила на местном германском наречии и, очевидно, строгий дворянин остался доволен её ответами. Барон Остерманн предложил воспитаннице монастыря поступить к нему на службу. За неимением мужской рабочей силы предложил он девушке взять на себя хлопоты по конюшне. О таком предложении не смела прежде Ира даже мечтать. От радости, забыв всё на свете, подпрыгнула, закружилась она, а потом чмокнула улыбающегося старика в щёку от избытка чувств.

В помощь, а, может быть, и для постоянного контроля за молоденькой девушкой, вместе с Ирой в маленьком домике рядом с конюшней поселили и пожилую женщину из местных – тётю Фриду. И не одна переселилась тётя Фрида на дальнюю конеферму, а с единственной внучкой барона Остерманна.

Намного интереснее пошла теперь жизнь. День проходил в хлопотах за лошадьми, а вечером, под присмотром наставницы, она занималась науками и играла с маленькой Агнесой.

Старый барон взял её к себе на работу при условии, что его подопечная продолжит занятия по образованию. Он же уладил все дела с церковью и местной школой, чтобы девушка была допущена к экзаменам. Роль домашней учительницы должна была выполнять всё та же тётя Фрида. И не простой экономкой оказалась пожилая женщина, которая всю войну прожила в имении, а магистром философии. Немного прошло времени, и очень подружились две женщины с такими разными судьбами.

Сын тёти Фриды погиб в начале войны на одной стороне фронта, а брат Ирины, Эвальд Добрштайн воевал на другой. Может быть, именно от руки Эвальда и погиб Франк, сын экономки, единственная её опора и надежда. Никогда не говорили на эту тему между собой женщины. Обходили стороной разговоры о войне. Слишком больно это было для обоих, и они бессознательно уклонялись от разговоров о прошлом.

Как-то спокойнее стала с годами Ира. Может, причина была в том, что многому училась у тёти Фриды, а, может, уж очень пытливыми глазами смотрела на неё всё время маленькая Агнесс. Во всём брала она с Иры пример. А кто же хочет быть плохим примером? Словно послушная собачка, следовала малышка за Ириной и никогда не перечила ей ни одним словом. Совсем недавно потеряла маленькая Агнесс свою родную маму. Осталась крошка одна на белом свете. Старый барон, неплохой человек, остался к единственной внучке не сказать, чтобы равнодушным, но прохладным. Напоминала она ему о потерянных родных. Каждый раз при виде её не мог он сдержать старческих слёз. Поэтому по его просьбе и взяла тётя Фрида малышку Агнесс с собой. И было это к лучшему. Девочка настолько привязалась к Ире, что можно было только удивляться. Разница в возрасте была порядочная, но, очевидно, и мамой, и старшей сестрой в одном лице стала Ира для Агнесс.

Терпению и спокойствию тёти Фриды можно было только позавидовать. Из любой сложной ситуации она всегда находила благоразумный выход. Можно сказать, что вместе поселили огонь и воду, которые в природе, вроде бы, и не совместимы. Но вопреки закону природы, прекрасно сошлись тётя Фрида (вода) и Ира (огонь). Словно паровая машина, тащили они на своих женских плечах целое хозяйство. Уход за десятком лошадей (а примерно столько находилось их в дальней конюшне) состоял не только в езде верхом. Навоз нужно вывезти, подстилку несколько раз в день сменить, корм подбросить...

Обе женщины хлопотали целый день, а вечерами строгая опекуноша не разрешала уставшей Ире ложиться в постель до тех пор, пока та несколько раз не прочтёт учебный материал, который был выбран ещё накануне. И малышка Агнесс тоже требовала к себе повышенного внимания на ночь. Её нужно было уложить в кроватку и обязательно спеть песенку или прочитать сказку. Не хотела, а, может быть, и не могла уснуть маленькая баронесса, которая потеряла родителей в такие ранние годы.

Не пропал труд девушки и женщины даром. При очередном экзамене строгий сухарь-учитель поставил Иру в пример всем тем ученикам, которые днём посещали школу. С заслуженной гордостью показала девушка свой выпускной документ сначала тёте Фриде, а затем – старому барону.

Неоднократно приходил старый барон в конюшню, которая стояла в отдалении от основных построек имения. Нравилось и ему это место. Сразу же за конюшненным двором начиналась большая дубовая роща, которая тоже принадлежала ему. Любил старик прогуляться под вековыми дубами. Отдыхал он здесь душой и телом. Здесь приобретал он покой, которого ему так не хватало в имении. В доме всё напоминало ему о потерянных родных. Каждый домашний предмет был так или иначе связан с женой, сыном, снохой. Один остался барон Вилли Остерманн на старости лет. Жену похоронил давно. Сын пропал без вести. В конце войны погибла сноха.

Убедился барон Остерманн, что у двух женщин хозяйство в полном порядке и внучке у них гораздо лучше, чем в имении.

Сумел барон сберечь своих лучших, чистокровных скакунов. Многого ему это стоило, но всё же спас пару высокопородистых кобыл и жеребчика. Запущены

были они, правда, в последнее время до неузнаваемости. У самого барона силёнок было уже немного, а старик-конюх, который прежде ухаживал за дальним конезаводом, спился за последние годы войны до полубезумного состояния. Дичали и паршивели у него лошади, и обвинять или наказывать его было неловко. Четверых сыновей забрала у старика-конюха война, одного за другим.

Жили они когда-то всей большой семьёй на дальнем конюшенном дворе, и образцовый порядок царил здесь всегда, а теперь сила и разум покинули старика. Задачей его жизни стало добыть спиртного. Даже сбрую и всё, что можно было ещё унести в руках, продавал престарелый конюх проезжающим по дороге людям за бесценок. И так уж само собой получилось, что барон из двух зол выбрал меньшее, и доверил своих лучших коней двум женщинам.

Жизнь у всех троих – старушки, девушки и девочки – бежала ровно и без особенных перемен, но только до одного счастливого для иных и несчастного для других дня.

В один из обыкновенных дней, неожиданно для всех троих, появился на дальнем дворе старый барон в сопровождении высокого бледного мужчины. После этого жизнь всех, а особенно Ирины, круто изменилась. Не чужим оказался человек, пришедший на дальний двор, а родным, единственным сыном барона Вилли Остерманна и отцом маленькой Агнесс. Альвин Остерманн, бывший офицер, позднее военнопленный, а теперь опять вольный гражданин новой Германии пришёл на дальний конский двор. Поклоном поприветствовала его тётя Фрида, а он обнял её двумя руками. Именно в этот момент вышли из дома во двор и Ирина с малышкой Агнесс. Мужчина подошёл, подхватил девчущку на руки, а она, отталкивая, упёрлась ему руками в грудь. Не узнала малышка родного отца, да и не удивительно. Слишком мала была она ещё при его редких наездах домой и, конечно, не могла запомнить.

Пошло с этого дня у Ирины всё кривь и вкось. Одним махом выбилась она из каждодневного спокойного ритма жизни. Невпопад отвечала на вопросы и всё чаще уходила одна по делу и без дела в дубовую рощу, чего с ней раньше не случалось. Две основные причины стали виной её душевного неравновесия.

Забрали бароны маленькую Агнесс с собой, а с ней и унесли частицу сердца девушки-сироты. Очень не хватало одинокой девушке маленьких тёплых рук, которые с такой любовью обнимали её по утрам и вечерам. Даже днём умудрялась малышка уместиться время от времени на коленках у старшей подружки и пошептать ей свои секреты на ушко, а теперь её не стало.

Не знала Ира, что в старом замке Остерманнов разыгрываются шумные баталии между взрослыми и маленькой наследницей. То, что творила в детстве Ирочка, ни в какое сравнение не шло с тем, что сейчас вытворяла Агнесс. В неукротимого дьяволенка превратилась тихая и спокойная девчущка, и не было с ней никакого сладу. Ломала и била всё подряд, что под руки попадётся. Крик стоял целый день, а ночь вообще для всех превращалась в кошмар. И требовала она только одного: «Отпустите меня к Ирине».

Всерьёз испугавшись за душевное состояние своей дочери, поехал Альвин Остерманн через несколько дней на дальний двор. Но не тот тон взял он при разговоре с девушкой. Привыкший командовать, он и здесь, чуть ли не в форме приказа велел ей временно переселиться на центральную усадьбу имения. Ничего при этом девушке не объяснив и не рассказав.

Не понравился такой тон упрямой девушке. Все светские манеры, которым так старательно обучала её тётя Фрида, она вмиг позабыла. Каков привет, таков и

ответ. Так же коротко и однозначно, как с ней разговаривал Альвин, Она ответила ему: "Нет!"

Разозлённый до бешенства и несолоно хлебавши, уехал молодой хозяин с дальнего двора.

Но не только заносчивый тон разволновал девушку до крайности. С той минуты, когда Ира впервые увидела Альвина, вздрогнуло и неровно забилося бедное сердечко девушки. Она и сама не смогла бы объяснить причину внезапной душевной тревоги. Жарко ей стало. Покраснела, сама того не замечая. Хорошо, что плотный загар от постоянной работы на свежем ветре, прикрыл её, не выдал смятения. В первую же ночь приснился Альвин Ире, притом так бесстыже, что, вспоминая тот сон, она сразу же делалась пунцовая. Поняла Ирина, что нет больше места ей на дальнем дворе. Не простит молодой строптивый барон непослушания прислуги. Стала, молча, глотая слёзы, упаковывать свои нехитрые пожитки. Упросила тётю Фриду сходить за расчётом к Вилли Остерманну. Та долго отнекивалась, но, в конце концов, согласилась и ушла в имение. Немного погода вернулась, но не одна, а в сопровождении старого барона и его внучки.

Уже издавек, крича во весь свой тоненький голосок и махая руками, словно заведённая игрушечная ветряная мельница, подала Агнесс сигнал о своём приближении. Выскочила Ира на голос малышки и, не удержавшись, бросилась ей навстречу. Даже тётя Фрида и старый барон не смогли удержать слёз при этой встрече, а уж об Ире и говорить нечего.

На глазах подменили и маленькую девочку. Самым смиренным голосочком попросила она своего дедушку оставить её жить здесь и столько мольбы было в её взгляде, что старый барон только махнул рукой.

Старик после того, как все страсти немного улеглись, попросил свою подопечную пройти с ним в дубовую рощу. О чём говорили эти два, таких разных по возрасту и характеру человека, неизвестно. На следующий же день старик приехал ещё раз и в присутствии тёти Фриды зачитал официально составленный договор, который гласил, что с настоящего времени Ира переводится в полномочные управляющие дальним племенным конезаводом. В случае прекращения договора, безразлично по чьей инициативе, ей будет выплачена приличная сумма. Этим договором Ирина была по закону защищена от любого произвола владельца имения. Лишь одна оговорка о том, что Ира Добрштайн берёт на себя обязанности по присмотру за прямой наследницей Остерманнов, Агнесс Остерманн, стояла в письменном договоре. Девушка молча, под одобряющие взгляды тёти Фриды, подписала договор. Отныне она не была бесправным наёмным рабочим, которого можно было выбросить по простому капризу за ворота. Этим договором она была и защищена и, в случае ухода, материально обеспечена.

Молодой барон долго не появлялся на конезаводе. Но, видно, тоска по дочери всё же вынудила его унять свою гордость. Со временем стал он всё чаще приходить к маленькой Агнесс. Она поначалу дичилась, сторонилась его, но тётя Фрида и Ира, постепенно, мягко и доходчиво смогли объяснить малышке, что это её родной отец и что он очень любит свою дочь, но только не может это выразить понятным для женщин языком. Между двумя близкими ей людьми металась бедненькая девочка и не могла понять их неприязни друг к другу, а что это тайная любовь она, конечно, знать не могла.

Не только дочь была причиной тому, что Альвин всё чаще навещал дальнюю конеферму. Влекло его сюда и другое. Очень нравилась ему новая хозяйка конюшни, только признаться даже самому себе в чувствах он не хотел.

Но природа знает секреты человека и использует их очень часто и активно. Бессонные, беспощадные ночи. Да и днём мысли абсолютно не те, что нужно. И так изо дня в день. Месяц за месяцем. Кто же такое выдержит?

Не выдержав всех пыток и мучений, предложил Альвин Ирене (так стало звучать по-немецки ее имя) руку и сердце, но опять же не в той форме.

Холодно спросила его строптивая девушка, не лошадь ли покупает молодой барон и притом не очень породистую, мол, даже в глаза не смотрит.

Проклятье! Не постеснявшись присутствия дочери, высказал Альвин всё, что было на душе, а закончил тем, что подхватил Ирене двумя руками и объявил, что жить без неё не хочет, не может и не будет. Агнесс, поглядывая снизу вверх и прихлопывая в ладошки, сказала Ирене: «Ну что? Я тебе что говорила? Приручим мы моего папочку. Никуда он от нас не денется. Будет у нас как шёлковый...»

Опустил улыбающийся Альвин свою будущую жену с рук и обхватил теперь обоих и дочь, и Ирене, приговаривая при этом: «Ах вы, заговорщицы... Так вы специально так долго мучили меня?!...»

Ира, смущённо улыбаясь, промолчала, но маленькая проказница Агнесс, показав отцу язык, скороговоркой проговорила: «Нет. Не мы. Ты сам мучил себя и нас с Иреной. Надо было давно переехать к нам жить, мы бы и перемирились все».

Так родилась необычная новая семья из трёх человек. Альвин приобрёл любимую жену, которая в нём тоже души не чаяла, а Агнесс в один миг и отца, и маму.

Дела на конеферме шли лучшим образом. Война круто проредила строй настоящих любителей лошадей, но кое-кто всё же остался. Стали организовывать такие люди состязания и различные соревнования. Пришлось и Ире обучаться настоящей выездке. Немало очень дельных и хороших советов получила она от старого барона, и он был очень горд, когда сноха завоевала свой первый приз не только как тренер лошади, но и как наездница. А о муже Ирене, Альвине Остерманне, и говорить нечего.

Грех сравнивать человека и лошадь, но когда Ирене Добрштайн-Остерманн выезжала на лошадях своей конюшни на стартовую позицию, всем зрителям казалось, что молодая женщина и лошадь под ней не отдельные существа, а одно целое. Широко раскрывали глаза мужчины всех возрастов при виде этого зрелища, а женщины, наоборот, прищуривались, как при виде опасной соперницы. Всадница и лошадь казались эталоном грации и совершенства, и красота одной лишь подчеркивала элегантность другой...

Иначе сложилась судьба у старшей сестры Иры, Елены. Увезли её из большого города Берлина сначала в Потсдам, а затем в Бранденбург. Здесь и осталась она навсегда. При очередной делёжке Германии оказалась в восточной зоне, но намного западнее Берлина. Стали советские танки стеной с одной стороны, а английские и американские – с другой стороны «Великой Германской стены». Не одну семью разделила эта стена на многие годы.

И даже после того, как человеческое здравомыслие взяло верх и стену снесли, в одной стране, совершенно неожиданно для всех, оказалось два различных народа. Говорили оба на одном языке, но очень тяжело понимали друг друга. По-разному развивалась жизнь с двух сторон стены, несмотря на близкое соседство, и так уж получилось, что Елена во всем приняла диктатуру одной партии за жизненный идеал.

Но, конечно, не знала она, что не созрело ещё человечество для такой жизненной логики. Утопией звучат призывы о всеобщем коммунизме. Ведь

никто из людей не согласен добровольно отдать всё, что он имеет, даже если оно ему не нужно для жизни и никогда не понадобится. Все попытки человечества перейти к новому строю оканчивались только страшными братоубийственными кровопролитиями.

Вопреки истории, слепо верила Елена в коммунистическую идеологию.

Приют. Школа. Высшая школа. Партийная школа. Партийная карьера. Замужество. Один высокий пост за другим. Очнулась от этого дурманного сна лишь после того, как единственная родная дочь сбежала со своим мужем и двумя детьми в Западную Германию. Долго не могла Елена Руссмани поверить в случившееся. Лишь теперь, после побега дочери, почувствовала она на себе лично, что не только ласкать и возвышать может родная партия, но и очень больно наказывать и даже унижать безо всякой на то причины. Вся карьера оборвалась в один миг. Жизнь изменилась для Елены Руссмани и повернулась к ней тёмной стороной. Словно старуха из сказки, стояла она теперь у разбитого корыта. Нелегко было идейной коммунистке переступить порог нового, совершенно другого жизненного пространства. Мысли о самоубийстве не однажды приходили ей в голову.

А здесь новая революция. Разрешили, наконец, двум Германиям объединиться. Прямо на глазах Елены стал рушиться целый мир, в который она верила и которому отдала всю себя без остатка и сомнений.

Ушли танки. Разломали «Великую стену». Смотали и увезли куда-то всю колючую проволоку, и разом обнажились все прорехи в экономике и политике. В добавок ко всем бедам, как назло, в самую тяжёлую минуту умер и последний близкий человек Елены – муж Штепан Руссмани.

Побила судьба Елену. Никакого просвета не оставила впереди. Но добрались после падения стены до неё дочь, зять и внуки. Не дали одинокой женщине сойти с ума. Заставили двигаться и работать. Немного погодя, нашла Елену и её родная сестра Ира. Энергии и предпринимательству этой уже немолодой женщины можно было только позавидовать.

Увлекла она и старшую сестру своей идеей построить на местных, менее заселённых, чем на западе, землях большой племенной конезавод. Нет худа без добра.

Знала Елена, как нужно разговаривать со своими бывшими коллегами, которые сидели, несмотря на все изменения в стране, на своих удобных административных постах. Добилась она своего, и откупили с сестрой довольно большую территорию.

Стала постепенно оживать женщина. Интерес появился, и новая работа стала приносить радость. Нелегко было ей, привыкшей руководить только из кабинета да на совещаниях, брать самой в руки рабочий инвентарь.

Но по душе пришёлся ей настоящий физический труд. Работала до полного изнеможения. Только теперь, когда стала работать для себя лично, поняла бывший партийный работник, что труд приносит ей, наконец, и душевное облегчение. А Ира не просто взвалила на сестру работу по строящемуся новому конезаводу, но взяла её в долю. Знала она, чем отвлечь убитую жизнью сестру. Загрузила хлопотами до головы и выше.

Целыми месяцами жила теперь Ира в так называемых «Новых Федеративных Землях». Сумела Елена при финансовой помощи младшей сестры откупить ещё несколько больших земельных участков, где раньше размещались советские воинские части.

Много, очевидно, было бензина, керосина и дизельного топлива у советского воинства. Пришлось местами землю на десятки метров в глубину выбирать,

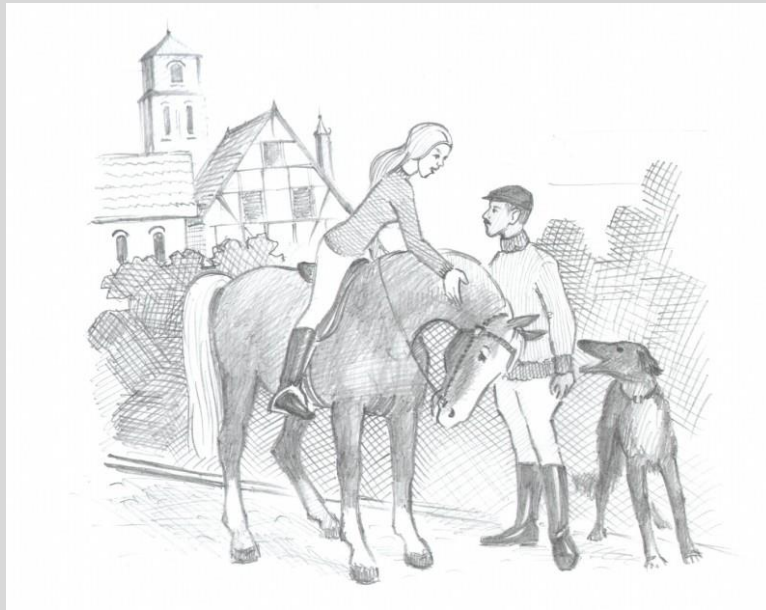
чтобы очистить грунт от нефтяной заразы, которая грозила дойти и до грунтовой воды. Не один литр этой гадости, не десять и даже не сотни, спустили на землю и под землю щедрые военные начальники. С умыслом это было сделано или нет, осталось неизвестным, но на местах бывших советских военных заправочных станций выросли глубокие карьеры. Возможно, что именно таким способом хотели помочь «умные», «сердобольные» военные руководители обиженному рабочему классу.

Как-никак, но много работы сумели они организовать таким образом. Жаль только, что сами ничего не получили от этого бывшие пользователи этих мест, а могли бы, если бы это же самое добро, то есть нефтепродукты, просто продали капиталистам.

Только для новых хозяев, Елены и Иры, это были непредвиденные финансовые расходы. Но нет, как говорят, худа без добра. После того, как выбрали весь испорченный нефтью грунт и увезли его для сжигания в специальных печах, образовались на местах бывших заправочных станций большие кратеры.

Идея родилась сама собой. Нужно было только официальное разрешение местных властей. Добилась Елена и этого. Поставили небольшую плотину и направили воду из местной речушки в вырытые котлованы. И вот, пожалуйста, получилось несколько прекрасных прудов.

Оказалась бывшая партийная активистка не только умно говорящим политиком, но и совсем неплохим хозяйственником. Заваливала свою сестру идеями. Ира только удивлялась энергии старшей сестры. Но и радовалась она, конечно, тому, что её сестра очнулась, наконец, от удара всех переворотов и перестроек.

14 глава. Альвин Остерманн

Альвин Остерманн был единственным наследником состоятельной германской старинной дворянской фамилии. Семейное поместье находилось в центре Германии. Не очень далеко было до реки Рейн, а рядом находились и невысокие Кассельские горы. Город, расположенный под боком имения, носил странное название, напоминающее звон весеннего ручья.

Молодой барон получил превосходное образование и воспитание. Его отец, большой любитель лошадей, имел несколько племенных конюшен. Владел старый барон также ружейными магазинами, разбросанные по всей Германии. Не сам, конечно, управлялся барон со всем своим хозяйством, но не брезговал он иногда взять в руки скребок или щётку и показать, как нужно ухаживать за лошастью или протирать пыль на прилавке.

Альвин, наследник всего семейного состояния, не пошёл в своего отца. Его больше привлекала техника. Единственное, в чём были схожи двое мужчин, – это стрельба. В своём домашнем тире нередко проводили они своего рода соревнования, и со временем сын оставил отца далеко позади по условно набираемым баллам.

Благодаря связям отца, поездил молодой барон по свету. Как отличного знатока оружия, привлекали его иногда выступить в роли внештатного инспектора и эксперта. Несмотря на молодость, побывал он в чине советника и в набирающей военную силу России. Допустили любознательных иностранцев даже до далёкой и страшной по рассказам Сибири. Провели их и на территорию офицерского училища в городе Сибирске да вдобавок накормили ещё солдатской едой. «Щами» назвал это странное, составленное невесть из чего блюдо командир воинской кухни. Германец был очарован необъятными просторами и расстояниями, но и очень удивлён беднотой деревень. По-другому выглядела сельская местность в России, чем на его родине. Дорог никаких, и техники тоже не видно. Как будто в совершенно другой мир попал он, и не просто в другой мир, а даже на другую планету.

Но зато армейская оснащённость, очевидно, стояла всё же на первом месте в этом странном для западного европейца государстве. Не был он большим военным специалистом, но видел, какую мощную, живую силу может выставить Россия. Не знал Альвин Остерманн, что не союзниками станут две страны впоследствии, а смертельными врагами. Однако никто не спросил его мнения, когда решали этот вопрос. Не глуп был дворянский потомок. Читал историю. Но понял он только здесь, в глубинке России, почему даже Наполеон, поставивший в своё время всю Европу на колени, не смог покорить эту ещё далеко не полностью обжитую страну.

Обжѣг надменный деспот Бонапарт, вернее сказать, обморозил, свой нос и ещё кое-что в холодной России. Шведских рыцарей тоже утопили русские в небольшом, по мировым масштабам, водоёме. Монголы продержались дольше всех, но всё равно, далеко не все они сумели убраться на своих шустрях, выносливых лошадаках из дремучих лесов России к себе домой, в далекую Монголию.

Не хотел бы молодой барон воевать на огромной территории, таинственной для всех непосвящённых, страны России, а пришлось.

Хоть и прекрасным стрелком был Альвин Остерманн, но не был он создан для войны, как и многие другие нормальные люди. Не спросили согласия у человека, который до войны не мог и курицу зарубить своими руками. Натянули на него полевую военную униформу и бросили в самое пекло войны, не оставив ему никакого выбора. Заложниками его преданности и верности фатерланду, а особенно фюреру, остались у него дома престарелый отец, жена и ребёнок.

С детства нравилась Альвину стрельба из огнестрельного оружия. Унаследовал он от отца и довольно дорогой пистолет, изготовленный по заказу. Ничем особенным не отличался он от серийного, но всё же собран был штучно и ствол был изготовлен подлиннее. Достиг хозяин этим того, что улучшилась дальность прицела и боя. Каждый знаток оружия знает, что чем больше расстояние между скобой и мушкой, тем легче взять мишень на прицел.

Не думал с охотой пуляющий по мишеням подросток-аристократ, что и ему придётся когда-то стрелять из фамильного пистолета в себе подобных, в живых людей.

Не один раз спас жизнь Альвину Остерманну доставшийся ему по наследству пистолет. И даже не просто стрелять из оружия, но и орудовать штыком, словно обыкновенными вилами, пришлось баронскому отпрыску для того, чтобы выжить.

Уже позднее, после войны, он часто задавал себе вопрос, как могло такое случиться?

Что происходит вдруг с человеком, когда стоит вопрос о жизни и смерти, когда один человек стоит против другого и всё решается в один миг: кто – кого?

Удивлялся тому, что человек в такое мгновение теряет все чувства, кроме звериной злости. Кто – кого? И больше ничего не существует в этот миг на белом свете. Подтверждение своим догадкам о том, что всё человеческое как бы замораживается в это время, получал Альвин многократно. И в том, что не один лишь он, интеллигентный человек, чувствует такое в рукопашном бою, убеждался не однажды.

Разговаривал он и со своими однополчанами, и с пленёнными врагами не брезговал поговорить, если выдавался случай, и все говорили одно и тоже: «Человек перестаёт быть человеком, когда вопрос стоит ребром: ты или тебя. В рукопашном бою для сентиментальности, пощады или жалости места нет».

Не в открытом бою получил германский офицер своё первое серьёзное ранение, а в походе. Накрыл его колонну град мин.

Совершенно незнакомое оружие было применено на этот раз противником. Сплошной завесой стала вспучиваться земля на многие десятки метров вокруг, и непонятно было, откуда ведётся такой частый минометный огонь.

Странно рассуждают иные военные чины, когда дают имена своему оружию. И советские, и германские военные называли свои смертоносные орудия женскими именами «Катюша» и «Дора». В природе принято, что всё женское рождает новую жизнь. По непонятной иронии «Катюши» и «Доры», наоборот, людей убивали тысячами.

Как можно понять человеческое мышление? Куда исчезает, прячется логика человека, когда он придумывает оружие для уничтожения себе подобного и ещё в насмешку над самим собой, а вместе с тем и над всем человечеством, называет его женским именем?

Вынесли всё же санитары своего командира Альвина Остерманна из зоны обстрела. Не суждено было ему умереть. Потерял пару пальцев и рёбер на чужой земле, но ещё раз убедился в абсурдности войны. Попал после стационарного лечения домой, на окончательное выздоровление. Отец встретил сына, как героя, но не сошлись мнениями два родных человека. Поразному видели они войну. Один был принципиально за Большую Германию любой ценой, а второй был категорически против таких взглядов. Не выходили, конечно, эти споры за стены родного дома, но очень недовольны были друг другом отец и сын. И лишь в конце войны убедился отец, что прав был его сын, а не он.

Понял старый барон, что любая война бьёт во все стороны одинаково и, в конечном итоге, всегда выходит так, что нет побеждённых и победителей, а есть только жертвы.

Недолго длился домашний курорт для офицера-фронтовика. Выбросил его очередной приказ опять на передовую. Не стал он больше брать с собой фамильную драгоценность, пистолет штучной сборки. Оставил свой испытанный парабеллум дома и взял на этот раз с собой более лёгкий и компактный Вальтер.

Перед тем, как попасть на фронт, побывал в очень интересном месте, на юге «дружеского» государства-союзника. Пострелял он там в тире, показывая своё мастерство обучающимся. Ещё раз убедился в нечистоплотности многих высших чинов не только армии, но и идеологических фюреров. Готовили они себе отходные каналы, на всякий случай. Смазывали уже заранее салом нужные салазки, для того, чтобы в подходящий момент ускользнуть в неизвестность.

Помог Альвин и человеку, вызвавшему у него симпатию ещё до войны. Вспомнил даже о том, что в протест на нечестные действия одного из членов судейской комиссии, подарил свои часы отличному стрелку, которого отталкивали от призового места, принадлежащего ему по праву.

Фронтовик Остерманн с группой отобранных для каких-то секретных операций молоденьких офицеров, перед тем как отправиться на юг в служебную поездку, попал в ближайший карьер, провести пробные стрельбы. Никто, конечно, из молодёжи не знал, что именно он был назначен высшим командованием провести отбор лучших стрелков.

Но лучшим из лучших оказался, неожиданно для всех присутствующих пленный советский солдат, случайно выбранный для подноски мишеней.

Пошутила судьба ещё раз над двумя мужчинами. Проверила их на стойкость. К чести обоих – будь сказано – оба с достоинством выдержали испытание. Не побоялся показать своё мастерство советский немец-офицер, зная наверняка, что недолго ему придётся после этого жить.

Не побоялся тяжёлых последствий для себя и германский офицер, запланировавший, рискуя своей жизнью, побег пленного. Понравился Альвину Остерманну рослый российский солдат ещё при первой встрече.

Несмотря на короткую причёску, солдатские обмотки и форму, распознал всё же в нём германец строевую выправку кадрового военного, которую не так-то просто изменить. Только с годами вырабатывается эта военная осанка, и опытный глаз всегда поймёт, кто прячется под чужой одеждой.

Хитрым было советское военное командование, переодев офицеров в солдат, но, по правде сказать, не очень дальновидным. Бросилось всё же в глаза людям, понимающим кое-что в этих вопросах, что подлог здесь налицо, но никто не хотел никому ненужного конфликта. Ведь в составе иностранных делегаций тоже было немало людей, надевших одежды, которые сидели на них мешковато. Обе стороны играли дешёвенький театр, и каждый считал, что противник глупее его.

Всё организовал Альвин для благополучного побега пленного. Устроил надлежащим образом и даже концы в воду сумел по уму спрятать. К счастью, именно в эту ночь недалеко от берега союзники потопили катер с беглецами из местной тюрьмы, который пытался уйти в море. Списали туда же и беглеца-пленного.

Не знал Эвальд, что родной брат Марии, Анатолий Смоляр, в ночь побега был совсем рядом с ним. Не удалось Смолю, промышляющему в этих вечно беспокойных краях, уже под греческим именем Толий Смоляриди, на этот раз вывезти очередную партию беженцев и беглецов. Накрыли судёнышко сначала прожекторными лучами, а затем хладнокровно потопили парочкой снарядов, чтобы другим неповадно было. Но всё же чуть позже встретятся они, и поможет ещё раз своему швагеру-шурина Анатолий Смоляр через своих друзей контрабандистов.

Наказать за побег пленного из специальной школы кого-то было необходимо. И поехал опять офицер Альвин Остерманн на уже хорошо знакомый ему восточный фронт.

Пришлось теперь ему испытать и серьёзные российские морозы. Походил и по самое пузо в грязи и иле. Понюхал ещё раз пороха. Причём, совсем другим становится этот запах в бою, чем в тире или на стрельбищах. Кровью, страхом и смертью пахнет он на полях сражений.

Получил второе ранение, но ещё раз повезло ему. Сумели вырваться лёгчики тяжёлого, транспортного самолёта, загруженного до отказа ранеными, из уже почти полностью захлопнувшейся мышеловки.

Прикрыл ангел-хранитель самолёт, а вместе с ним немало живых душ, крыльями-облаками. Дал людям возможность вернуться на свою родину из чужой страны. Ангелы знают, что делают. Не один из выживших германских солдат и офицеров стал после войны активным борцом за мир. Альвин был одним из них.

И двух десятков лет не пройдёт, как ощерятся опять два мира, словно сбесившиеся звериные стаи. Наведут друг на друга после недолгого спокойного времени жерла пушек. И тонкая перегородка, разделяющая два идеологически разных мира, не превратится на этот раз во всепожирающую линию фронта только благодаря прояснению разума человека.

Не задышали опять в Европе огнём и сталью пушки и ракеты благодаря тому, что восторжествовал на этот раз разум. Не стали рвать бомбы всё подряд на куски, рассеивая кругом смерть и опустошение.

Но две силы, воюющие между собой за господство на земле, разделили один из самых перенаселённых континентов планеты на две части. Опять на многие годы даже родные братья были разделены колючей проволокой и высокой стеной, похожей на Великую китайскую. Только китайский народ отгородился своей стеной от внешнего врага, а стеной, которая разделила Германию на две части, разорвали один народ.

От Балтийского моря до Альп разделили две могущественные силы побеждённое германское государство. Встали по обе стороны стены братья по крови с оружием в руках и очень часто не для испуга стреляли, а всерьёз, на поражение. Не один человек погиб при попытке пересечь эту несуразную границу.

Активным борцом за мир стал бывший военный Альвин Остерманн. Много времени потратил он и на восстановление могил людей, погибших в германском плену, военнопленных из стран-противниц. И то, что кладбище советских солдат, военнопленных, расположенное возле населённого пункта Аугустдорф (Augustdorf) в земле Нордрайнвестфаллен (Nordrheinwestfallen), всегда выглядит ухоженным, тоже немалая заслуга Альвина.

Тихо на этом кладбище и, в основном, немногочисленно. Очень далеко отсюда живут родственники похороненных на этом погосте. В его центре уютной отдельной стайкой стоят беленькие берёзки-сестрички. Напевают они, наверное, лежащим под землей замученным военнопленным знакомые песни. Ведь берёзки, – что азиатские, что европейские, – похожи друг на друга, а значит, и песни они поют одинаковые.

Как напоминание о страшном человеческом варварстве, с левой стороны от главного входа на кладбище виднеются покрытые вечнозелёной травой длинные рвы. Закопаны они, конечно, и, сколько лежит в них народу, неизвестно, но немало тысяч. А ведь ждали этих людей где-то там, далеко от этих мест, не один год. Может, ещё и сегодня не один человек, помолвившись на ночь, помянет своего близкого, но давно пропавшего без вести родственника, покоящегося здесь.

Поженились молодые соседствующие дворяне Анна Курцшток и Альвин Остерманн. Чувства, конечно, были, но немаловажную роль сыграла здесь и настойчивость родителей, уже много лет друживших семьями. Все ждали наследника мужского пола, но, вопреки ожиданиям, появилась девочка. Не суждено было Анне родить наследника. Не дожила она до этого дня. Погубили злые люди сразу две невинные человеческие души.

Приехала жена проведать Альвина в госпитале. Побыли несколько дней вместе, и унесла женщина частицу мужа с собой. Но не пожалела судьба, обернувшись слепой бомбой, двух живых существ, находящихся в одном теле. Превратились в пыль и прах женщина и ещё не родившийся ребенок. Лишился молодой барон своего наследника, даже не зная о том, что он уже жил во чреве матери.

Прямо из госпиталя зашагал германский офицер в американский лагерь для военнопленных. Поработал гордый дворянский потомок на благо родины, и не пистолетом пришлось ему теперь орудовать, а кое-чем проще и тяжелее. На пользу пошла ему тяжёлая физическая работа. Наукой стала на всю оставшуюся жизнь.

Вернулся Альвин Остерманн, бывший германский офицер, после недолгой одиссеи по американским лагерям домой, в свою семью, вернее сказать, к отцу

и дочери. Не застал он уже больше свою жену в живых. Погибла она при последних бомбёжках. Отправилась в один из обыкновенных дней Анна в город поменять кое-какие вещи на продукты и больше не вернулась домой.

До конца войны оставались считанные дни. Германская авиация была уже практически вся выведена из строя. Вольно, словно на параде, проплывали воздушные армады над городами с гражданским населением. Именно это и явилось причиной того, что не одна тысяча женщин, стариков и детей погибла в конце войны. Погибли в тот момент, когда уже все были уверены, что не будет больше воздушных налётов, что проклятой войне наступил всё же конец. Многие стали возвращаться в города и крупные населённые пункты из лесов и убежищ, и это стало их последней трагической ошибкой.

Покорённая Германия стала платить контрибуцию ещё задолго до того, как этот приговор был официально вынесён международным трибуналом, но не деньгами рассчитывалась проигравшая войну страна, а своим гражданским населением. То есть, ответ за преступления держали, как всегда, в основном не те, кто были, действительно, виноваты, а безвинные люди.

Бомбила в начале войны германская воздушная армия беззащитные города многих стран, убивая тысячи мирных жителей. Теперь настал черед новым невинным жертвам вынести все страдания тотального уничтожения. Ещё один раз подтвердила история древнюю истину – зло и жестокость могут породить только себе подобное. Разбрасывали кое-где победители на обречённые ими города, перед тем, как раскатывать их в пух и прах, из самолётов для видимости листовки, но далеко не каждый имел возможность их прочитать.

Очень гуманно были победители. Даже громогласно объявляли через средства информации о планируемом варварстве. А потом, спокойно, без лишней спешки, проводили своего рода тренировочные бомбометания не по учебным мишеням, а по жилым кварталам больших беззащитных городов и селений.

Город Падерборн, находящийся в центре Германии, в котором не было ни одного военного объекта, уничтожили таким образом на восемьдесят пять процентов. Как на учениях заходили тяжёлые бомбовозы на мирный беззащитный город. Только для того, чтобы потренировать молодые экипажи и израсходовать ненужные бомбы (не везти же их назад!), 17 января, 22 и 27 марта 1945 года тремя массовыми налётами город был практически стёрт с лица земли.

Такой же участи подвергся город Любек, который находился на севере побеждённой Германии. Ещё трагичнее сложилась судьба Дрездена. В этом городе собрались десятки тысяч беженцев. За одну ночь с 13 на четырнадцатое февраля 1945 года сравняли беззащитный город Дрезден с землёй, и, сколько в действительности погибло в этой преисподней людей, и по сегодняшний день неизвестно. И список таких городов-жертв можно продолжать до бесконечности...

На гражданское население Германии валились не только обыкновенные бомбы, но и бомбы с замедленным действием и ёмкостные бомбы с горючей смесью, которые позднее получили название «напалмовые». Действие последних было особенно эффективным по уничтожению всего живого. Огненный смерч сжигал всё, вплоть до кислорода, и люди, находящиеся в погребах и убежищах погибали от удушья.

Прожил немолодой уже человек, Вилли Остерманн, вместе со снохой, внучкой, пожилой женщиной-прислугой и старым дворецким всю войну в своём фамильном имении. Дождался, наконец, и сына. Но нерадостной оказалась

встреча молодого барона с маленькой дочерью. Не признала крошка Агнесс Альвина Остерманна отцом.

Не бедным человеком был старый барон, а, следовательно, и его единственный сын. И наследницей всего была теперь Агнесс.

Хозяйство, несмотря на огромные потери во время войны, всё же было и осталось большим у баронской семьи. Особенно много хлопот хватало с лошадьми. Это была страсть и гордость старого барона. Его лошадей знала не только Германия. Известны были скакуны Остерманна и далеко за границей.

Хороших работников подчистую выгребла война из баронских конюшен. Искал и добывал хозяйственный дворянин людей, где только мог.

Случай привел на одну из принадлежавших ему конюшен воспитанницу монастырского приюта. Понравилась боевая девушка старику. Прилежная. Аккуратная. Боевая.

Не знал, конечно, барон, когда предлагал Ирене Добрштайн работу, что не просто очередного конюшего принял он, а новую сноху привёл таким оригинальным способом в свой дом. И ни разу, до самой смерти, не пожалел Вилли Остерманн о том, что именно эту девушку, без рода и без племени, приютил он.

Не думал и не гадал и молодой барон, что маленькая Агнесс вынудит, заставит своего отца спрятать баронское высокомерие и заносчивость в дальний угол и пойти, вопреки своему собственному характеру, на уступки. Подчинится Альвин Остерманн детской и женской воле.

Малышка Агнесс сама выбрала себе новую няню, старшую сестру и маму в одном лице. Ничего против этого не имел её отец. Совсем наоборот. Нравилась и ему Ирене Добрштайн. И не просто нравилась, а даже очень сильно. Но для чего же существуют общепринятые приличия и обычаи?

Женщина должна быть хозяйкой дома, а не скакать, словно дикий мексиканец, верхом на лошади по канавам да по рытвинам. Если уж есть желание прокатиться верхом, то, пожалуйста, хватает ровных площадок и пастбищ.

Да верхом ездить – ещё только полдела. Где же это видано, чтобы управляющий конюшней, да ещё и женщина, работала навозными вилами, словно простой наёмный батрак. Нет. Это уже выходит за любые, даже самые широкие, рамки благоразумия.

Сделал Альвин пару попыток полюбовно поговорить с Иреной и заманить её таким образом в фамильный замок, но получил такой отпор, что порядочное время обходил дальнюю ферму стороной. И откуда только взялась на его беду эта взбалмошная девица? Ни рожи, ни кожи, как говорится, а характеру – воз.

Не раз собирался мужчина серьёзно поговорить со строптивицей. Даже доходил, будто бы прогуливаясь, до конефермы, но при виде девушки всю смелость сдувало с него, словно ветром.

Но чувства, не подчиняясь разуму, росли в душе влюблённого человека, как буйная зеленая поросль после тёплого летнего дождика.

Нелегко мужчине быть одному. Можно было, конечно, Альвину найти себе и другую женщину. Даже и искать не надо было. Дня не проходило, чтобы какая-нибудь из ближних и даже дальних соседок, вроде бы по делу, не появлялась в фамильном поместье Остерманнов. Прекрасно знал наследник имени настоящую причину столь частых визитов. Для многих был бы молодой барон Остерманн блестящей партией. Но не лежало сердце ни к одной из частых гостей. Правду говорят, что труднодоступный плод всегда и самый сладкий.

Перед глазами Альвина чуть ли не постоянно стоял образ Ирены. Прямо наваждение какое-то. Не мог он найти точного слова своим чувствам, а оно

было старо и ёмко, как мир. Миллионы раз произнесли его уже люди до него и столько же раз произнесут и после него, и каждый человек проходит эти муки по-своему.

Любовь – и не иначе – звучит это ёмкое слово, в котором содержится весь смысл жизни на нашей земле. Нелегко было произнести это слово чрезмерно гордому человеку, но, в конце концов, сорвалось оно всё же с его губ.

При встречах с дочерью Агнесс Альвину становилось ещё хуже. Каждое второе произносимое дочерью слово было – Ирене. «Ирене сказала... Ирене сделала... Ирене то... Ирене сё...!» И так до бесконечности.

Отец уже тоже несколько раз заговаривал о женитьбе сына, мол, неплохо было бы ещё и внука-наследника увидеть.

И – зов! Мужской зов, день и ночь, не давал свободно дышать. Давил таким мощным прессом, что сердце готово было выскочить из своего гнезда. Попробуй тут, поживи спокойно при всех этих помехах!

Все проблемы Альвина Остерманна решились в один миг и совсем не так, как он планировал. Ни о чём серьёзном не думая, пошёл он как-то проведать дочь, которая добилась своего и жила почти постоянно на дальней конеферме. По дороге на конеферму посидел на пенёчке в дубовой роще. Погонял прутиком муравьёв, завидуя их дружной работе и жизни. И вдруг, неожиданно для самого себя, решился на серьёзный окончательный разговор с Иреной.

Начал, как всегда, неудачно. Нашла опять коса на камень. Нагнула упрямую голову девушка. Стала к Альвину боком. Открылась вдруг его взгляду, тоненькая, совершенно незащитная, голубоватая жилка на шее девушки. С такой силой билась, пульсировала в ней кровь, что влюблённый мужчина понял, наконец, всё без слов.

Не долго думая, подхватил Ирене на руки и по её ожившим, вспыхнувшим глазам удостоверился, что уже давно именно этого ждала от него девушка.

Лишь несколько слов прошептал влюблённый мужчина девушке на ухо, но этого оказалось достаточным для того, чтобы укротить строптивицу.

Так, одним действием и несколькими ёмкими словами, а не длинными разговорами, были разрушены все недоразумения и разрублены все узлы.

Дожил старый барон и до того времени, когда у счастливых Ирене и Альвина родился сын. В честь деда получил наследник и продолжатель рода Остерманнов имя Вилли.

Никогда не пожалел Альвин, что выбрал в спутницы жизни Ирене Добрштайн. Не давала она ему скучать, и не только скучать, но и стареть.

Говорят, что движение – это жизнь. Ирене не только вынуждала всех членов своей семьи не просто двигаться, а двигаться бегом, да иногда ещё и вприпрыжку.

Без умысла навела она своего мужа на интересную идею. Как-то вечером, сидя у камина, в разговоре с мужем, мельком упомянула о своих потерянных во время войны родственниках.

Задумал безбедный человек сделать своей жене к юбилею свадьбы оригинальный подарок-сюрприз. Задумано – значит, половина дела уже сделана!

Нанял Альвин Остерманн людей, знающих толк в сыском деле. Сам тоже принял активное участие в задуманном. И пошла работа, благо к этому времени пали уже многие железные и политические стены и перегородки. По всей Европе и даже Азии поездил германец, и результаты поисков превзошли все ожидания. Рад был до бесконечности, но ни одним словом не обмолвился об этом с женой.

Отнекивалась поначалу Ирене от поездки в далёкую Сибирь. Ссылалась на то, что у неё хлопот и так по самое горло с новым конезаводом, который она, вместе со своей сестрой Еленой, строила на территории бывшей ГДР. Но проявил на сей раз мужчина настойчивость. В категорической форме объявил жене, что на этот раз будет так, как сказал он, её законный муж, Альвин Остерманн. Удивилась такому упорству мужа Ирене. Однако не только она непрестанно перевоспитывала барона, но и барон привил ей за долгий срок совместной жизни немало положительного.

Во многом изменилась Ирина Добрштайн после того, как вышла замуж, и не в худшую сторону, а в лучшую. Спокойнее стала. Рассудительнее. Живой характер, конечно, остался, но всё же немного осторожнее стала она с годами в своих выражениях и поступках. Да и подросшие дети как-то дисциплинировали. Не будешь же сумасбродничать под пытливыми взглядами малышей, которые всё схватывают на лету и понимают зачастую твои сгоряча сказанные слова не так, как надо.

Поехали Остерманны всей семьёй прогуляться по Сибири. О таком подарке, который ждал Ирене в далеком северном городе Сибирске, она, конечно, никогда и не мечтала. До глубины души потрясла её встреча, которую специально для своей жены приготовил втайне от всех бывший офицер вермахта, а теперь полноправный германский гражданин барон Альвин Остерманн.

15 глава. Встреча

Снова стал местом встречи Народный театр в далёком от Европы городе Сибирске. Только на этот раз всё было заранее продумано и запланировано. Сценарий тоже был написан подходящий и подобраны нужные артисты. Немало времени, денег и энергии потратил Альвин Остерманн, пока сумел всё организовать. Никто из официально приглашённых зрителей не знал, что ждёт их в зрительном зале театра, который находился в далёкой от Европы холодной Сибири. Даже собственной жене Ирене не раскрыл своей тайны Альвин, а уж об остальных и говорить нечего.

Приехал как-то в колхоз, который находился чуть ли не в самом центре Украины, гость-иностранец. И не колхоз уже это был теперь, а какое-то непонятное никому акционерное общество. Название почему-то сменили, а начальство всё равно осталось прежнее. Показали высокому гостю всё лучшее, но он почему-то попросил отвести его на скотный двор. Сослался на то, что интересно ему посмотреть на потомков тех коров и быков, которых вывезли когда-то давно, сразу же после войны, из Германии.

Схитрил иностранный господин. Не раскрыл настоящей цели своего приезда. Много времени прошло, пока агент Альвина Остерманна нашёл следы Оскара Добрштайна. Поэтому точно знал Альвин, куда и зачем он едет, но только другим не рассказывал.

При первом же взгляде на скотника Остапа Добраша убедился Альвин Остерманн, что всё соответствует тому, что рассказал ему его разведчик. Не обманул Альвина шустрый частный детектив и не зря потребовал такой большой гонорар.

Ошибиться было невозможно. Родной брат его жены стоял перед ним. Поменьше ростом и плечами пошире оказался он, чем Ирена, но сходство было поразительное.

Несколько ещё очень странных для всех присутствующих вопросов задал германец скотнику о его детстве. И, очевидно, остался доволен он ответами. Вежливо улыбаясь, попрощался с рабочим человеком. Не побрезговал даже руку подать простому работяге, чем немало удивил высокое начальство. Им почему-то такой чести не было оказано. Кто же мог подумать, что не чужими были эти столь разные люди – скотник и приезжий фон-барон из богатой Германии, – а шурины-швагеры.

Получил Остап Добраш через некоторое время официальное приглашение от какого-то общества любителей животных из далёкого города Сибирска. Все расходы на поездку и плюс приличные командировочные выдал ему очень

даже представительный гражданин, навестивший колхозного скотника на дому. И не один Остап был приглашён, а со всей многочисленной роднёй, то есть с женой, детьми и внуками. Кто же откажется от такого заманчивого предложения, когда даже начальство тебя уговаривает, и билеты на прямой рейс самолёта получаешь вместе с приглашением?

Не сказали, конечно, рабочему человеку начальники-руководители, что каждый из них получил очень даже приличный подарок от того же господина, который принёс приглашение ему, простому скотнику Остапу Добрашу.

С десятков набралось их, прямых потомков Добрашей-Добрштайнов. Так весёлой шумной компанией и поехали посмотреть далёкую Сибирь. Показали им различные фермы и базы для скота. Стали и в Сибири частники заводить своё собственное животноводство. Неплохой, конечно, был скот у некоторых из этих фермеров, но всё равно ни в какое сравнение не шёл с украинским. Гордо рассказывал глуховатый скотник о своих быках и о том потомстве, что они производят. Целую неделю возили и развлекали Добрашей. В заключение этой интересной поездки повезли их в Народный театр города Сибирска на премьеру нового спектакля.

Эвальд и Мария были уже давно не молоды, когда в их доме раздались первые детские голоса. Наградила природа эту многострадальную семью сразу двумя крикунами за один раз. Счастью и радости не было конца. Огорчило лишь одно. После не совсем удачного появления на свет двойняшек (врачи вынуждены были сделать кесарево сечение), узнала Мария о том, что никогда больше не сможет она иметь детей.

Но хватало хлопот и с двумя пострелятами. В честь потерянных брата Анатолия Смоляра и сестры Ирины Добрштайн назвали родители своих поздних детей Ирой и Толиком.

Толя не очень был похож на своего, незнакомого ему дядю, но зато Ира была полнейшей копией своей тёти Иры. (Для ясности так и будем их называть Ира Первая и Ира Вторая).

Даже по характеру как две капли воды из одной бочки были похожи друг на друга тётя и племянница. Шкодливым проделкам Инчика, как, любя, называл её отец, можно было бы посвятить много страниц, но рассказать хотя бы об одной стоит.

Будучи ещё совсем малышкой, вывела она отцовский «москвич» из строя так, что даже лучшие специалисты, соседи по огородам, не смогли найти причину. Поехали как-то Добрштайны копать картофель на дальние огороды. Эвальд оставил свой старенький автомобиль на краю огорода возле дороги.

Спектакль начался тогда, когда уже набрали достаточно картофеля для первого рейса. Участие в этом незапланированном театральном представлении приняли все соседи по огородам и продлилось оно не один час, а подольше. Не смог Эвальд запустить мотор своего «москвича». Покопался некоторое время сам – ничего не получилось. На помощь пришли ещё несколько мужчин. Советы сыпались со всех сторон, но только не давали они никакого результата. И искру проверили, и питание. В общем, сделали всё возможное, а мотор не хотел заводиться, хоть тресни. Толкали сначала бедный москвич руками, а затем прицепили на трос к грузовику. Нет. Без результата. Ни вспышки, ни вдоха.

Путалась всё время Ирочка под ногами, и никто не хотел выслушать её всерьёз, а надо было это сделать с самого начала. Только Мария, которая лучше всех понимала шепелявую речь своей дочурки, спросила, между прочим, Эвальда, как это можно картошкой накормить их ишака, которому, насколько она знала, нужен был бензин и масло, притом, постоянно и в огромном количестве.

Махнул Эвальд сгоряча рукой на бред, который несла Мария, а затем задумался. Озарение снизошло, наконец, на окончательно замученного мужчину. Взял он свою малышку Ирочку на руки и спросил, как она сумела накормить их ишачка. Именно так и не иначе звали Эвальд и Мария своего кормильца и палочку-выручалочку – старенький «москвич». И показала малышка отцу, как она до отвала накормила своего железного друга.

Картофеля-то много на огороде, а взрослым, конечно, как всегда, некогда за их вечной работой, вот и постаралась Ира на славу. Всю выхлопную трубу накатала она картофелем и даже палочкой помогла, чтобы лучше глотал ишачок и не подавился при этом.

Все мужики схватились за животы. Только женщины не поняли, почему это вдруг так весело стало мужчинам. Пришлось Эвальду забраться под машину. Работа знакомая. Через пару минут выхлопная труба была у него в руках. Чёрные шарики картофеля дружно посыпались на землю, как только Эвальд поставил трубу вертикально и стал стучать по ней молотком.

Точно по размеру подобрала малышка клубни, а те, которые не совсем подходили, подбила следующими картофелинами. И даже губки, то есть стенки трубы, после того, как ишачок был сыт по горло, протёрла заботливая девочка своим носовым платком.

Какой же мотор сможет выплюнуть такую затычку? С этой работой не каждый компрессор справился бы, а куда уж тут слабенькому и кашляющему от старости мотору.

Надолго запомнился этот случай всем. И вспоминали его не только в доме Добрштайнов. Ходячим и даже крылатым анекдотом стал этот феноменальный случай. Все механики по всей округе после этого случая при неполадках с мотором в первую очередь заглядывали в выхлопную трубу – не пошутил ли кто? Нередко стали начинающим любителям-шоферам и даже профессионалам устраивать такие шутки. Сунет какой-нибудь шутник другому водителю тряпку в выхлопную трубу автомобиля – готов экзамен. Хорошо, если сразу же после первой неудачной попытки запустить двигатель, сообразит водитель обойти автомобиль кругом и, как бы, между прочим, заглянуть в выхлопную трубу. А если же нет, то надолго становился этот бедняга объектом острых насмешек.

Немало хлопот доставляли Ира и Толя своим родителям. Жалобы сыпались со всех сторон.

То окно разобьют в подъезде, а то двери разрисуют на пару так, как ни один художник не смог бы. В общем, нормальные, здоровые дети росли в семье Добрштайнов. Оба окончили школу, но, конечно, без золотых медалей.

За проказы не научились ещё учителя ставить хорошие оценки. Может быть, через пару сотен лет человечество всё же дойдёт и до этого, и будет не только академические знания ценить, но и живой ум.

Не смогли родители удержать детей при себе. Каждый из них выбрал собственную дорогу. Ира сумела убедить приёмную комиссию в том, что без её, Иринино, участия вся журналистика страны ломаного гроша стоит не будет. Посмеялись члены комиссии дружно, но всё же председательствующий распознал в Ире врождённый приключенческий талант.

А что нужно действительно хорошему журналисту, как не живой характер, для того чтобы разговорить собеседника? Конечно, не только анекдоты должен уметь рассказывать журналист. Он должен уметь всё и помимо этого ещё чуточку. Например, не бояться замарать ноги, когда приезжает в село. Кто же тебе покажет настоящую правду где-нибудь в конторе? Не бояться протопать

пешком пару десятков километров, если начальство транспорта не даёт или лимит на бензин кончился. И т. д. и т. п.

Ирина умела почти всё, и именно поэтому её уважали. Но уметь многое и пользоваться известным уважением – это, опять же, далеко ещё не всё. Горячий материал нужно где-то напечатать, а здесь частенько всё упиралось в глухую стену. В общем, Ирина Добрштайн Вторая не просто жила, а вела постоянную войну. И что самое интересное – не разочаровывалась при этом в жизни и не унывала.

Чуть спокойнее Ирины был Анатолий. Уехал из дома на Север. Получил высшее образование и по распределению попал на один из крупнейших нефтеперегонных комбинатов. Там и женился на коренной сибирячке. В отличие от своей вечно кочующей сестры, жил оседло и спокойно. Сделал хорошую карьеру, а при политической и экономической перестройке не упустил своего шанса. И откуда только хозяйская хватка взялась у человека, который учился совершенно другим принципам? Но жизнь, наверное, всё же – самый хороший учитель.

Неплохим учеником у жизни оказался Анатолий Эвальдович Добрштайн. Часто после перестройки стало мелькать это имя на газетных полосах. Иные ругали, другие хвалили. Но простые рабочие не обижались на него. Конечно, за исключением нерадивых и привыкших жить на окладе. Людям, любящим просто отсидеть положенные часы и идти домой, трудновато было ужиться с Анатолием Эвальдовичем. Времена, когда можно было зарабатывать деньги ничего не деланием, прошли. Нелегко было новым хозяевам перестроиться самим и по ходу действий перестраивать других. Но именно предприятие, одно из многих, на котором работал молодой менеджер, пережило перестройку и не просто пережило.

За счёт государственных налогов, которые отчисляло предприятие городу, смогли себе власть имущие, вопреки всякому здравому смыслу, накопить шикарных служебных автомобилей-иномарок. Но бессильны оказались здесь молодые хозяева предприятия. Единственное, что смогли сделать, – это построили для своих рабочих отдельную больницу и курорт.

Дни и ночи проводили новые предприниматели на предприятии. Рады были они плодам своего труда. Часто приходилось Анатолию одному или с коллегами выезжать и за границу. Учился у иностранцев красиво улыбаться, но при этом умел он и настоять на своём.

Любит за граница покупать сырьё. Обеспечивается, таким образом, работой свой персонал, и цены можно диктовать. Но не устраивал такой расклад молодых хозяев. Искали они другие пути и других партнёров.

А ведь это целое искусство: не обидеть заказчика, но и ясно дать ему понять, что он не единственный на свете, что ещё многие заинтересованы в твоём товаре. Большое дело играет, конечно, реклама, и не просто красочная, а реклама, действительно, дельная. Учились и этому. В общем, дел у Анатолия Эвальдовича Добрштайна было всегда невпроворот, но, несмотря на это, выбрал он время для поездки в Сибирск на встречу с родителями и сестрой.

Нельзя было Альвину Остерманну самому навестить Эвальда Добрштайна, а ужасно хотелось. Проехался он даже по Уралу. Посмотрел места, где пришлось его шурина и крестнику заготовливать во славу родины дровишки. Ведь вся задумка пошла бы тогда насмарку, случись им встретиться.

Неприменно узнал бы Альвина Эвальд, а этого не хотел германец. Уж слишком много было вложено и его, и чужого труда в организацию театрального сюрприза.

Но знал бывший германский офицер наверняка, какую возможность никогда не упустит Эвальд Добрштайн, бывший курсант военного пехотного училища. Не откажется он посетить свою альма-матер, которая до сих пор находится в городе Сибирске.

Не ошибся дальновидный германец. Не пришлось поверенному барона разводить долгую дипломатию и уговаривать. С радостью принял Эвальд приглашение посетить Сибирск и пообещал уговорить своих детей встретиться там всем вместе, благо недалеко от Сибирска находился город, в котором жил Анатолий со своей семьёй, а уж о Ирине вообще нечего было беспокоиться. Той это предложение настолько понравилось, что она даже предложила родителям взять часть расходов на себя. До крайности удивилась молодая женщина, когда узнала, что всё уже оплачено.

«Такого не может быть», – подумала она.

«Военное училище оплачивает расходы на поездку целой семьи в то время, когда даже служащие офицеры не вовремя получают свою законную зарплату? Таких сказок не бывает», – решила про себя Ирина Вторая.

И чуть не сорвала задуманный план слишком практически думающая журналистка. Поверенный человек Альвина Остерманна почувствовал за собой слежку, но скрыться не успел. Не найдя другого выхода, признался во всем дотошной журналистке.

Ирина Добрштайн не много знала о прошлом своих родителей. Не любили мать с отцом говорить на эту тему, да, очевидно, и побаивались. Конечно, далеко не во все жизненные детали семьи Добрштайнов был посвящён частный детектив, но знал уже многое. Уже несколько лет занимался он розыском разбросанных по всему миру Эвальда Добрштайна, Стефании Дундич и Оскара Добрштайна, живущего в настоящее время под именем Остапа Добраша.

С широко раскрытыми глазами слушала Ира повесть о детях-сиротах, и, в конце концов, не смогла удержать слёз. Это же надо! Из чужих уст пришлось ей узнать о страшной судьбе своих родителей и родственников. И о том, что у неё есть двоюродные сестры и братья, Ирина Вторая тоже узнала от разговорившегося детектива.

Но почему? Почему никогда мать с отцом не пожаловались на свою горькую судьбу?

Не могла понять Ира, выросшая в другое время, что не только детей жалели родители, но и самих себя от тяжёлых воспоминаний. Ни одним словом не обмолвилась Ира. Только как-то позадумчивее стала и позаботливее к родителям. Вместе с матерью и отцом поехала на организованную встречу и одного только боялась она, и не без причины, чтобы не случилось чего с отцом. Частенько стало пошаливать у него в последнее время сердце. Не сам, конечно, рассказал скрытный отец дочери о своём недуге, а мать. Она же и попросила дочь взять на всякий случай с собой кое-какие медикаменты.

Из всех детей семьи Добрштайн-Дундич лишь одна Стефания не дожидая знаменательной встречи в Народном театре города Сибирска, несмотря на то, что именно одна она прожила почти всю жизнь в далёкой от Европы Сибири.

Не нужно было искать потомков Стефании. Марина, её единственная дочь, работала в театре и была посвящена в тайну встречи. Не смогла обойтись без помощника Айфа и всё рассказала своей заместительнице.

Всё рассчитал барон Остерманн до мельчайших подробностей. Не зря прививала ему столько лет его любимая жена Ира живые человеческие черты. Ненавязчиво делала она это, но постоянно. Этим и достигла таких успехов, что

даже её, Ирину Первую, большого мастера этого дела, обошёл Альвин по всем статьям при организации подарков-сюрпризов.

Ира ничего не заподозрила, когда муж предложил ей совершить путешествие в Сибирь. И не просто вдвоём отправились они в далёкое путешествие, но взяли с собой дочь Агнесс, сына Вилли и даже Елену, сестру Иры.

Спектакль подходил к концу. Все участники с волнением ждали выхода на сцену главного героя театральной постановки.

Ничем особенным не отличалась новая пьеса «Встреча» от других. Зрительный зал при премьере был, как всегда, полон, и, как всегда, ужасно волновались все артисты, а в особенности, конечно, авторы сценария и режиссер-постановщик.

Но никто из участников и организаторов не ожидал какого-либо злого выпада или неожиданного сюрприза со стороны зрителей. Не было ещё такого случая в театре. Зрители, порою с траурным молчанием, а порою и с одобрительным шумом вместе с театральной коллективом переживали за героев.

В первом акте была прекрасно разыграна сцена семейной жизни. Немало переживали зрители и во второй части пьесы, где им выразительно и наглядно показали чёрную сторону насилия и жестокости. Третья, финальная часть, тоже началась успешно и только концовка была скомкана совершенно.

Практически перед концом постановки, именно в то время, когда на сцену должен был выйти главный герой и эффектно сказать свой заключительный монолог, из зрительного зала на сцену запрыгнул не предусмотренный сценарием персонаж.

Подбежал он к одной из насмерть перепуганных артисток. Присел перед ней на колени и двумя руками задрал штанину брюк на левой ноге до самого колена. Присмотрелся внимательно. Покрутил ногу изумленной артистки во все стороны, а затем безнадёжно махнул рукой.

Зрители и участники спектакля замерли в немом оцепенении. Никто ничего не понимал. Мужчина выпрямился во весь свой небольшой рост. Громко, словно многократно усиленный звуковой установкой, голос неожиданного визитёра проговорил с сильным украинским акцентом: «Та Остап Добраш я. Выходить так, то ця жинка довжна быть моя систра. Ни. Це не вона. Я свою Ёрочку из тысяч увзнав бы!»

И как бы отзываясь на этот мужской голос, из зала раздался пронзительный женский крик.

Следует отдать должное главному режиссёру театра. Не упустила она нужного момента. Моментально сообразив, как ещё можно спасти катастрофическое положение, быстро подала команду инженеру-осветителю включить верхний свет в зрительном зале.

Поняла Айфа Вайзенкинд, полноправная хозяйка театра и соавтор сценария, кто так неожиданно появился на сцене, и кто мог кричать ему из зрительного зала. Это могли быть только родные души, и ничего плохого они и в мыслях не имели. Они просто не смогли сдержать своих чувств.

По основному проходу в сторону сцены шла пожилая, но всё ещё стройная женщина. В ней с первого взгляда можно было узнать иностранку. Внимательно посмотрел на неё самозванный артист со сцены, а затем, взволнованно всплеснув руками, напрямую, прямо через рампу спрыгнул в проход.

Среднего роста, с широченными плечами и с белой, как будто специально выкрашенной головой мужчина и женщина, с красиво взбитой причёской, шли навстречу друг другу по широкому главному проходу, и все присутствующие

сразу же поняли – это родные брат и сестра. Конечно, разные они были, но какое-то неуловимое сходство сразу же бросалось в глаза.

Именно Ира, а не более сдержанная Елена, кинулась бежать к своему меньшему брату Оскару. Почувствовала она сердцем, что чужой по виду мужчина на сцене не кто иной, как её потерявшийся много лет назад родной брат Ося.

Так и не научилась за всю прожитую жизнь Ира Добрштайн-Остерманн управлять своими чувствами и делала именно то, чего требовала её не покорённая бедами душа.

Такого театрального действия, которое совершалось здесь прямо на глазах у сотен изумлённых зрителей, артистов и обслуживающего персонала, поставить невозможно. Всё-таки правда жизни ставит свои спектакли, и притом такие, что ни одна, пусть даже и лучшая пьеса, не может выразить. Невозможно играть жизнь естественнее, чем она есть на самом деле.

А главный виновник и организатор всего происходящего на сцене театра скромно сидел в сторонке. И не своей большой заслугой считал он проделанную им кропотливую работу. Нет.

Альвин Остерманн считал, что лишь вернул малую толику своего большого долга. Ведь и он лично принимал участие в развязывании этой проклятой войны-бойни, которая разъединила этих людей. Разбросала детей одной семьи по миру, словно пшено. А сколько ещё таких же невинных и незащитных жертв живёт на земле? Пусть и не сам он, Альвин Остерманн, решал вопрос – быть или не быть проклятой войне, но всё же участие в ней принимал. И о тех думал он, сидя в зале театра, кому никогда никто помочь уже не сможет.

Рад был конечно Альвин Остерманн, что полностью удался ему его сюрприз, который превратился в конечном итоге в семейный праздник, но и немного грустно было ему от своих мыслей.

Сценарий пьесы «Встреча» был написан двумя людьми. Приехал как-то из далёкой западной Европы иностранец в город Сибирск. С большим интересом посетил он и местный Народный театр. На следующий же день позвонил в администрацию театра и попросил о встрече. Точно в назначенное время постучал настойчивый иностранец в двери хозяйки театра Айфы Эдуардовны Вайзенкинд.

Айфа Эдуардовна была до крайности удивлена предложению, сделанному ей странным иностранцем. Но после того, как на своём ломаном русском языке и с ужасным акцентом объяснил он ей суть и смысл дела, она, не задумываясь ни на миг, дала своё согласие.

Вдвоём все и решили. Говорил гость из далёкой Германии немного по-русски, а владелица театра – на его языке. Наверное, ни один сценарий из существующих на свете не писался так, как этот. Если у авторов не хватало слов, они хватались за словари. Попробуй, поспорь с оппонентом, если он даже простых ругательных слов не знает, а если и знает понаслышке, так не понимает их тонкого или двойного смысла. Поладили всё же говорящие на разных языках, но понимающие друг друга люди.

Всего пару недель пробыл далёкий гость в Сибирске. Чётко поделили между собой обязанности быстро подружившиеся Айфа Вайзенкинд и Альвин Остерманн. Иностранец обязан был организовать присутствие на премьере всех людей, ради которых всё и было задумано. Владелица же театра должна была в течение довольно короткого срока сшить костюмы, оформить декорации и что самое главное – подобрать артистов, которые подошли бы по внешнему виду.

Приезжал ещё несколько раз иностранец в театр. Обговорил он с хозяйкой театра всё до мельчайших подробностей, но не учли они того, что чувства человеческие не всегда управляемы и планируемы. Чуть не сорвали премьеру спектакля «Встреча» непредусмотренные никаким репертуаром действия посторонних лиц. Да и не посторонними, как оказалось, были они, а именно главными героями.

Этот спектакль, а особенно концовка, остался в истории Народного театра города Сибирска, как лучший из лучших.

После так необычно закончившегося спектакля «Встреча» встречи родственников стали в этом театре традицией.

Благодаря этому спектаклю, который в короткие сроки завоевал популярность во всём мире, в Народном театре стихийно организован своего рода международный штаб по розыску пропавших родственников. Со всех концов света стали слетаться сюда, словно ласточки, письма с просьбами о помощи в розыске пропавших без вести братьев, сестёр, родителей...

Техника – великое дело. При помощи энтузиастов организовали в здании, которое находилось неподалёку от театра, своего рода банк электронной информации. Финансовые вопросы по покупке здания спонсоры взяли на себя. Потянулись в этот дом ниточки со всего мира. Из каких только стран не прилетали сюда запросы! Мир не без добрых людей.

И в суверенных независимых республиках «ближнего зарубежья», сформировавшихся после стремительного распада некогда огромной империи, остались ещё люди, которые не только в деньгах видели смысл жизни. Именно они, а не формалисты-чиновники, откликнулись на сигналы SOS, посылаемые из Сибирска.

Непрекращающимся потоком хлынули сведения в банк информации, возникший при помощи людей, которые работали здесь на добровольных началах, и не за страх или большие деньги, а за совесть.

Ира Добрштайн Вторая стала одной из главных активисток движения по розыску родственников.

Именно благодаря ей и частному детективу, нашлись всё же и следы Анатолия Смоляра, который прятался более полувека в таком месте, где его никогда и искать бы не стали.

Под греческим именем Толий Смоляриди проживал он в полупустынной Средней Азии много лет. Не в степи нашла следопыт Ирина Вторая могилу Анатолия Смоляра, а далеко в горах. Не пришлось Ирине встретить Анатолия живым, а привелось лишь увидеть его бедненькую могилку. Простой деревянный крест, сколоченный соседом-чабаном, украшал её, и не было на кресте никаких надписей. После доверительной беседы и обильного поминания, отдал подобрешший чабан, кочующий со своим стадом неподалеку от одиноко стоящей заимки, старый потрёпанный паспорт Анатолия, который он нашёл спрятанным в ружейном ящике. Не смог ничего прочитать малограмотный мужик в этом странном документе, потому что написан он был не по-русски, а по-гречески.

Содержание

Главы	Титульная страница/Посвящение	Страницы
	Фото автора	2
	Расставания и встречи	3
	Названия глав	
9 глава	Эвальд	4-17
10 глава	Мария	18-28
11 глава	Оскар	29-40
12 глава	Анатолий Смоляр	41-52
13 глава	Елена и Ирина	53-67
14 глава	Альвин Остерманн	68-76
15 глава	Встреча	77-84
	Экслибрис	85
	Содержание	86

